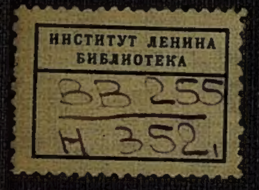
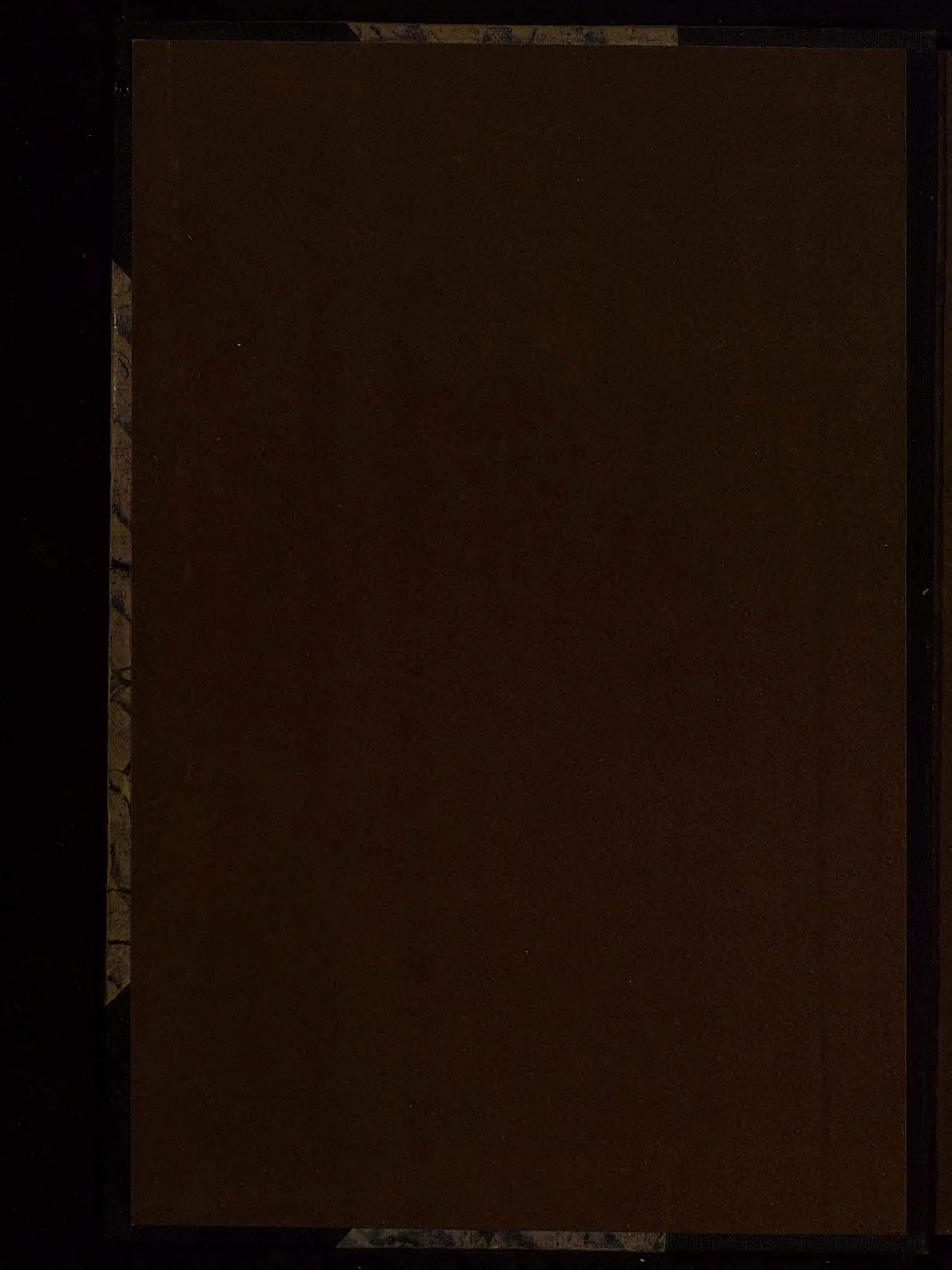
Наумов

Война

1914-18

Н. НАУМОВ

ВОЙНА

1914—1918

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

Н. НАУМОВ

ВОЙНА

1914—1918

С предисловием
Дм. БУХАРЦЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Н. НАУМОВ.—„ВОЙНА 1914—18 гг.“ Книга т. Наумова вскрывает весь переплет капиталистических противоречий, сложившихся в буржуазных государствах к началу империалистической войны. Характеристика участников мировой войны, предвоенные группировки, причины войны—получают в ней достаточное освещение. На ряду с этим несомненный интерес представит разбор основных военных операций. Здесь автор останавливается на плане Шлиффена, первых неделях войны на Западе, важнейших операциях на русском фронте и т. д. Достаточное место отведено в книге характеристике изменений в мировом хозяйстве после войны и перегруппировке сил мирового империализма. В заключение автор, разоблачая предательскую роль социал-демократии в условиях подготовки новой войны, выделяет те основные задачи, которые стоят перед рабочим классом и коммунистическими партиями по борьбе с нарастающей военной опасностью. Книга рассчитана на военный и гражданский партактив, начальствующий состав РККА и передовых рабочих.

Главлит № А—40296. Гиз № В—11 32.570 Тираж 6.000
8-я типография „Мосполиграф“

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

★

15 лет прошло с того дня, когда по мановению дирижеров из «Deutsche Bank», парижской биржи и лондонского City на всем земном шаре загремели орудия уничтожения и сотни миллионов пролетариев и крестьян были вовлечены в империалистическую бойню.

Четыре года ничтожная кучка господствующей буржуазии цепями лжи и обмана, спекуляции на национальном чувстве, национальной гордости, престиже, традициях заставляла громадные массы народа выполнять свою волю.

Вот что самое трагическое и потрясающее в мировой войне 1914—1918 гг.!

Не английские танки, не германские «чемоданы», не удушливые газы и аэропланы, не техника уничтожения, сделавшая во время войны поразительные успехи, являются более примечательным, основным, на что мы должны обратить внимание, изучая уроки последней мировой войны.

Самое важное—это та система идеологической мобилизации обмана широких рабоче-крестьянских масс, при помощи которой буржуазия сумела поставить на службу сотни миллионов людей, не заинтересованных в войне.

Сотни миллионов людей, не желавших войны, ненавидевших ее, шли убивать друг друга, не отдавая себе даже отчета в истинных целях этого бессмысленного кровопролития.

В том и таилась та «*великая тайна*», в которой рождается война.

Буржуазия снова готовит войну. И тайну этой подготовки никогда не познать, если не «*объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время*

последней войны, и почему оно не могло обстоять иначе». (Ленин. Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге.)

У Анри Барбюса «В огне» солдаты размышляют об уроках войны:

«Значит, ни мы, ни другие всего этого не запомнят. Значит, столько горя исчезнет бесследно».

. . . .

«Если бы все помнилось и удержалось в памяти,—заметил другой,—то не было бы больше войны».

Коммунисты, борющиеся против новой войны, должны приложить все усилия к тому, чтобы подавляющие народные массы не только «помнили и удержали в памяти» кошмарные дни мировой войны, но и поняли бы ее причины.

Вот первая задача, которая, по мнению Ильича, должна была стоять перед Гаагской делегацией [1]. Эта задача по существу остается еще и сейчас актуальной для всех коммунистических партий, несмотря на то, что 15 лет нас отделяет от начала мировой войны.

Несмотря на то, что уже 15 лет прошло после начала империалистической войны, ее еще изучают и отдельные проблемы ее продолжают интересовать самые разнообразные общественные круги.

Особое внимание посвящает последней войне буржуазная наука.

За последние годы на Западе вышла огромная литература, преимущественно мемуарная, посвященная последней войне. Значительная часть этих трудов посвящена стратегическим проблемам. Операции у Танненберга, битвы на Марне, у Вердена и т. д. имеют уже огромнейшую литературу.

Это обилие материала, посвященного последней мировой войне,—не результат воспоминательного зуда или гонорарного строчкогонства, а *реальный учет прошлого для подготовки нового.*

---

[1] В. И. Ленин в своих указаниях Гаагской делегации подчеркивал, что надо больше внимания обращать на конкретное объяснение опыта последней войны, *рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит главный гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи.*

Война 1914—1918 гг. была первой мировой империалистической войной. Критерием определения этой войны как *первой—мировой войны* является не невиданное доселе количество жертв, не то обстоятельство, что война шла одновременно в Европе, Азии, Африке, на морях и континентах, а то, что это была первая мировая война эпохи мирового хозяйства.

Эпоха империализма изобилует войнами. Чуть ли не каждый год XX столетия характеризовался войнами того или иного масштаба. Но все эти войны, хотя и были явно *империалистического* характера (за исключением отдельных национальных войн, которые тоже, в последнем счете, включались в империалистическую цепь), но их характер не был еще *мировым*.

В войне, которую вела царская Россия с Японией, был заинтересован ряд империалистических держав. Но все же русско-японская война, как и балканские войны, были войнами «местного масштаба». Но на ряду с центробежным характером развития империалистических конфликтов шли процессы и центростремительного порядка.

В переплете капиталистических противоречий все более четко поляризировались два основных противоречия, вокруг которых в той или иной вариации располагались остальные державы. Этими двумя полюсами была *Англия и Германия.*

Растущие противоречия между молодым германским империализмом и загнивающим английским делали неизбежным вооруженное столкновение между ними. С каждым годом все отчетливее и отчетливее выяснялась невозможность мирного существования этих обоих колоссов, конкурирующих по всем основным направлениям современного капитализма. Интересы Англии и Германии сталкивались на рынке капиталов в борьбе за источники сырья и за рынки сбыта товаров.

И когда, наконец, был найден соответствующий повод,—столкновение интересов Англии и Германии переросло в *мировую империалистическую войну.*

Это было вполне естественно, ибо противоречия между Англией и Германией были тогда *генеральными* противоречиями мирового капиталистического хозяйства и в них, как

в фокусе, перекрещивались нити всех противоречий местного масштаба. Вот почему война 1914—1918 гг. была войной *мировой*. Ее правильнее было бы назвать войной мирового хозяйства, ибо эта война как нельзя лучше показала, что мировые экономические отношения эпохи империализма сложились в единую, хотя и противоречивую, систему мирового хозяйства.

Мировое хозяйство стало единой цепью системы производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена, и, следовательно, ежели в каком-либо из звеньев цепи происходили сотрясения или изменения—это отражалось на всей цепи.

То обстоятельство, что *весь* мир принимал участие в мировой войне, а нейтралитет даже так называемых нейтральных стран по существу был лишь на бумаге, объясняется *глубочайшей взаимозависимостью между экономикой отдельных стран и континентов.*

Но мировая империалистическая война 1914—1918 гг. была лишь первой *мировой* войной, она показывала лишь прототип *настоящих мировых* войн, которыми чревата империалистическая эпоха. Несмотря на огромный размах мировой войны, она лишь в зародыше намечала формы и масштаб новой войны. И потому так внимательно изучают буржуазные милитаристы опыт последней войны, черпая в ней вдохновение и указания для новых столкновений.

Все, что можно взять из опыта последней войны, используется буржуазией для подготовки грядущих столкновений. Даже жертвы последней войны, развеянные по полям северной Франции, Бельгии и т. д., используются буржуазией для своих целей. В Париже стоит памятник неизвестному солдату. На его могиле вечно теплится лампадка, напоминающая французскому буржуа о героическом прошлом последней мировой войны. Этот памятник является в то же время идеологическим фактором мобилизации для новой войны.

Никогда опасность новой войны не была так велика, как в последние годы. 15-летие мировой войны совпадает как-раз с чрезвычайно характерным этапом в развитии послевоенного капитализма, так называемым «третьим периодом».

Третий период послевоенного развития капитализма характеризуется чрезвычайным обострением капиталистических противоречий, как в масштабах национального, так и мирового хозяйства. Известный рост производительных сил, наблюдающийся в «третьем периоде», еще больше усложняет проблему всех проблем современного империализма—борьбу за рынки.

Капиталистические противоречия развиваются в интернациональном масштабе по всем магистралям. На мировом рынке экспорта капитала, сбыта товаров и добычи сырья развиваются ожесточеннейшие мирные бои между отдельными государственно-национальными трестами. Эти мирные экономические бои таят в себе причины будущих мировых вооруженных столкновений.

Мировая война 1914—1918 гг. была следствием неразрешимых противоречий мирового капитализма. Война должна была, по мнению ее инициаторов, разрубить Гордиев узел капиталистических противоречий. Результат, однако, был совершенно противоположный. Мировая война не только не разрешила старых капиталистических противоречий, но еще прибавила к ним новые, воспроизведенные на расширенной основе, противоречия.

Весь послевоенный период является по существу полосой перманентных войн местного значения. Повторяется, в основном, тот же процесс, который можно было наблюдать до войны, лишь в новых вариациях, значительно более сложных и запутанных. Так же, как до войны 1914—1918 гг. из всей массы международных противоречий капитализма постепенно выкристаллизовалась основная система противоречий между Англией и Германией, так и сейчас в сложном переплете послевоенных капиталистических противоречий все отчетливее вырисовываются три группы мировых противоречий.

С одной стороны, мы имеем принципиально совершенно новое противоречие—*между капиталистическим миром и Союзом Советских Социалистических Республик.* С другой стороны, в капиталистическом секторе грозно нарастают противоречия между наиболее мощной империалистической страной—САСШ и загнивающим «демиургом буржуазного космоса»—Великобританией. И, наконец, все острее становятся

противоречия между капиталистическими государствами и колониями.

В одном из номеров английского журнала «Экономист» с характерной для нашего времени откровенностью в вопросах опасности новой войны так говорится о степени обостренности англо-американских отношений.

«Мы все живем в опасное время. Мы может понять, насколько оно опасно, если посмотрим, что случилось бы, если бы мы никак не действовали и позволили бы событиям развиваться, как они развивались с Вашингтонской конференции.

Что случилось бы, если бы морские, военные и дипломатические эксперты обеих стран продолжали прежнюю линию поведения, как требует от них профессиональный долг, до тех пор, пока не последовало бы определенных инструкций со стороны британского и американского представительств о том, чтобы действовать иначе. Раньше всего мы увидели бы конец тех зачатков новой всемирной солидарности, которая появилась в Лиге наций в пан-американском союзе, в структуре Британской империи, в локарнском соглашении, пакте Келлога и других попытках, сделанных с 1918 года для установления международной солидарности, исключающей войну.

Эти попытки вырастали, подобно весенним ручьям; в них сказывались робкие надежды и желания всего мира, они бы уничтожили возвращение к старому созданию новых союзов, что является традиционным следствием всеобщей войны, нарушившей систему политического равновесия. Если бы события шли обычным чередом, державы победительницы в войне 1914—1918 гг. должны были бы разделиться на два лагеря, чтобы быть соперниками в войне 1945 или 1950 г.

С одной стороны, самая сильная из держав—Соединенные штаты—стояла бы отдельно, сама по себе, с другой стороны, следующая по силе—Великобритания—должна была бы поддерживать равновесие, соединившись с Францией в новую Антанту; а затем Франция и Великобритания создали бы антиамериканский союз; Соединенные штаты захотели бы держать равновесие в своих руках, объединившись с противниками Франции в Европе—Италией и Германией. (Хороший конец Локарно!)

Таким образом, западная Европа, как и заокеанские страны, снова разделилась бы на два враждующих лагеря, а затем восточная Европа выступила бы на арену. Малая Антанта и Польша отошли бы в англофранцузский лагерь; Венгрия, Болгария, Албания и Литва—в германо-итальянско-американский лагерь. Таким образом, весь мир был бы вовлечен в войну, за исключением СССР, который, как tertius gaudens (третий смеющийся), наблюдал бы это желанное зрелище истребительной войны между капиталистическими державами».

Вряд ли такая статья и такие откровенные рассуждения могли появиться в какое-либо иное время. Только в «третий период», когда грозовые тучи новой войны снизились над головами ее будущих участников, люди начинают называть вещи своими именами. И не случайно поэтому, что именно сейчас буржуазия особенно упорно начинает возвращаться к воспоминаниям о последней мировой войне и к ее изучению.

Свои размышления и воспоминания о последней мировой войне буржуазия пытается завуалировать всяческими пацифистскими рассуждениями.

Одной из составных частей весьма сложной системы идеологической подготовки новой империалистической войны является *пацифизм.* Пацифистские иллюзии о возможности предотвращения и «отмены» войн в условиях капиталистического общества прекрасно используются воинствующим империализмом для его далеко не пацифистских целей.

Широкие народные массы помнят еще ужасы последней империалистической войны.

Ни рабочий класс, ни мелкая буржуазия, ни интеллигенция не имеют ни малейшего желания снова стать пушечным мясом финансового капитала. Итоги последней войны весьма ощутительно показали практическое содержание громких лозунгов патриотического угара первых дней войны. Война, послевоенный кризис, инфляция,—весьма «пацифизировали» широчайшие слои различных категорий трудящихся. Но если у революционной части рабочего класса и крестьянства ненависть к войне пропитана классовым осознанием движущих сил империалистических войн и их неизбежностью в капиталистическом строе,—у мелкой буржуазии, интеллигенции и находящихся в плену буржуазных и реформистских идео-

логий рабочих это антивоенное настроение, вернее боязнь войны, стихийно, подсознательно и неорганизованно.

Буржуазия и социал-демократы используют пацифизм для тех групп, которые настроены против войны и могут помешать ее подготовке. Пацифизм, принимая политические, религиозные и литературные формы, является по существу отдушиной, в которую уходит накопляющаяся антивоенная энергия различных слоев населения. Лига наций, конференция по разоружению, пацифистические конференции, пакты Келлога, все это—части соответствующего механизма, перерабатывающего честные и искренние подчас антивоенные настроения в бесконечную бессмысленную и безрезультатную болтовню. За ширмами этих бесконечных разговоров о мире ведется в то же время самая энергичная подготовка новой войны.

Воспоминания о старой войне, из уроков которой черпается пафос для новой войны, буржуазия старается растворить в пацифистском соусе всевозможных бессмысленных рассуждений о *виновниках* войны. На Западе существует чуть ли не целая наука о виновниках войны 1914—1918 гг. Почтенные профессора и прожженные дипломаты роются в документах, изучают дела давно минувших дней и все это для того, чтобы доказать почтеннейшей публике, что в войнах обыкновенно виновны плохие правители и преступные министры, а вовсе не вся капиталистическая система.

Опыт последней мировой войны должны внимательнейшим образом изучить и соответствующим образом использовать и *коммунисты*. Но естественно, что при этом *наша* установка диаметрально противоположна целям и установке буржуазии. Мы должны познать во всей ее конкретности последнюю мировую войну, мы должны уяснить себе и объяснить другим все ее скрытые пружины для того, чтобы *отдалить момент наступления второго тура империалистических войн.*

Мы должны каждому рабочему не только в странах буржуазии, но и в Советском Союзе популярно объяснить причины возникновения последней войны, конкретно показав, как те же причины, воспроизведенные на расширенной основе, обусловливают неизбежность новой империалистической войны.

Последняя мировая война не только показала мобилизационные способности буржуазии в области техники, живых сил и идеологии, но и явила миру образцы пролетарского революционного интернационализма.

Большевистская тактика во время войны, решительная антивоенная политика, проводившаяся незначительной тогда еще группой революционных рабочих с Лениным, Либкнехтом и Люксембург во главе, является блестящим примером для антивоенной тактики в период грядущей империалистической войны.

Понятно, что за 15 лет, отделяющих мир от начала войны 1914—1918 гг., силы пролетариата и степень его сопротивляемости буржуазии значительно выросли. Усилилась в то же время и предательская роль социал-демократии, которая окончательно перешла в лагерь буржуазии и откровеннейщим образом помогать ей подготавливать новуювойну. Закон о «мобилизации наций» во Франции—плод творчества «социиалиста» Поля Бонкура; броненосный пафос германской социал-демократии—блестящие примеры окончательного перерождения классового лица партии II Интернационала.

Зато за эти 15 лет на мировой арене появилась новая сила—*Коммунистический Интернационал*, объединивший вокруг себя все революционные элементы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Коммунистический Интернационал—это могучее орудие в руках пролетариата для борьбы с надвигающейся войной. Антимилитаристская работа Коминтерна является лишь развитием, углублением и расширением тех основных принципов антимилитаристской работы, которые были намечены большевизмом в период мировой войны.

Нельзя понять всей тайны рождения мировой войны, не получив ясного представления о предательской роли, которую сыграла мировая социал-демократия во время последней войны.

Мировая социал-демократия явилась вернейшим союзником буржуазии в деле превращения миллионов людей в безропотных исполнителей воли буржуазных господ.

Готовя новую войну, буржуазия главные свои надежды возлагает на помощь социал-демократии, и в этом она не ошибется.

Но буржуазия прекрасно учитывает и роль коммунистической партии. Готовясь к новой войне, она подготавливает всевозможные планы удушения сопротивления революционных пролетариев, и видное место в этих планах занимает безжалостный террор против коммунистической партии.

И как-раз, сейчас, на рубеже 15-летия мировой войны, этот террор становится особенно жестоким и подготовка к войне особенно реальной.

Буржуазия использует при этом не только уроки послевоенного революционного движения, но и уроки периода мировой войны.

Все это ставит в свою очередь и перед нами необходимость знакомить широчайшие массы рабочих и крестьян, особенно молодежь, не испытавшую «прелести» мировой войны, с основными конкретными данными, характеризующими размах и основные данные по последней войне.

Эту задачу берет на себя книга т. Наумова, посвященная описанию войны 1914—1918 гг. Автор дает конденсированное и в сравнительно популярной форме описание основных моментов, характерных для этой войны. Автор не дает детального анализа тайны рождения войны и идеологических методов мобилизации умов населения. Главное внимание т. Наумов обращает на характеристику держав, участвовавших в войне, акцентрируя не столько экномические, сколько политические движущие силы. При этом характеристика государств, входивших в Антанту, более полно разработана, чем характеристика держав Согласия, особенно Турции и Австро-Венгрии.

Автор подробно останавливается на характеристике отдельных держав, участвовавших в войне, но сравнительно мало анализирует общие причины, обусловившие создавшуюся к 1914 г. данную констелляцию сил.

Несомненным достоинством книги является то обстоятельство, что автор вовлекает в круг обсуждаемых проблем вопросы материального обеспечения войны, а также стратегические и тактические вопросы, не ограничиваясь лишь описанием политической стороны войны 1914—1918 гг.

Главы книги, где характеризуются основные ветви развития военных действий, являются наиболее живыми и интересными в книге, придавая ей более законченный вид.

Сравнительно слабо освещена автором проблема реформизма во время войны. Здесь т. Наумов приводит лишь общеизвестные факты, не давая анализа предательства II Интернационала и путей, которыми он сумел обеспечить «гражданский мир» в тылу воюющих держав.

Несмотря на все эти недостатки, книга г. Наумова позволяет нашему читателю, не знакомому с деталями мировой войны, получить о них более или менее популярное представление.

Дм. Бухарцев.

ВВЕДЕНИЕ.

★

«Капитализм—война»—этот старый тезис, характеризующий наиболее яркое проявление капиталистических противоречий, особенно характерен и актуален для последней фазы капитализма—*империализма.*

Конец XIX века и начало XX века, когда окончательно сложилась и оформилась империалистическая фаза капитализма, характеризуется ростом числа военных столкновений.

Уже испано-американская война 1898 г. явилась предвестником целой плеяды войн, разразившихся в начале XX века на самых разнообразных континентах мира.

Русско-японская война 1904—1905 гг. являлась по существу столкновением молодого японского империализма с царской Россией, в которой еще преобладали докапиталистические экономические и социальные отношения.

Ряд войн, развернувшихся на Балканах, несмотря на свой формально-национальный характер, являлись уже непосредственной увертюрой *к первой мировой империалистической войне.*

Война 1914—1918 гг. явилась следствием не просто обычных противоречий капитализма, а *специфических противоречий загнивающего капитализма.* Начало XX века было эпохой невиданного расцвета мирового хозяйства. Капиталистическая система, казалось, достигла вершины своей славы. Росли мировые производительные силы. Каждый день приносил новые технические открытия и усовершенствования. Новые фабрики и заводы, новые цеха и мастерские присоединялись к уже существующим «мертвым рабам» капитала.

Уголь, электричество, водяная сила, ветер—все использовывалось капиталистическим хозяйством. Все крепче и теснее связывалось мировое хозяйство в единый организм, еди-

ную систему производственных обменных отношений. Движущие силы империализма в первую очередь толкали капиталистов в отдаленнейшие уголки земного шара, вовлекая новые области в сферу капиталистического производства.

Развитие мирового хозяйства не всегда и всюду шло одинаково гладко и равномерно. Грандиозные кризисы периодически сотрясали все здание капитализма. Тогда останавливались маховики капиталистической машины, армии безработных заполняли городские улицы, лопались предприятия, разорялись десятки тысяч людей. Но проходило некоторое время, и снова гремели машины, рассасывалась безработица, и колесница капитализма катилась дальше вверх.

Как бы ни были сильны и глубоки отдельные зигзаги довоенного капитализма, общая кривая этого развития шла вверх.

Так выглядело внешнее благополучие довоенного мирового хозяйства.

Но это благополучие было кажущимся. Внутри капиталистического организма развивался болезненный процесс. Капитализм загнивал. Вся идиллия расцвета и роста довоенного капитализма не противоречила органическому процессу загнивания, который подтачивал корни всей капиталистической системы.

Империалистическая фаза развития капитализма, апогей его славы, одновременно означала и его закат. Те же причины, которые способствовали тому, чтобы капитализм перерос в свою империалистическую фазу, обусловили его загнивание.

Такова была диалектика довоенного развития капиталистического хозяйства.

Несмотря, однако, на эпоху «бури и натиска», которую переживал капитализм в течение последних десятилетий до мировой войны, в «атмосфере» чувствовалось наступление каких-то новых событий, принципиально отличавшихся от предыдущих кризисов, заминок, обычных для капиталистической системы.

Одним из характерных показателей эпохи империализма, эпохи загнивающего капитализма является раздел мира. Мировым империалистическим державам стало тесно на земном шаре.

Уже в 1901 г., тогда еще марксист, Каутский писал:

«Растут капитал и труд в собственной стране, растет и число конкурирующих индустриальных государств, между тем как количество аграрных государств все уменьшается. Скоро последние—поскольку они еще независимы—будут совершенно разделены, а потом к расширению монополизированных областей останется только один путь: не борьба между промышленным и аграрным государством, а кровавая борьба великих промышленных держав между собой, всемирная война. Всемирная война неизбежна с точки зрения сохранения способа производства, который зиждется на разделении труда между промышленным и аграрным государствами и на все увеличивающемся вывозе промышленных продуктов из первого и аграрных—из второго». (К. Каутский. Социал-демократия и торговая политика).

Эти шаги истории слыхали не только Каутский, но и все, кто не потерял способности видеть действительную сущность событий за потоками лжи и лицемерия официальной буржуазной идеологии.

Если бы просмотреть германские и английские журналы и газеты за 1913—1914 гг., можно убедиться, насколько очевидна для всех была опасность мировой войны, и насколько лживы уверения буржуазных политиков и, главным образом, социал-демократов, что мировая война явилась неожиданным стихийным бедствием.

Капитализм рос, но вместе с его ростом воспроизводились и глубочайшие капиталистические противоречия. К 1914 г. эти противоречия стали особенно ощутительны.

С средины 1912 г. на мировых рынках стали ощущаться серьезные «заминки». В Германии, Франции, России начались серьезные кризисы, повысился учетный процент, стала падать зарплата.

Экономические события соответствующим образом отражались на социально-политических отношениях. Спасательным клапаном должна была явиться война.

Мировая война 1914—1918 гг. была попыткой разрубить гордиев узел противоречий, в котором сплелись основные проблемы загнивающего капитализма. Перед капиталистическим миром стояла дилемма: либо заменить экономические отношения, становящиеся тормозом дальнейшего развития производительных сил, сиречь социальная революция, ли-

бо разрешить проблему уничтожением или по крайней мере ослаблением своего экономического противника.

На первый путь капиталистический мир не мог стать, ибо тогда капитализм перестал бы быть капитализмом.

Оставался второй путь. Война 1914—1918 гг. и должна была стать той панацеей, при помощи которой капиталисты надеялись выскочить из заколдованного круга империалистических противоречий. Как складывались и развивались эти противоречия—проследим по отдельным государствам, участвовавшим в мировой войне.

ВАЖНЕЙШИЕ УЧАСТНИКИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

★

Англия.

Среди держав, принимавших участие в войне 1914—1918 гг., первое место по международному, политическому и экономическому весу бесспорно занимает Англия. Мировая война должна была разрешить прежде всего коренную проблему английского империализма—сохранение и упрочение Англией своего мирового первенства.

Эта держава, которая к началу XVII века не имела решительно никаких колоний вне Европы и даже еще не владела Ирландией, ко второй половине XVII века стала самой сильной мировой державой.

Французский историк Бри в следующих словах характеризует международный вес Англии после заключения парижского мира, завершившего собою семилетнюю войну Англии и Пруссии против Франции и ряда ее союзников:

«1763 г., т.-е. год заключения парижского договора, обеспечил решительный перевес Великобритании над другими государствами Европы. Ни одна держава повидимому не в состоянии была далее оспаривать ее владычества над морями или отнять у нее торговую монополию, созданную ее недавними территориальными приобретениями. Франция поставлена была в необходимость вернуть ей Минорку, уступить ей Канаду, Луизиану вплоть до Миссисипи, оставляя в руках Испании остальную часть этой области под условием уступки ею Англии Флориды. Англия вступала таким образом в обладание почти всем материком Северной Америки. И в Ост-Индии перевес ее над Францией был обеспечен принятым последней обязательством не воздвигать крепостей в собственных владениях и не держать

в ней крупных по своей численности гарнизонов. Франция в строгом смысле слова переставала быть выдающейся колониальной державой, и то же может быть сказано до некоторой степени о ее союзнице в недавней войне—Испании, принужденной прекратить торговое соперничество с Великобританией.

Голландия, испытывавшая на себе невыгодные последствия соперничества Пруссии и Австрии и междуусобиц, ознаменовавших правление Вильгельма V, по верному выражению Фридриха Великого, в сравнении с Англией являлась утлой ладьею, влекомою линейным судном. Германия была вслед за религиозными войнами раздираема войнами династическими.

Италия, Швеция и Норвегия перестала играть какую бы то ни было роль в делах Европы. Осталась Россия, обновленная гением Петра Великого, но не успевшая еще занять того места, какое выпало ей в удел в первой половине XIX века. Польша еще существовала. Швеция владела Финляндией. Пруссия приобретала характер сильной военной державы; турки владели еще Кавказом, Азовом и устьем Дона, Крымом, Бессарабией и бассейном Днестра; Россия не имела еще доступа к берегам Черного моря и не могла поэтому служить угрозой для преобладания Англии на восточных морях. (Bry. Histoire industrielle et économique de l'Angleterre. 1900, p. 405).

Опираясь на свои громадные колониальные и торговые доходы, Англия сумела в первой половине XIX века стать признанным мировым индустриальным центром, классической страною промышленного капитала. Пресловутая английская свобода торговли была лишь весьма ярким выражением того факта, что английская промышленность, являющаяся внутри страны преобладающей отраслью народного хозяйства, стоит совершенно вне конкуренции и на мировом рынке, не нуждаясь в специальных мерах защиты.

Но промышленная монополия Англии впоследствии стала источником ее слабости, когда на международную хозяйственную арену выступили новые конкуренты. С последних десятилетий XIX века наметилось существенное и бесспорное ослабление темпа хозяйственного развития Англии по всем важнейшим показателям в сравнение с другими го-

сударствами. Возьмем, например, цифры производства по трем основным отраслям тяжелой промышленности (данные в млн. тонн):

Страны	Каменный уголь	Чугун	Сталь
Великобритания с (Ирландией)			
Среднее за 1880—1884 гг.	156,4	8,1	1,8
1913 г.	292,0	10,4	7,8
1913 г. в процентах к 1880—1884 гг.	187	128	433
Германия			
Среднее за 1880—1884 гг.	51,3	3,2	0,8
1913 г.	190,1	19,3	18,3
1913 г. в процентах к 1880—1884 гг.	371	603	2 288
Франция			
Среднее за 1880—1884 гг.	19,3	1,9	0,4
1913 г.	40,1	5,2	4,7
1913 г. в процентах к 1880—1884 гг.	208	274	1 175
Соединенные штаты			
Среднее за 1880—1884 гг.	88,7	4,2	1,6
1913 г.	517,0	31,4	31,8
1913 г. в процентах к 1880—1884 гг.	583	748	1 988

Эта небольшая табличка весьма красноречива. Она говорит о том, что Великобритания, к началу периода империализма занимающая первое место по абсолютным размерам продукции, стоит по темпу роста основных отраслей тяжелой индустрии позади всех крупнейших промышленных стран предвоенного мира. Если при этом Франция, несмотря на более быстрый темп, абсолютно все же не обогнала Англию, то Германия к 1913 г. значительно приблизилась к Англии в производстве каменного угля и сильно обогнала ее в выплавке чугуна и стали. Что касается Соединенных штатов, то они к 1913 г. оставили Великобританию далеко позади по абсолютным размерам своей продукции во всех отраслях тяжелой промышленности.

Интересно далее сравнить внешнеторговые обороты по перечисленным четырем странам за тот же период (данные в млн. марок):

Страны	Среднее за 1880—1884 гг.	1913 г.	1913 г. в процентах к 1880—1884 гг.
Великобритания			
импорт	7 080	15 704	222
экспорт	4 787	12 970	271
Германия			
импорт	3 101	10 770	347
экспорт	3 103	10 097	325
Франция			
импорт	3 900	6 821	175
экспорт	2 825	5 573	198
Соединенные штаты			
импорт	2 862	7 525	275
экспорт	3 379	10 428	309

В отличие от приведенных выше показателей здесь Англия в абсолютном выражении полностью сохранила свое первенство. Однако, и здесь налицо бесспорное отставание в темпе роста как по импорту, так и по экспорту против Соединенных штатов и еще в большей мере против Германии.

Что касается такого важного показателя, как размеры торгового флота, то здесь мы имеем такое развитие (данные в нетто регистровых тонн):

Страны	1885 г.	1912 г.
Великобритания	7 430	11 879
Германия	1 275	3 154
Франция	1 492	1 463
Соединенные штаты	4 265	4 800

Эти цифры говорят о слабом количественном развитии американского флота и о стабильном состоянии торгового флота Франции. Но в то время как вместимость английского флота возросла на 60%, Германский флот за тот же период увеличил свою вместимость на 148%.

Наконец, Англия весьма ощутительно отставала в темпе и в таком важном пункте, как вывоз капитала. С 1902 г. по 1914 г. английские капиталы за границей возросли с 60 до 100 млрд. франков, т.-е. на 67%; за тот же период времени германские заграничные вложения возросли с 12 до 44 млрд. т.-е. на 167%.

Таким образом, по всем важнейшим хозяйственным показателям развитие Германии составляло существенную угрозу для Англии. Английские капиталисты, их идеологи и их приказчики начали это понимать довольно рано.

Еще в 1885 г. парламентская комиссия, созданная специально для обследования вопроса о причинах падения английской торговли, в своем докладе, между прочим, писала:

«Германская конкуренция делается все более и более значительной. Во всех уголках мира обнаруживается настойчивость и предприимчивость Германии. Немцы опережают нас благодаря лучшему знанию рынков, благодаря их умению приспособляться ко вкусам покупателей, благодаря стремлению проникать повсюду и стойко удерживаться там, куда они проникли».

Через 13 лет, в 1898 г., т.-е. в то время, когда Англия еще была в более дружественных отношениях с Германией,

нежели с Францией и с Россией, влиятельный английский журнал «Saturday Review» ставил во всю ширь вопрос об англо-германском соперничестве.

«В Трансвале, у мыса Капа, в Средней Африке, в Индии, в Восточной Азии, на островах Тихого океана и в далеком Северо-Западе, всюду, где флаг следовал за библией и торговля следовала за флагом, немецкий комивояжер ведет борьбу с английским купцом. Всюду, где только идет речь об эксплоатации рудника или постройке железной дороги, об обращении туземца от плодов хлебного дерева к консервированному мясу, от воздержания к водке, там немец и англичанин стремятся вытеснить один другого. Миллион мелких трений создают повод к величайшей из войн, какие только знал когда-либо мир. Если бы Германия оказалась назавтра стертой с лица земли, то послезавтра во всем мире не нашлось бы ни одного англичанина, который не стал вследствие этого богачом. Нации годами воевали из-за одного города или из-за того или иного порядка наследования; не должны ли и мы сражаться за годовой торговый оборот в 200 млн. фунтов стерлингов?»

После того, как написаны были эти слова, прошло еще 16 лет до начала вооруженной борьбы между Англией и Германией.

Но разница в темпе развития этих двух стран не уменьшилась, а возросла. Этим в основном обусловливалось и постепенное обострение соперничества,—обострение, которое определило и создание Тройственного Согласия и усиленную и упорную работу дипломатии и штабов обеих стран, готовившихся к неизбежному военному столкновению.

Неравномерное развитие, которое является основным законом капитализма и которое полтора столетия назад выдвинуло Англию на первое место среди держав мира, теперь создало серьезнейшую угрозу мировому господству Англии. Основой этого бесспорно является сравнительная отсталость английской промышленности в эпоху империализма. Англия к началу своего соперничества с Германией была значительно богаче ее капиталами.

Но Германия в то время имела два существенных преимущества перед Англией: 1) на нее не давили громад-

ные капиталы промышленных предприятий, оборудование которых уже устарело, и поэтому в период интенсивного хозяйственного роста (после франко-прусской войны) она в состоянии была строить технически наиболее совершенные предприятия; 2) именно вследствие бедности капиталами Германия ранее других держав вынуждена была максимально использовать новейшие формы капиталистической организации, отвечающие эпохе империализма—акционерную форму предприятий и предпринимательские соглашения.

Этот последний пункт особенно важен. В то время как Англия уже в значительной мере превратилась в государство-рантье и стала страдать от империалистического загнивания, Германия пока еще пользовалась положительными сторонами империализма, прежде всего монополистической организацией, которой в Англии противостояли в большинстве случаев остатки прежней—капиталистической—эпохи,—формы свободной конкуренции.

Эти различия в хозяйственной структуре и хозяйственной деятельности между Англией и Германией и задачи обоих государств в войне 1914—1918 гг. следующим образом охарактеризованы В. И. Лениным:

«Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, чтобы без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя—и вполне справедливо—имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности, воюет за подчинение себе балканских стран и Турции!»

(Собрание сочинений, т. XIII, стр. 387. «О сепаратном мире».)

Итак, грозное наступление со стороны усиливающейся Германии на британские экономические, следовательно, и политические позиции, неспособность Англии отстоять свои позиции чисто экономическими средствами—вот что послужило основной причиной выступления Англии в вооруженную борьбу с Германией.

Германия.

Победа Пруссии в войне с Францией 1870—1871 гг. положила начало быстрому развитию предвоенного германского империализма. Военные успехи Пруссии окончательно упрочили первенство этого государства среди малочисленных германских государств, что дало возможность оформить образование единой Германии. Оговоренная франкфуртским миром пятимиллиардная контрибуция Франции влила новую кровь в германское хозяйство, правда, на первых порах, в несколько избыточном количестве; она также дала возможность провести реформу германской валюты на основе золотого обеспечения. Наконец, присоединение Эльзас-Лотарингии значительно расширило возможности насаждения промышленных предприятий. Период между франко-прусской войной и 1914 г. отмечен блестящим расцветом германской хозяйственной мощи.

Бурный темп индустриализации страны находит свое отражение прежде всего в росте удельного веса городского населения в стране: с 36,1% в 1871 г. оно поднялось до 60% в 1910 г.

Рост энергетической базы германской промышленности характеризуется следующими данными. Мощность паровых машин в прусской промышленности в 1882 г. определялась в 1 222 000 л. с., в 1895 г.—в 2 358 000 л. с. и в 1907 г.—в 5 190 000 л. с. Помимо широко распространенных паросиловых установок, в германской промышленности находит применение как изобретенный Дизелем двигатель внутреннего сгорания и затем газовый двигатель, так и электрическая энергия.

Добыча каменного угля с 36,4 млн. тонн в 1873 г. возросла до 190 млн. тонн в 1913 г.; выплавка чугуна составляла 2,1 млн. тонн в 1878 г. и 19,3 млн. тонн в 1913 г. Еще более поразителен рост производства стали: 1,2 млн. тонн в 1887 г. и 18,3 млн. тонн в 1913 г.

На базе мощного и технически передового металлургического производства широко развивалось машиностроение. Добыча каменного угля давала ценное сырье для развития сильнейшей в мире химической промышленности.

Относительная бедность страны капиталами при быстром

темпе индустриализации делала особо настоятельной максимальную мобилизацию наличных средств путем создания акционерных обществ и развития банковского дела. Капитал акционерных обществ в 1886—1887 гг. составлял 4 876 млн. марок, в 1914 г.—14 700 млн. Акционерных обществ с капиталом *свыше 10 миллионов марок было: в 1886—1887 гг.— 74; в 1909 г.—229.*

Рост банков характеризуется изменениями в важнейших статьях их сводных балансов между 1885 г. и 1912 г.:

	1885 г.	1912 г.
Актив:		
Учет векселей	507,8	3 048,7
Ссуды	205,6	2 502,2
Собственн. ценн. бумаги	254,3	1 705,8
Пассив:		
Складочный капитал	723,9	2 963,1
Резервы	93,2	750,9
Вклады	297,4	4 448,4

Как в промышленных и транспортных предприятиях, так и в банковском деле большого развития достигала концентрация капитала. Всем известны крупные концерны «Гапаг» и «Норддейтшер Ллойд», электрогиганты «АЭГ» и «Сименс Гальске», концерны в тяжелой индустрии «Крупп», Тиссен, Ганиель, Клекнер, Штумм, Феникс, Гельзенкирхен и т. д., грандиозный Рейнско-Вестфальский угольный синдикат. Концентрация в банковском деле привела перед войной к почти безраздельному господству на денежном рынке небольшой группы в 9 берлинских банков, во главе с «Дейтше банк». Мощь германских банков была одним из важнейших элементов германского империализма. Как указывает известный буржуазный экономист Адольф Вебер:

«Германские банки оказывали деятельную поддержку промышленности за границей в следующих пяти направлениях: 1) поддержка транспортных предприятий, которые являлись до известной степени продолжением отечественных железных дорог и пароходных обществ или могли в широкой степени способствовать приникновению в страны, еще не развитые в хозяйственном отношении (Багдадская, Анатолийская железная дорога). Финансирование добычи таких продуктов из недр земли, которые в Германии не добываются; особое внимание уделялось добыче нефти и золота; 2) поощрение германской электрической промы-

шленности, которая благодаря занимаемому ею на мировом рынке монопольному положению представляла особенно заманчивый об'ект для финансирования со стороны крупных банков; 3) поощрение колонизации в собственных колониях и, наконец, 4) поддержка в целях ослабления затруднений, чинимых германским предприятиям таможенной и транспортной политикой иностранных государств». (Депозитные и спекулятивные банки. Перевод с немецкого. ГИЗ 1928 г., стр. 87—88.)

Технически передовой характер германской промышленности и германского транспорта, энергичная торговая деятельность Германии, высокие с точки зрения капитализма организационные формы германского хозяйства—все это беспрерывно воспроизводило германскую экспансионную энергию на расширенной основе и создавало почву для новых и новых конфликтов.

Внешняя торговля Германии росла в темпе, бесспорно опасном и для самых мощных конкурентов, в первую очередь, для Великобритании. Увеличение германского экспорта было наиболее значительно в перечисленных ниже отраслях (данные в млн. рублей):

	1887 г.	1912 г.
Машины	52,8	680,3
Железные изделия	96,0	652,3
Каменный уголь	79,9	516,4
Кокс	9,4	146,7
Хлопчато-бум. ткани	67,3	446,5
Шелковые товары	16,1	202,4
Красители	42,5	142,1
Индиго (искусств.)	6,3	53,3

За исключением двух последних видов, наибольший рост приходился на те отрасли промышленности, которые в течение многих десятилетий составляли основу английского экспорта. В последние годы XIX века английские консулы во всех странах на все лады кричат о победном шествии германских товаров, особенно подчеркивая при этом гибкость германской торговли.

Рижский консул пишет: «Заметив, что английские пилы не подходят к местным требованиям, они стали фабриковать пилы измененного образца». Консул в Тенерифе доносит: «Немцы приняли за правило удовлетворять вкусам, обычаям и средствам своих клиентов; пусть вкусы эти кажутся

странными, необъяснимыми, безрассудными,—немец всегда подчинит свое производство даже самым фантастическим требованиям. Он старается каждому поставить то, что тот в состоянии оплатить». Рио де Жанейро: «Немцы завоевали Южную Америку, предварительно изучив ее нужды».

Бесспорные успехи германской промышленности в деле завоевания рынков внушили вполне основательную тревогу прежде всего Великобритании, хотя и не ей одной.

Серьезную конкуренцию для Англии представлял и германский морской флот. Правда, по общему размеру тоннажа он далеко уступал английскому, зато по качеству и быстроходности германские пароходы не уступали английским, по эксплоатационным данным иногда их превосходили.

Доходы Германии от морского транспорта росли в гораздо более быстром темпе, нежели соответствующие доходы Англии, как это можно видеть из следующих цифр (данные в млн. марок):

Годы	Англия	Германия	Процент к английским доходам
1894 . . .	1 040	160	15,1
1901 . . .	1 200	255	21,2
1913 . . .	2 000	540	27,0

Как видим, Германия не только получала значительные доходы в такой области, которую в продолжение многих лет почти монопольно эксплоатировала Англия, но и догоняла последнюю весьма быстрым темпом.

Больших успехов достигала Германия и в таком коренном пункте империалистической деятельности, как вывоз капитала. Уже в 1892 г. германские вложения за границей исчислялись в 10 млрд. марок. Перед мировой войной эти вложения составляли 28 млрд. (оценка комитета экспортов по плану Дауэса). Такой серьезный рост тем более знаменателен, что, в противоположность Франции, Германия перед войной стремилась большую часть накоплений помещать внутри страны. Погоня за более высокой нормой прибыли, потребность в притоке доходов извне для покрытия пассивного сальдо по торговому балансу, как можно прочнее обеспечить за собою новые рынки сбыта—все это повелительно толкало Германию к вывозу капитала.

Еще в 1871 г., с момента национального объединения, Германия не имела никаких колоний. Так как подавляющая

часть африканского материка к этому времени еще не была разделена между империалистами, то на этот материк была в первую голову направлена германская колониальная экспансия. Основание первых германских колоний непосредственно связано с торговой деятельностью крупных портов, купцы которых проникали в новые и новые страны в поисках рынков. Следует, кстати, упомянуть, что Гамбург и Бремен, важнейшие германские порты и резиденции двух пароходных концернов «Гамбургско-Американской линии» и «Северо-Германского Ллойда»—вплоть до мировой войны шли во главе германского колониального движения.

В 1868 г. гамбургскими купцами основаны были первые поселения в Камеруне. Подобные поселения в 1880 г. были учреждены в Того. Но до конца 1884 г. все эти предприятия носили частный характер. Датой начала германской колониальной экспансии является 24 апреля 1884 г., когда Бисмарк известил германского консула в Капштадте, что поселения бременского табачного торговца Людеритца в юго-западной Африке находятся под защитой германского правительства. И здесь Германия сталкивалась с Англией, которая имела владения в южной Африке и стремилась распространять свою власть и на юго-западе материка.

В том же 1884 г. объявлен был германский протекторат над Камеруном, Того, Дубрекой; в 1885 г.—над Виту. В том же году приобретением Маршальских островов положено было начало германской колониальной экспансии в Тихом океане.

В 1899 г. Германия получила в Китае бухту Киао-Чао. К 1 августа 1914 г. германские колонии занимали площадь около 3 млн. *кв. км* и имели население в 13 млн. человек. Цифры сами по себе достаточно внушительные. Однако, если сравнить колониальные приобретения Германии с захватами, которые за то же время были сделаны другими империалистами, то колониальные успехи Германии окажутся весьма скромными, особенно если учесть ценность этих захватов.

Нарастающие разногласия между Германией и Англией шли по двум основным линиям: интенсивное развитие германской внешней торговли и железнодорожное строительство в Малой Азии.

Развитие германской внешней торговли создало базу для морского соревнования Германии с Англией. Выше приводились цифры роста морского торгового флота Германии и ее доходов от морского транспорта. Но в условиях капитализма такое развитие судоходства с полной категоричностью ставило вопрос о военном соперничестве с Англией. В том же направлении действовала колониальная политика Германии. В объяснительной записке правительства к законопроекту 1900 г. об усилении германского флота сказано:

«Для того чтобы защитить при существующих условиях морскую торговлю и колонии Германии, имеется только одно средство: Германия должна обладать таким большим боевым флотом, чтобы даже и для самого могущественного на море противника война была сопряжена с такими опасностями, которые поставили бы под вопрос его собственное могущество».

Ассигнования на морские вооружения составляли: в 1873 г.—32 млн., в 1914 г.—474 млн. марок. Уже одно это сопоставление показывает, какой громадный скачок произошел в развитии германского флота. С конца 90 гг. начинается усиленное строительство морского флота по большим и неизменно увеличиваемым судостроительным программам. Если в 1890 г. Германия имела только два броненосца, вместимостью в 4 100 тонн, то законом 1912 г. состав германского флота был определен в 41 линейный карабль вместимостью до 20 000 тонн и выше; 20 броненосных крейсеров и свыше 200 крейсеров, миноносцев и подводных лодок. Остров Гельголанд, который Германия получила у Англии в 1890 г. в обмен на некоторые американские колонии, в короткое время превращен был в первоклассную морскую базу. Судостроительные верфи поддерживались на уровне самых строгих требований новейшего судостроения. Прорыт, а затем углублен был Кильский канал, соединяющий Балтийское и Северное моря.

Усиленное военно-морское строительство Германии вызывало самое серьезное беспокойство в Англии. В феврале 1905 г. первый лорд адмиралтейства Артур Ли заявил, что Англии следует концентрировать силы в Северном море, для того чтобы в случае войны оказаться в состоянии нанести первый удар прежде, «нежели противная сторона успеет

прочитать в газетах объявление войны. «Дейли Кроникл» в следующих словах комментировал это выступление:

«Если бы германский флот был уничтожен в октябре 1904 г. (во время случайного столкновения с английским флотом. *Н. Н.*), мы бы имели в Европе обеспеченный мир на шестьдесят лет. По этим соображениям мы считаем заявление Артура Ли, которое мы рассматривали как сделанное по поручению кабинета, мудрым и миролюбивым выражением твердых намерений царицы морей».

Позднейшие выступления английских политических деятелей особенно в связи с новыми шагами Германии по усилению флота большей частью содержат откровенные расчеты соотношения сил при неизбежном англо-германском столкновении.

Строительство Германией Багдадской железной дороги было вторым важнейшим пунктом столкновения между Германией и Англией. В 1888 г. группа германских предприятий во главе с «Дейтше Банк» получила концессию на сооружение железной дороги от Хайдар-Паши (предместье Константинополя на азиатском берегу) до Ангоры. В 1896 г. от одной из станций вновь выстроенной железной дороги—Эскимехир была проложена линия до Кониш. Участок Хайдар-Паша-Кония и явился начальным звеном багдадской магистрали, протяжение которой определялось в 2 500 *км*. Концессия на сооружение этой дороги получена была для «Дейтше Банк» Георгом фон Сименс в 1899 г. Достойно внимания совпадение во времени первой крупной программы судостроения (1898 г.) с багдадской концессией.

Исключительно серьезное значение для Англии имела стратегическая ценность проектируемой железной дороги, которая в 1913 г. была сооружена более чем на две трети (1 800 *км*). Багдадская магистраль, которая в Константинополе смыкалась с железнодорожной магистралью Берлин—Константинополь, давала Германии возможность продвигать в Переднюю Азию свои сухопутные силы, и тем основательно подкрепляла ее лихорадочное строительство морских сил. Эта дорога создавала серьезную угрозу для сухопутных коммуникаций Британской империи—для проектируемой громадной линии от Южной Африки через Египет до Индии (Капштадт—Каир—Калькутта). Она также делала возмож-

ным нападение не только на Южную Персию, которая составляла сферу английского влияния, но и на Индию, к сухопутной защите которой Англия всегда была особенно чувствительна.

Кроме того, функционирование этой железной дороги, которая в дальнейшем неизбежно должна была связать Западную Европу с Индией, бесспорно создало бы значительную конкуренцию для обслуживающего торговлю с Индией морского транспорта, который доставлял Великобритании гигантские доходы.

Наконец, дело шло не только об уже имеющихся английских колониях, но и о захвате новых, фактически никем не эксплоатируемых, земель в Передней Азии—о Месопотамии, которая после мировой войны под названием независимого Ирака стала вассалом Великобритании.

Еще в 1886 г., когда германское проникновение в Азию в больших масштабах только начиналось, опубликована была работа Шпренгера, посвященная Месопотамии, под названием: «Вавилон, богатейшая страна древности и наиболее выгодный район для колонизации в настоящее время». В этой брошюре, между прочим, говорилось:

«Восток есть единственная в мире область, еще не захваченная ни одной из развивающихся наций. Если Германия не прозевает случая и приберет ее к рукам раньше, чем протянут к ней руки казаки, то ей достанется в разделе земли самая лучшая доля... Как только несколько сотен тысяч вооруженных германских колонистов начнут обрабатывать эти великолепные земли, так судьба ближней Азии будет в руках императора. Купец и промышленник найдут здесь доходное поле для своей деятельности, капиталисту откроется возможность прибыльного помещения денег, а обездоленные, которые составляют наибольшую, но далеко не худшую часть нации, смогут сделаться зажиточными хозяевами, если обнаружат ловкость, умение работать и дух предприимчивости».

Месопотамия имеет не только большие перспективы для земледелия при развитии искусственного орошения, но и громадные минеральные богатства, в первую очередь нефть. Но дело в том, что Месопотамия и перед мировой войной привлекала внимание не одной Германии. Великобритания

в течение десятилетий упорно подготовляла захват Месопотамии, предварительно укрепляясь на важнейших подступах к этой стране. Она полностью господствовала на юго-восточной морской границе этой страны—в Персидском заливе. Установление протектората над Барейскими островами в этом заливе, подчинение вице-королю Индии Оманского султаната на западном побережьи Персидского залива, обеспечение своего фактического господства в Мохаммере, ряд мероприятий экономического характера,—все это должно было обеспечить захват Месопотамии и превращение ее в часть Британской империи. Если говорить о конкретном территориальном об'екте, в котором скрещивались интересы германского империализма и империализма английского, то это бесспорно была Месопотамия.

Лихорадочное развитие германских военно-морских сил и строительство Багдадской железной дороги были лишь наиболее яркими проявлениями борьбы за мировое господство между Германией и Англией. Быстрыми шагами догонявшая Англию в экономической мощи Германия требовала передела мира в соответствии с новым соотношением сил. Известный идеолог германского империализма Пауль Рорбах в 1912 г. в книге «Der Deutsche Gedanke in der Welt» выдвигал идею полюбовного «раздела мира» между Англией и Германией. Рорбах далее писал:

«Но весь вопрос в том, согласится ли Англия потесниться и уступить местечко около себя Германии, допустит ли добровольно она господство рядом с ней Германии над мировой культурой. В Англии, стало быть, заключены, судьбы Германии. Англия есть рок Германии, отношениями к Англии определяются все возможности, все положение, все перспективы Германии».

Однако, для отстающего в темпе развития английского империализма отдать Германии полмира сегодня значило бы согласиться на то, что завтра Германия захватит весь мир. Такое решение для Англии, разумеется, было исключено.

Что касается отношений между Германией и Францией, то они для Германии в предвоенные годы определялись в основном двумя моментами: стремлением во что бы то ни стало закрепить за собой Эльзас-Лотарингию и видами на богатые железом французские районы Лонгви и Брией.

При этом захват Лонгви и Брией для германского империализма вовсе не являлся жизненным вопросом. Нет сомнения, что если бы ценою отказа от подобных стремлений возможно было добиться соглашения с Францией, Германия на это легко пошла бы. Эльзас-Лотарингия совершенно исключала возможность такого соглашения. Именно поэтому война с Францией представлялась неизбежной, и на протяжении свыше сорока лет подготовка к этой войне являлась основной заботой германского генерального штаба.

Франция.

Разгром в войне в 1871 г., несмотря на отторжение Германией Эльзас-Лотарингии, несмотря на уплату контрибуции в пять млрд. франков, не нанес глубокой раны капиталистической Франции. Наилучшим подтверждением этого является та легкость, с которой Францией была выплачена пятимиллиардная контрибуция. Последний взнос, которому согласно договору срок наступал 2 мая 1879 г., сделан был Францией 5 сентября 1873 г. Особенно важно при этом отметить, что суммы, необходимые для выплаты контрибуции, французским правительством были собраны при помощи займов, которые без затруднений размещались как внутри страны, так и за границей, в частности, в Германии (см. Г. Моултон и К. Льюис «Финансы и экономика современной Франции». Перевод с английского. Изд-во «Экономическая жизнь». Москва, 1927 г., стр. 316 и след.).

В промежутке между 1871 г. и 1914 г. промышленное развитие Франции сделало весьма крупные успехи. Если в 1872 г. сельское население имело удельный вес в 68,9%, то в 1911 г. процент его снизился до 55,8. Быстрым темпом росла энергетическая база промышленности; количество лошадиных сил в паровых двигателях, обслуживающих промышленные предприятия, выросло за период 1878—1914 гг. (в тысячах): 1878 г.—484, 1885 г.—695, 1895 г.—1 163, 1905 г.—2 232, 1913 г.—3 539.

Неблагоприятным фактором индустриального развития Франции являлась бедность страны каменным углем; но разработка наличных запасов непрерывно увеличивалась. Так, в 1870 г. добыча каменного и бурого угля составляла

13 330 тыс. тонн, в 1913 г.—40 844 тыс. На ряду с этим, Франция уже перед войной начала в широком масштабе использовать свои богатые запасы водной энергии для целей электрификации.

Богатые залежи железных руд с большим содержанием фосфора, точно так же, как и лотарингские руды в Германии, стало возможным использовать после великого изобретения Томаса. С 2 614 тыс. тонн в 1870 г. добыча руды во Франции в 1913 г. поднялась до 21 918 тыс. тонн. Выплавка чугуна в 1870 г. равнялась 1 178 тыс тонн, в 1913 г.—5 207 тыс. Производство стали, которое в 1880 г. впервые дало 389 тыс. тонн, в 1913 г. составило уже 4 687 тыс. тонн. На базе мощной металлургии сильно развилась машиностроительная промышленность.

Точно так же большое развитие получили и другие отрасли, как текстильное производство, химическая промышленность и проч.

Изменения, которые произошли в структуре французского народного хозяйства за последние десятилетия перед войной, ярко иллюстрируются некоторыми данными о внешней торговле Франции.

Чистый ввоз зерновых хлебов за пятилетие 1886—1890 гг. составлял в среднем 311 млн. франков, в 1913 г.—555 млн., и это несмотря на существование покровительственных тарифов для зерновых продуктов. Еще более резко возрос чистый ввоз промышленного сырья: с 1 313 млн. франков в среднем за 1886—1890 гг. до 3 088 млн. в 1913 г. Изменения по отдельным видам сырья еще более показательны: так, за тот же период ввоз (в млн. франков) поднялся: каучука—с 13 до 200, меди с 42 до 207, нефти—с 171 до 575.

Одновременно произошли знаменательные перемены во французском экспорте. С 51,5% в 1876—1880 гг. удельный вес фабрикатов в экспорте поднялся до 60,8% в 1913 г. В среднем за пятилетие 1886—1890 гг. вывоз машин составлял 36 млн. франков, в 1913 г.—122 млн.; вывоз паровозов и автомобилей в среднем за годы 1886—1890 выражался в скромной цифре—7 млн. франков; к 1913 г. он вырос до 178 млн. За тот же период большой скачок сделал вывоз хлопчатно-бумажных тканей (113 млн. франков и 390 млн.).

Протяжение железнодорожных линий к 1913 г. составляло 51 188 *км*; таким образом, по длине железнодорожных линий Франция занимала третье место в Европе, после Германии и Европейской России. По протяжению внутренних водных путей в 1913 г. (11 316 *км*, в том числе 4 880 *км* каналов) Франция незначительно ушла вперед по сравнению с 1871 г. (10 750 *км*); но грузооборот в тонно-километрах за это время вырос более чем вчетверо. Грузооборот морских портов, среди которых на первом месте неизменно стоит Марсель, в 1913 г. составлял 60 520 тыс. тонн.

Несмотря на значительное развитие промышленности и транспорта внутри страны большая часть французских накоплений помещалась за границей. Так, за 1900—1912 гг. из общей суммы эмиссий 1 936,3 млн. ф. ст. на долю иностранных эмиссий приходилось 1 443,7 млн. ф. ст. или около 75%. Французские вложения за границей исчислялись в 1871 году—в 10—12 млрд. франков, в 1902 г.—в 30 млрд. и в 1914 г.—в 45 млрд.

Доходы от заграничных вложений составляли основу французского актива по платежному балансу. Именно эти доходы в первую голову давали Франции возможность не только покрывать огромный пассив торгового баланса, но и непрерывно расширять свои инвестиции за пределами страны. Средний годовой доход французских капиталов за границей за пятилетие 1871—1875 гг. исчисляется от 485 до 585 млн. франков, за пятилетие 1909—1913 от 1 705 до 1 805 млн. Как государство-рантье Франция перед войной занимала второе место в мире после Великобритании.

Как в 1902 г. так и в 1914 г. не менее двух третей французских вложений приходилось на европейские страны. В африканские колонии Франции вложено было: в 1902 г.—1,7% от общей суммы заграничных инвестиций Франции, в 1914 г.—около 9%. Наиболее крупными должниками Франции к 1914 г. были Россия (11,3 млрд.), Турция (3,5 млрд.), Австро-Венгрия (3,5 млрд.) и Румыния (3 млрд.).

Что касается применения французского капитала за границей, то в 1902 г. оно представлялось в следующем виде: государственные и муниципальный займы—55%, железные дороги—15,2%, горные и прочие промышленные предприятия—12,2%.

Франция является одной из старейших колониальных держав мира. Если во второй половине XVIII века Франция потеряла такую ценную колонию, как Канада, если разгром наполеоновских армий приостановил колониальную экспансию Франции, то уже с 30-х годов XIX века завоеванием Алжира Франция возобновляет свою активную колониальную политику. После поражения в войне с Пруссией 1870—1871 гг. Франция с еще большей энергией принялась за расширение своих внеевропейских владений, главным образом, в Африке. По подсчетам В. И. Ленина, французские колонии в 1876 г. занимали площадь в 0,9 млн. *кв. км* и насчитывали 6 млн. жителей, в 1914 г. площадь колоний составляла 10,6 млн. *кв. км*, а число жителей в них—55,5 млн.

Серьезное столкновение колониальных интересов Франции и Германии произошло в Марокко. Для Франции овладение этой страной представлялось делом первостепенной важности.

Вместе с Алжиром и Тунисом Марокко должно было составить северо-африканскую колониальную империю, прямое продолжение самой Франции, отделенную от материка лишь сравнительно небольшим протяжением Средиземного моря.

Но в этой стране крупные интересы имела и Германия. В горной промышленности Марокко помещены были значительные германские капиталы, причем первое место занимали капиталы Маннесмана и Круппа. Портовые сооружения как и расширение Лорашского порта в Танжере были переданы германской компании. Германия развила значительную торговлю с Марокко. К 1910 г. обороты марокканско-германской торговли исчислялись в 16—17 млн. марок, что, по сравнению с 1901 г., давало увеличене в три раза. Германские пароходные компании поддерживали регулярное сообщение с марокканскими портами. (См. Э. Д. Морель. Десять лет секретной дипломатии. Изд. НКИД 1924 г., стр. 22—25.)

Благодаря такому положению, упорная французская экспансия в Марокко привела к двум вызывающим демонстрациям со стороны Германии. Первая из них явилась ответом на тайное соглашение между Англией и Францией о взаимной

поддержке претензий первой державы в Египте и второй— Марокко. На основании этого соглашения Франция стала самым бесцеремонным образом посягать на суверенитет султана.

31 марта 1905 г. Вильгельм II прибыл в Танжер и здесь заявил представителям султана:

«Я прибыл в Марокко, чтобы об'явить о своем намерении сделать все от меня зависящее для действительной защиты германских интересов в Марокко. На султана я смотрю, как на совершенно независимого монарха, и с ним я хочу притти к соглашению относительно лучших способов достижения этой цели».

Следующая демонстрация вызвана была французской интервенцией в Марокко и оккупацией французскими войсками столицы государства. Демонстрация эта состояла в посылке Германией канонерской лодки «Пантера» в марокканскую гавань Агадир.

Надо, однако, сказать, что обе демонстрации Германии нисколько не задержали французского продвижения в Марокко. Больше того, после второй демонстрации Германия подписала с Францией особое соглашение, в котором признавались специальные права Франции за захват Марокко. В качестве компенсации Германия получила часть французского Конго. Таким образом, даже в такой богатой стране, как Марокко, франко-германское колониальное соперничество закончилось соглашением, а не привело к вооруженному столкновению.

Но во франко-германских отношениях оставался один величайшей важности спорный пункт. Это—Эльзас-Лотарингия.

Известный французский историк Лависс писал в своем предисловии к воспоминаниям эльзасца Лаланса:

«Немцы никогда не в состоянии будут понять, что мы привязаны к Эльзас-Лотарингии долгом чести». Нетрудно, однако, за этим «долгом чести» разглядеть и более материальные основы привязанности. Лотарингия перед войной представляла собою центр металлургии, весьма важный для Франции. Это можно видеть из сопоставления данных продукции в Лотарингии и Франции по важнейшим отраслям металлургии за 1913 г. (данные в тыс. тонн):

	Лотарингия	Франция	Процент продукции Лотарингии к Франции
Железная руда .	21 136	21 918	96,4
Чугун	3 864	5 207	74,2
Сталь	2 289	4 687	49,0

Эти цифры достаточно красноречивы. Приобретение Лотарингии означало бы для Франции не только удвоение добычи железной руды, но и резкое усиление позиций французской металлургии в целом. При той роли, какую во Франции играл «Комите де Форж»—центр французской тяжелой промышленности, этих перспектив было достаточно, чтобы из-за них страна на протяжении десятилетий деятельно готовилась к войне с Германией.

Если захват Лотарингии сулил значительное укрепление французской металлургии, то Эльзас представлял большую ценность прежде всего по своей текстильной промышленности. Это можно видеть из следующих данных, относящихся к 1913 г. (цифры в тыс.).

	Эльзас	Франция	Процент Эльзаса к Франции
Хлопчато-бумажная промышленность			
Веретена	1 898	7 400	25,7
Ткацкие станки .	44	150	29,3
Шерстяная промышленность			
Веретена	699	3 090	22,6
Ткацкие станки .	10	46	21,7

Все приведенные цифры достаточно об'ясняют движущие силы чрезвычайного интереса Франции к Эльзас-Лотарингии.

Проблема народонаселения во Франции также составляла серьезный мотив для войны с Германией.

В 1700 г. Франция имела 20 млн. населения и была самой населенной страной Европы. Еще ко времени Великой французской революции она по численности населения занимала в Европе первое место. В течение первой половины XIX века Франция приобрела 8,3 млн. чел., за вторую половину столетия прирост населения составил только 4 млн.; между тем, за то же время население Италии возросло более чем на 14 млн., Германии—на 21 млн. За последние 12 лет перед войной население Италии увеличилось на 3 млн., Германии—на 9 млн., а Франции—лишь на 800 тыс. чел.

(см. A. Dresler. Frankreichs Bevölkerungsverhältnisse, Zeitschrift für Geopolitik, 1927, I).

Ко времени франко-прусской войны население Франции составляло 38 млн., а Германии—41,1 млн. Для 1911 г. соответствующие цифры были—39,6 и 68 млн.

Время работало на Германию, в том числе и в смысле увеличения людских резервов—этого важнейшего элемента военной мощи. И это в свою очередь толкало на быстрейшую подготовку Франции к военному разрешению назревших противоречий.

Россия.

В. И. Ленин в своем «Империализме» характеризует царскую Россию, как «страну наиболее отсталую в экономическом отношении, в которой новейший капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических». (Собрание сочинений, изд. I, т. XIII, стр. 299.)

Элементы новейшего империализма в предвоенной России имелись в значительном количестве. Начнем хотя бы с темпа роста и удельного веса акционерных обществ в русской промышленности:

Годы	Вся фабрично-заводская промышленность (в млн. рубл.)	В том числе акционерная	
		В млн. руб.	В процентах ко всей промышленности
1885	535	257	48,0
1890	761	443	58,2
1895	1 103	676	61,2
1900	2 032	1 401	69,0
1905	2 369	1 703	71,8
1910	2 799	1 957	70,0
1913	3 900	2 848	73,0

Эта таблица показывает чрезвычайно интенсивный рост капиталов промышленных акционерных обществ. За 28 лет эти капиталы выросли в 11,1 раза, в то время как капиталы единоличных, паевых и т. п. промышленных предприятий выросли только в 3,8 раза. Еще к 1885 г. неакционированные промышленные предприятия занимали первое место по размеру капиталов. В 1913 г. они были оставлены далеко позади более прогрессивной, характерной для эпохи империализма, формой акционерных предприятий.

Капиталистические монополии в России охватили ряд весьма важных областей народного хозяйства и прежде всего различные отрасли тяжелой промышленности. Наиболее распространенная форма монополии в довоенной России это— синдикаты. К ним относятся такие гиганты, как «Продамет», имевший почти абсолютную монополию в сбыте рельс, сортового и листового железа, бандажей и осей, как «Продуголь», охвативший 75% каменноугольной добычи Донбасса, как сахарный синдикат, объединявший почти всю сахарную промышленность страны, как «Медь», «Проволока», имевшие полную монополию в соответствующих отраслях, как «Продвагон» объединивший все крупнейшие вагоностроительные предприятия страны. Мы не упоминаем о ряде других, менее значительных синдикатах.

Картельные соглашения существовали в электротехнической промышленности, в нефтяной промышленности (по продаже керосина на внутреннем рынке), в судоходстве. Трестовские монополии были в табачном производстве («Лаферм»), в резиновой промышленности («Треугольник»), в морском судоходстве («Ропит»), в холодильном деле («Холодильный трест») и много других.

Не менее показательно развитие акционерных банков. В 1894 г. капиталы всех коммерческих банков в России составляли 140 млн. руб., вклады и текущие счета—266,3 млн. и сводный баланс 669,4 млн. В последние предвоенные годы сводный баланс банков характеризуется следующими цифрами (в млн. руб.):

	1909 г. (1 января)	1913 г. (1 октября)	Рост (в млн. руб.)
Актив:			
Учет и ссуды под векселя	790	1 793	1 003
Ссуды под товары	112	194	82
Ссуды под процентные бумаги	286	1 007	721
Собственные ценные бумаги	114	338	224
Пассив:			
Капиталы	312	777	465
Вклады	976	2 480	1 504
Переучет	85	280	195
Итоги балансов	2 250	5 498	3 248

Немногие петербургские банки играли абсолютно преобладающую роль в банковском мире, причем эта роль все возрастала. На 1 января 1914 г. петербургские банки

имели 62,3% акционерного капитала и 72,1% вкладов всех банков. Среди коммерческих банков выделялись отдельные гиганты, как Азовско-Донской, который на 1 января 1914 г. имел собственных капиталов 92,3 млн. и вкладов—206,6 млн. руб., как Русский для внешней торговли банк, который на то же число имел капиталов в 67,3 млн. и вкладов 226,1 млн., как Волжско-Камский (капиталы—38 млн. и вклады—242,7 млн. руб.).

Все акционерные банки и особенно наиболее крупные были теснейшим образом связаны с синдикатами и трестами.

Наконец с 90-х годов прошлого века Россия выступает на международной арене с вполне современными, типично империалистическими, методами эксплоатации более слабых стран. Весьма характерна в этом отношении экспансия русского капитала в Персии.

В 1890 г. известным банковским деятелем Поляковым основан был *Учетно-ссудный банк* Персии, который являлся центром экономического проникновения России в Персию. В 1891 г. тем же Поляковым получена была транспортная концессия—монопольное право на перевозку и страхование грузов. Далее, *Русское акционерное* общество в 1893 г. получило концессию на постройку шоссейной дороги Энзели-Тегеран-Хамадан, а в 1902 г.—на шоссе Тавриз—Джульфа. Наконец, в 1913 г. то же общество получило концессию на сооружение железной дороги Тавриз-Джульфа (русско-персидская граница) с веткой к Урмийскому озеру. Эта концессия включала право на организацию судоходства по Урмийскому озеру и на разработку естественных богатств в районе железной дороги.

Наиболее крупным концессионным предприятием предреволюционной России является Восточно-Китайская железная дорога с протяжением в 2 200 *км.* Концессия на эту дорогу получена была в 1896 г. Русско-Азиатским банком и передана специально организованному акционерному обществу.

Заслуживает упоминания выдвинутый русскими капиталистами проект сооружения транперсидского пути от русской границы (кавказской) до индийской границы. Сооружение главного участка пути ст. Алята, Закавказских желез-

ных дорог—Астара (персидская граница), в принципе решенное в 1914 г., не было осуществлено вследствие войны.

Таким образом, в предвоенной России налицо были все важнейшие элементы «новейше-капиталистического империализма». Но то обстоятельство, что эти элементы были оплетены «особенно густой сетью отношений докапиталистических», что затянувшееся существование самодержавия с исключительной силой тормозило развитие капиталистических отношений, придало российскому империализму специфические черты. Главная особенность русского империализма заключалась в том, что его командные высоты были в руках заграничного капитала, что в банках, трестах, акционерных обществах преобладало иностранное влияние.

Крупнейшие петербургские банки, которые, как уже было упомянуто, играли преобладающую роль на денежном рынке, почти сплошь были дочерними предприятиями иностранных банковских концернов. Банки Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Петербургский частный коммерческий и Русско-Французский находились под контролем французских банков. Русский для внешней торговли, Сибирский торговый, Петербургский Учетный и Петербургский международный были ответвлениями германских банковских гигантов. Русский торгово-промышленный и Русско-Английский действовали под руководством английских банков.

Не менее внушительна была роль иностранного капитала в акционерных обществах. Иностранный капитал в русских предприятиях перед революцией составлял 2 243 млрд. руб. Из этой суммы приблизительно 2 млрд. руб. приходилось на акции, остальные—на облигации. Из общей суммы иностранных вложений 1 227 млрд. т.-е. 54,7% были инвестированы в горное дело и металлургию. Крупнейшие и важнейшие синдикаты и тресты находились под полным контролем иностранных трестов и банков. Так, 75% продукции каменного угля и чугуна контролировали французы. Правления синдикатов «Продуголь» и «Продамет» находились в Париже. В нефтяной промышленности преобладало влияние «Ройял-Шела», в электротехнической промышленности господствовали германские концерны.

Наиболее крупные Российские концессии осуществлялись главным образом при помощи иностранного капитала.

Благодаря такому положению, обычная во всех государствах борьба между различными империалистскими группами за влияние на внешнюю политику в России нередко выливалась в соперничество различных иностранных ориентаций. Одна из наиболее ярких страниц подобного рода—это борьба за сепаратный мир с Германией в России во время мировой войны. Весьма интересный материал по этому поводу можно найти в работе В. П. Семенникова «Политика Романовых накануне революции».

Единственным национальным кредитным институтом, который по своей мощи в состоянии был воздействовать на народное хозяйство в определенном направлении, был Государственный банк.

На 1 января 1914 г. главнейшие статьи его коммерческого баланса представлялись в следующем виде (данные в тыс. руб.):

Актив:

Учет векселей и др. обязательств	595 660
Ссуды под процентн. бумаги	202 589
Ссуды под товары	160 419
Собственные ценные бумаги	107 933

Пассив:

Капиталы банка	55 000
Вклады и текущие счета	235 896
Текущие счета Гос. казначейства	607 898
Специальные средства и депозиты	343 318

Общая сумма баланса, включая эмиссионные операции, составляла 3 040 503 000 рублей.

При сопоставлении баланса Государственного банка с приведенным выше сводным балансом акционерных коммерческих банков бросается в глаза выдающаяся сила Государственного банка, у которого в распоряжении был капитал, равный приблизительно 60% капиталов, которыми распоряжались все акционерные банки вместе взятые. В области внешней экономической экспансии Государственный банк и был единственным национальным агентом российского империализма. Именно в руках Государственного банка находились все акции Учетно-ссудного банка Персии, который, как уже указывалось, был оплотом российского империализма в этой стране. Что же касается российского народ-

ного хозяйства, то здесь Государственный банк, с одной стороны, все возрастающую часть средств уделял переучету, а поскольку он вел самостоятельные операции, он занимал лишь позиции второстепенного характера, которые оставались необслуженными коммерческими банками. Возражая против слишком поспешного превращения Государственного банка в «банк банков», проф. М. И. Боголепов в 1914 г. указывает на отрицательные стороны этого превращения:

«...тогда целые русские области, особенно захолустные, мало еще привлекающие внимание частных банков, целые отрасли торговли и промышленности, например хлебное дело, мануфактурная промышленность, несомненно, почувствуют стеснение в кредите и, прежде чем все войдет в новую норму, указанные отрасли безусловно понесут ущерб» (ст. «Государственный банк и коммерческий кредит». Банковская энциклопедия под общей редакцией проф. Л. Н. Яснопольского, т. 1, стр. 285).

Таким образом, между Государственным банком и крупными коммерческими банками фактически существовало известное разделение функций. Каждая сторона преимущественно финансировала свои отрасли народного хозяйства. В то время как коммерческие банки, связанные с иностранным капиталом, основное внимание уделяли ими же учрежденным монополистическим предприятиям в горной промышленности, в металлургии, в машиностроительной промышленности и т. п., Государственный банк был связан с национальным капиталом, преобладавшим в текстильной промышленности, в хлебной торговле и т. п. отраслях.

Государственный банк не вел политику вытеснения иностранного капитала из захваченных последним командных высот. Такая политика ему была бы и не под силу по двум причинам: вследствие слабости национального капитала, на который пришлось бы опереться в подобной борьбе, и вследствие необходимости учитывать интересы русского государственного кредита за границей.

Если Учетно-ссудный банк Персии и связанные с ним относительно мелкие концессии Государственный банк был в состоянии поднять собственными силами, то уже на постройку небольшой железной дороги Джульфа-Тавриз при-

шлось заключить облигационный заем во Франции. Восточно-Китайская железная дорога была построена на иностранный капитал. Проект трансперсидской железной дороги, выдвинутый группой русских капиталистов во главе с Хомяковым, строился на том предположении, что значительное участие всего осуществления примут французские и английские капиталисты.

Слабость национального капитала определяла структуру государственного долга. Удельный вес иностранной задолженности и заграничных платежей по отдельным периодам представлен в следующей таблице (данные в млн. руб.):

Годы	Государственный долг на 1 января	В том числе иностранный долг	Годовые платежи по государственному долгу	В том числе заграничные платежи
1895	5 775	1 270	278,5	61,1
1899	6 122	2 265	266,6	98,0
1904	6 651	3 059	291,7	138,2
1909	8 850	4 071	396,4	180,5
1914	8 911	4 229	402,1	194,0

Таблица показывает относительно небольшой прирост всей суммы государственного долга в первые два пятилетия (1895—99 гг. и 1899—1904 гг.) и резкий скачок в промежуток (1904—1909 гг.)—период Русско-японской войны и первой революции. Что касается доли иностранных государств в русском долге, то она растет почти непрерывно и с 23% в 1895 г. дошла до 48% в 1914 г.

Платежи России по внешнему долгу составляли только часть заграничных платежей. Сюда надо добавить дивиденды иностранных предприятий в России, морские фрахты и т. п. По вычислениям Позвольского и Моултона («Русский государственный долг и восстановление России», «Плановое хозяйство» 1925 г., стр. 130) заграничные платежи России составляли: в годы 1894—1903 в среднем 300 млн. руб. в год, в последующие годы до мировой войны—400 млн. в год. Как указывают те же авторы, общая сумма заграничных платежей с 1894 г. до первого полугодия 1914 г. включительно в 7 200 млн. рублей только на 4 119 млн. была покрыта избыточным вывозом товаров и благородных металлов: остальные 3 081 млн. оказалось возможным покрыть лишь благодаря притоку новых займов.

Приведенные цифры показывают, насколько велика была финансовая зависимость царской России от международного кредита. Для политики царского правительства эта зависимость имела два важнейших следствия. Первое—несамостоятельность российской внешней политики, подчинение ее интересам более сильных империалистических держав. Второе—максимальное форсирование экспорта в целях улучшения платежного баланса. Брошенный царским министром финансов в конце XIX века Вышнеградским лозунг «не доедим, а вывезем» ярко формулировал линию поведения царского правительства, которое делало решительно все для того, чтобы поддержать свой кредит за границей.

Довоенные государственные займы России на 80% были реализованы во Франции. Об удельном весе французских капиталов в промышленности и банковом деле говорилось выше.

С другой стороны, русские вложения занимали большое место во французских заграничных инвестициях. Так, в 1902 г. французский капитал в России исчислялся в 6 966 млн. руб. при общей сумме заграничных вложений Франции в 29 855 млн. франков. Эта особая заинтересованность Франции в российских делах в большой степени повлияла на отношение Франции к первой русской революции. Поверенный в делах российского посольства в Париже Неклюдов 1/14 декабря 1910 г. писал Сазонову:

«Неудача русской революции скорее разочаровала бы французское общественное мнение, если бы с восстановлением порядка в России не связалось бы спасение и мощное укрепление экономического состояния и кредита страны, коей Франция вверила последовательно более 11 миллиардов своих народных сбережений. Это финансовое соображение сыграло весьма значительную роль в том благоразумии, которое выказали по отношению к внутренним событиям в России государственные люди Франции» (Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—14 гг., Москва 1922 г., стр. 16).

К этому следует только добавить, что «благоразумие» правящей Франции в свою очередь сыграло немаловажную роль в укреплении русского самодержавия после революции 1905 г. Крупнейшие банки Франции обеспечили реали-

зацию 5% займа 1906 г. на сумму 2,25 млрд. франков. Вот что пишет о политическом значении этого займа инициатор его, граф Витте:

«Вследствие войны и затем смуты, финансы, а главное, денежное обращение начали трещать. Война требовала преимущественно расходов за границей, а смута так перепугала россиян, что масса денег—сотни миллионов—были переведены за границу. Таким образом, образовался значительный отлив золота»... «Для того, чтобы Россия перенесла революционный кризис и дом Романовых не был потрясен, необходимы были две вещи—добыть посредством займа большую сумму денег, так, чтобы не нуждаться в деньгах (т.-е. в займах) несколько лет, и вернуть большую часть армии из Забайкалья в Европейскую Россию»... «Так как предстояло сделать громадный заем, то было очевидно, что сие может быть сделано лишь при главенстве Франции» (Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания». ГИЗ, т. II, II издание, стр. 175—176).

Витте дальше рассказывает, что наибольшую роль в подготовке займа сыграл виднейший французский финансист того времени Нейцлин, глава банковского синдиката, руководимого Парижско-Нидерландским банком. Этот самый синдикат занимал руководящее место среди французских предприятий, работавших в России.

Финансовая поддержка, которая оказывалась России Францией, приводила к тому, что Россия из равноправного союзника все более превращалась в зависимое государство, в полувассала Франции. Это особенно ярко проявилось в изменениях, которым подвергалась военная конвенция между Россией и Францией, заключенная представителями обоих штабов 5/17 августа 1892 г.

Основное содержание конвенции характеризуется ее первой статьей, которая гласит:

«Если на Францию нападет Германия или Италия, поддержанная Германией, то Россия употребит все имеющиеся в ее распоряжении силы для того, чтобы напасть на Германию.

Если на Россию нападает Германия или Австрия, поддержанная Германией, то Франция употребит все свои наличные силы для войны с Германией».

Совещание начальников генеральных штабов России и

Франции от 8/21 апреля 1906 г., состоявшееся вскоре после заключения громадного займа, о котором рассказывает Витте, существенно ухудшило положение России. Статья первая получила новую редакцию, по которой суть конвенции сводится к взаимной поддержке обоих государств только против Германии. Обязательство со стороны Франции поддержать Россию в случае войны с Австро-Венгрией было совершенно смазано. Больше того, Россия обязалась в случае войны против австро-германской коалиции максимум сил уделить германскому фронту. Наконец, Палицын от лица русского генерального штаба принял на себя определенные обязательства демобилизовать русские войска в Маньчжурии, реорганизовав армию таким образом, чтобы она была вполне боеспособной.

Зависимость финансовой поддержки от военных обязательств России по отношению к Франции наиболее откровенно и определенно была вскрыта в переговорах о русском железнодорожном займе.

17 июня 1913 г. Сазонов телеграфировал русскому консулу в Париже Извольскому:

«Господин де-Вернеиль», председатель парижской синдикальной палаты биржевых маклеров, только что сделал господину Коковцеву следующее заявление:

«Я уполномочен сообщить Вам, что французское правительство расположено разрешить русскому правительству занимать ежегодно на парижском рынке от 400 до 500 млн. франков в форме государственных займов или бумаг, гарантированных государством, для осуществления программы железнодорожного строительства во всей империи при двух условиях:

1) чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом, была предпринята немедленно и

2) чтобы наличные силы русской армии в мирное время были значительно увеличены».

Сазонов тут же добавляет: «В. Н. Коковцев считает указанные условия для нас, вероятно, приемлемыми» (Материалы по истории франко-русских отношений, стр. 583).

Протокол очередного совещания начальников генеральных штабов Жоффра и Жилинского в августе 1913 г. со-

держит согласие русского штаба на практическое проведение изложенных выше требований Франции.

Потребности государственных финансов России, как видно, в громадной степени влияли на российскую внешнюю политику, привязывали царскую Россию к колеснице французского империализма. Но из этого вовсе не следует, что Россия не имела и собственных захватнических интересов и собственной программы захватов в мировой войне. Различные документы царского правительства, относящиеся к эпохе мировой войны, позволяют достаточно точно выявить эту программу.

Поскольку речь идет о территориальной экспансии—а для России, как для государства военно-бюрократического, именно в этом был центр тяжести—Россия претендовала на присоединение германской и австрийской Польши («единая Польша под скипетром русского царя»), Галиции, Константинополя и Проливов и Турецкой Армении. Нет сомнения, что в этих двух последних пунктах заключалась главная задача России в мировой войне.

19 февраля (4 марта) 1915 г. Сазоновым был отослан российским послам в Лондоне и Париже специальный меморандум, в котором царское правительство вполне откровенно излагало свои претензии на Константинополь.

«Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и ввиду стратегической необходимости часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарей и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав Империи. Специальные интересы Франции и Великобритания в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами. Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам». (Раздел Азиатской Турции. Изд. Литиздата НКИД 1925 г., стр. 119.)

Последние фразы о готовности царского правительства поддержать захватнические стремления союзников в других местах в виде компенсации за признание права России на Проливы показывают, какое исключительное значение царская дипломатия придавала Константинополю.

К владению Проливами Россию толкали совершенно реальные и весьма серьезные факторы. Прежде всего—интересы вывоза.

При относительно слабом развитии внутреннего рынка реализация основных видов продукции царской России—продовольствия и сырья—в весьма значительной части производилась на внешнем рынке. В вывозе были кровно заинтересованы основные классы, на которые опиралось правительство—помещики, кулаки, магнаты добывающей промышленности. Кроме того, как уже указывалось, вывоз имел первостепенное значение и непосредственно для правительства, с точки зрения платежного баланса.

В свою очередь удельный вес зависящих от Проливов Черного и Азовского морей чрезвычайно сильно вырос за последние годы перед войной.

В среднем за пятилетие 1896—1900 гг. вывоз через русские порты Балтийского моря составлял 1 520 тыс. тонн, а через Азовское и Черное моря 4 557 тыс. тонн. За пятилетие 1906—10 гг. средний годовой вывоз составлял по Балтийскому морю—1 081 тыс. тонн, по Черному и Азовскому морям—7 616 тыс. тонн. Начиная с крайней северо-западной точки русского черноморского побережья и до юго-восточной кавказской—все ближайшие области давали большое количество грузов для вывоза.

Бессарабия, южные губернии, Область Войска-Донского, Кубань давали большие излишки зерна.

В годы 1908—1911 Северный Кавказ вывозил за границу 75,1% всей рыночной пшеницы и 94,2% ячменя; южно-степной район—70,5% пшеницы и 78% ячменя; заднепровский—72% пшеницы и 83,9% ячменя (см. П. И. Лященко. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. Издательство Комакадемии. Москва 1927 г., стр. 315).

Таким образом, примыкающие к побережью пшенично-ячменные районы в подавляющей части работали на вывоз. Это обстоятельство имело тем большее значение, что пшеница и ячмень за последние предвоенные 25 лет составляли в среднем 60—65% всего русского зернового экспорта. Через Черное море шли и такие важные и вместе с тем тяжелые экспортные грузы, как марганец, нефть и нефтепродукты.

О значении Проливов с точки зрения русского вывоза имеются интересные данные в докладе Сазонова Николаю II от 23 ноября 1913 г.

«Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 г., торговый баланс России в 1912 г. был на 100 млн. менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого министерство признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднение в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим весною последовало также повышение государственным банком учета на ½% для трехмесячных векселей. Таким образом, временное закрытие Проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нас значение этого вопроса» (см. М. Н. Покровский. Империалистическая война. Издательство Комакадемии 1928 г., стр. 197).

На всем протяжении своей истории Россия неизменно усиливалась путем расширения своих границ. В конце XIX и начале XX века в порядке дня царской дипломатии стояло укрепление позиций в Северной Маньчжурии и на тихоокеанском побережьи, проникновение в Монголию, усиление влияния в Тибете, Афганистане, захват Персии. Поскольку дело шло об экспансии за счет Китая, Россия наталкивалась

на серьезного конкурента, силы которого ею долго недооценивались—на Японию. Русско-японская война 1904—1905 гг. внушила царской дипломатии более реальное представление о силе этого соперника. Эта же война показала, что русская экспансия в восточной Азии имеет еще одного совершенно открытого противника в лице Англии. Что же касается среднеазиатских экспансионных стремлений России, то здесь уже приходилось иметь дело непосредственно с Англией, которая в высшей степени решительно отбивала все атаки и обходы царских дипломатов. Как ни фантастична была сама по себе заветная мечта российской дипломатии о завоевании Индии, но во всяком случае серьезные успехи России в Тибете, Афганистане и Персии создавали угрозу для Англии по всему почти протяжению сухопутной границы Индии. А в этом пункте Англия всегда проявляла совершенно исключительную чуткость.

В результате тяжелого и позорного поражения в войне с Японией царская дипломатия вынуждена была провести широкий отступательный маневр. В это время Россия была связана союзным договором только с Францией, но отнюдь не с Великобританией. Больше того, самое заключение франко-русского союза 1891 г. было мотивировано положением, которое создавалось в Европе «благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим Союзом». С другой стороны, Германия в конце XIX и начале XX века проявляла большой интерес к России, не препятствовала ее дальневосточной экспансии и во время войны с Японией, в противоположность Англии, занимала определенно благожелательную позицию по отношению к России. И тем не менее, годы, следующие за русско-японской войной, отмечены сближением между Россией и Великобританией и образованием Тройственного согласия. 31 августа 1907 г. Россия подписывает соглашение с Великобританией по делам Средней Азии, которым кладется предел российской экспансии в Афганистане, Тибете и строго локализуется эта экспания в Персии. При всех этих уступках Россия от Англии не получала никаких обязательств в таком важном вопросе, как захват Проливов. Несмотря на то Россия все же пошла

на союз с Великобританией, а не с Германией. Чрезвычайно существенную роль здесь сыграли финансовые связи с Францией и финансовые возможности последней.

Германия была страной, вывозящей капитал, но вследствие большого темпа развития банков, промышленности, транспорта внутри страны, она в большей степени использовала иностранный капитал и помещение средств за границей производила с большей осмотрительностью. Предоставленный Германией в 1905 г. заем обошелся России в 7—7½% годовых.

Ко времени окончания русско-японской войны наметилось англо-французское сближение. Когда в 1906 г. начальник русского генерального штаба Палицын предложил включить в военную конвенцию пункт о взаимной поддержке в случае столкновения с Англией, то он встретил резко отрицательное отношение со стороны французских правящих сфер.

Усиление Германии обусловило взаимное сближение обоих ее важнейших противников. Царское правительство потерпевшее поражение в войне, потрепанное революцией, с финансовым положением, вся тяжесть которого обрисовал в приведенных ранее словах Витте, в значительной степени зависело от своего заимодавца, чтобы принять германскую ориентацию. К тому же сближение с Англией открывало перспективы реванша на Балканах и в Малой Азии за неудачи в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Царское правительство получило достаточно правильное представление о своих силах, чтоб ограничить себя такими сравнительно скромными идеалами. Укрепиться на этих позициях с тем, чтобы впоследствии повести наступление на более привлекательные области—вот в чем заключалась задача царской дипломатии в ее соглашении с Англией.

«Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и об'ективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена, так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца

раздел Китая и т. д.» (В. И. Ленин. О сепаратном мире. Собрание сочинений, стр. 387).

С точки зрения этой перспективы для царской России особенно важное значение имело именно приобретение Проливов и Армении, стратегических позиций первостепенной важности при продвижении в Персию и к Суэцкому каналу.

Австро-Венгрия.

На протяжении нескольких веков внешне-политическое могущество Австрийской империи, с 1867 г. ставшей Австро-Венгерской империей, базировалось на двух основных моментах. Основа австрийского могущества—это гегемония Австрии среди германских государств, которая позволяла ей быть центром римско-германской империи. Ко времени проникновения турок в Европу именно Австрия оказалась в состоянии сначала локализовать распространение турок, а затем и основательно оттеснить их; достаточно вспомнить, что включение Венгрии в состав Австрийской империи произошло в результате освобождения Венгрии Австрией от стасемидесятилетнего турецкого господства (в 1699 г.).

XIX век сначала основательно подточил, а затем и окончательно разрушил эти былые основы австрийского могущества. Среди германских государств все более выдвигалась в качестве серьезной соперницы Пруссия, которая экономически быстро укреплялось и в конце концов в войне 1866 года окончательно вырвала из рук Австрии положение первого среди германских государств. После этой даты Австрия должна была опираться только на свой собственный вес и значение внутри Австро-Венгерской монархии.

Что касается Оттоманской империи, то уже в XVIII веке она, вследствие развития внутренних классовых и национальных антагонизмов, пришла в состояние упадка. В отличие от прежнего положения, когда державы с опасением смотрели на быстрое распространение турок, европейским дипломатам внушала тревогу возможность слишком быстрого крушения Турции и невыгодного для них «передела» турецких завоеваний. Одного из главных претендентов на турецкое наследство, Россию, которая, кстати сказать, проявляла большую активность в борьбе за это наследство, европейским

державам приходилось неоднократно осаживать и ограничивать. Как бы то ни было, европейский заслон против Турции становился излишним. Теперь, напротив, требовался заслон против российской экспансии за счет Турции, и Австро-Венгрия опять-таки в силу своего географического положения смогла принять на себя и эту роль и некоторое время из нее извлекать известные выгоды.

Новые передвижки в международном положении, однако, существеннейшим образом отразились на судьбе Австрии, и притом не в сторону ее усиления. После Венского конгресса и до мировой войны Австрия сделала лишь одно значительное территориальное приобретение—Боснию и Герцоговину. Потери же Австрии были гораздо больше.

В 1859 г. Австрия теряет Ломбардию. В 1866 г., имея против себя одновременно Пруссию и Италию, Австрия вынуждена отказаться от всякого участия в Германском Союзе, т.-е. согласиться на главенство в этом Союзе Пруссии, и уступить Италии Венецию.

Единственным серьезным успехом Австрии является значительное укрепление позиций на Балканах по Берлинскому конгрессу 1878 г. и, в частности оккупация Боснии и Герцоговины и протекторат над ними. Нетрудно видеть, однако, что этот успех обусловлен не силой самой Австрии, а стремлением держав укрепить последнюю в противовес непомерно расширявшейся России.

Ликвидация турецкой опасности, ослабление международно-политического веса Австрийской империи, вытекающее из ее экономической слабости и отсталости государственного устройства, все более обостряло национальные антагонизмы внутри страны, составлявшие коренную проблему Австро-Венгерской монархии.

По переписи 1910 г., заведомо тенденциозной и лживой, в частности, и в том пункте, что к немцам безоговорочно причислялось все немалочисленное еврейское население Австрии, численность отдельных национальностей представляется в следующем виде (данные в млн.):

Немцы	12,0	Поляки	5,0	Итальянцы	1,0
Мадьяры	10,1	Украинцы	4,0	Прочие	0,2
Чехи и словаки	8,5	Румыны	3,2		
Сербы и хорваты	5,5	Словены	1,3		50,8

Положение в отдельных областях было еще менее благоприятное для господствующих национальностей. Так, в Боснии и Герцоговине на 1 930 тыс. населения приходилось 1 760 тыс. сербов и кроатов. Турки составляли здесь 150 тыс. чел. и лишь 20 000 принадлежало к другим национальностям. В Триесте и Триенте абсолютное большинство составляли итальянцы.

То обстоятельство, что отдельные национальности Австро-Венгрии жили компактными массами, иногда на территории, непосредственно прилегающей к границам государств той же национальности, и имело, разумеется, громадное значение для развития центробежных сил внутри Австрии.

Наиболее крупная по численности, а также по экономическому могуществу класса крупных землевладельцев национальность—мадьярская после продолжительной борьбы в 1867 г. добилась известной государственной самостоятельности. В этом году Венгрия стала равноправною с Австрией составной частью Австро-Венгерской монархии. Но это обстоятельство лишь укрепило реакционную политику правительства, поскольку отныне и мадьяры, став господствующей в Венгрии нацией, были заинтересованы в подавлении национальных движений. Между тем, эти движения уже в XIX веке получили значительное развитие в связи с капиталистическим ростом Австро-Венгрии. Они слагались из различных моментов: из борьбы буржуазии неполноправных национальностей за полную свободу накопления и за столь важную для свободы накопления политическую власть, борьбы разоряемого и обираемого крестьянства против землевладельцев, против тягот, возлагаемых на них реакционной монархией, и борьбы мелкобуржуазной интеллигенции за чиновничьи места. Национальные движения Австро-Венгрии представляли собою опаснейший элемент распада империи. Экономическое развитие страны не составляло достаточной силы противодействия, несмотря на то, что в ряде отраслей индустриализация Австро-Венгрии сделала значительные успехи.

Наиболее внушительны эти успехи были в свекло-сахарной промышленности. По размерам сахарного производства Австро-Венгрия стояла на втором месте среди европейских стран, в одном ряду с Россией, уступая одной лишь Гер-

мании. В 1913/14 г. производство свекловичного сахара в Австро-Венгрии составляло 1 680 500 тонн. По добыче каменного угля Австро-Венгрия занимала одно из последних мест среди крупных европейских стран. В 1913 г. эта добыча составляла 17 780 тыс. тонн, в то время как Россия в том же году дала добычу около 29 млн. тонн. Железной руды в том же году добыто было 5 098,4 тыс. тонн. Добыча нефти (в Восточной Галиции) составляла 1 114 тыс. тонн.

Протяжение железнодорожной сети в конце 1913 г. составляло 46 195 *км*—здесь Австрия стояла на 4-м месте в Европе после Германии, России, Франции.

Устарелое законодательство несколько тормозило развитие акционерных обществ (повышенным обложением) и коммерческих банков (концессионной системой разрешения).

В 1911 г., тем не менее, в Австро-Венгрии насчитывалось 3 640 акционерных обществ с номинальным капиталом в 5,3 млрд. марок.

Серьезную экономическую силу представляли австрийские банки. Собственные капиталы их с 525,6 млн. крон в 1878 г. возросли до 2 123,3 млн. крон в 1909 г. Чужие средства за то же время возросли с 1 353,8 млн. до 7 399,5 млн. крон. При этом весьма важно отметить, что небольшая группа венских крупных банков имела около 40% всех собственных капиталов и привлеченных средств.

Характерной чертой австрийских банков, сближающей их с российскими, является значительное влияние в них иностранного капитала. При этом венские, а отчасти будапештские банки, зачастую служили иностранному капиталу базой для проникновения в балканские страны и на Ближний Восток.

По размерам вложений в Австро-Венгрии одно из первых мест занимала Франция, которая перед войною имела здесь 3,5 млрд. франков. Национальный капитал в Австро-Венгрии, как и в России, сам по себе еще в незначительной степени принял форму финансового капитала. Поэтому здесь, как и в России, основным мотивом войны явились не факторы новейшего империализма, а главным образом, династические интересы и интересы связанных с династией военно-бюрократических групп. Борьба против Сербии, которой оказывали могущественную поддержку Франция и

Россия и усиление которой создавало угрозу отпадения от Австро-Венгрии пограничных областей с сербским населением,—эта борьба являлась важнейшим из этих мотивов.

Турция.

В течение двух с лишним веков—с середины XV до начала XVIII века—Турция была одной из могущественнейших держав мира. В 1753 г. турки заняли Константинополь; в 1526 г. в битве при Могаче они разбили венгерскую армию и обеспечили себе власть над Венгрией. В 1521 г. турками покорена была Алжирия. Еще ранее власть Турции вынужден был признать Египет. Под властью турок находились Бессарабия, Крым, часть Украины. Еще в 1683 г. турецкие войска осаждали Вену, и только помощь польского короля Яна Собеского спасла Вену и Австрию от турецкого завоевания.

Однако, с развитием капитализма Оттоманская военно-бюрократическая империя оказалась не в состоянии удержать свои прежние завоевания. С одной стороны, капиталистическое развитие пробуждало и усиливало тягу к национальной самостоятельности среди народов, подвластных Турции. С другой стороны, оно выдвинуло на сцену новых претендентов на турецкие завоевания, добивавшихся передела колоний в соответствии с новым соотношением сил.

XIX век ознаменован постепенным сжатием Оттоманской империи. Если в 1792 г. согласно русско-турецкому договору, подписанному в Яссах, «река Днестр имеет быть границею между обеими империями», то к концу XIX века за пределами Днестра за счет Турции создан был ряд новых государств. В течение XIX века из-под турецкого владычества в Европе освободились Греция, Болгария, Сербия, Черногория и Румыния. Египет и Алжирия из номинальных владений Турции превратились в фактические владения соответственно Англии и Франции.

Сама Турция, формально сохранявшая самостоятельность, на деле была совершенно колониальной страной. Консульская юрисдикция для иностранцев, просуществовавшая до 1916 г., контроль империалистских держав над турецкими финансами через посредство могущественного

Оттоманского банка, контроль европейских держав над железными дорогами и горными богатствами Турции—вот основные черты международного положения Турции перед войной.

На ряду с этим, весьма тяжело было и внутреннее состояние страны. Европейские товары, проникавшие в страну, разрушили туземную кустарную промышленность. Льготный таможенный тариф для иностранных товаров затруднял создание национальной промышленности. Большие платежи по государственному долгу, сильно выросшему после Крымской кампании, и война 1877—79 гг., дивиденды и барыши иностранных компаний, громадные расходы на содержание центрального правительства и местных чиновников, особые налоги и сборы на содержание духовенства,—все это тормозило развитие внутреннего капиталонакопления и экономический рост страны. Целый ряд межнациональных антагонизмов, особенно между господствующей нацией и крупнейшими из угнетенных наций (арабы, армяне, греки) еще более ухудшал политическое положение Турции.

И если тем не менее Турция просуществовала до самой мировой войны как держава с громадными территориальными владениями, то это об'ясняется отнюдь не силой сопротивления самой Турции, а лишь невозможностью соглашения о разделе между главными претендентами на турецкое наследство. На вопросе о Турции сталкивались между собою вековые соперники—Россия и Англия. Для первой основной задачей являлось завоевание Проливов, для второй—отвоевание Аравии и создание непрерывной сухопутной дороги Капштадт—Каир—Калькутта. Центром этой дороги, как и центральной осью английской морской политики в данном районе, являлась полная безопасность Суэцкого канала. Между тем, захват Россией Константинополя и Проливов и продвижение ее к югу создавало для Суэцкого канала серьезную угрозу. Поэтому именно Англия ставила наиболее решительно преграды подобным стремлениям России. Наиболее знаменателен в этом смысле тот факт, что при победоносном продвижении русских войск на Балканы в 1878 г. британский флот в довольно внушительном составе оказался в непосредственной близости Проливов.

После того, как между Россией и Англией в 1907 г.

было достигнуто соглашение по среднеазиатским вопросам и сближение между этими двумя государствами стало фактом, вероятность выступления Турции на стороне противогерманской коалиции стала минимальной.

Германия в глазах турецкой дипломатии имела то преимущество, что она на данном этапе стремилась к всесторонней эксплоатации Турции посредством выгодных концессий, но не имела еще определенной программы территориальных приобретений. Между тем, как для английского, так и для российского империализма раздел Турции являлся одной из важнейших задач.

Правда, третья участница Тройственного согласия, Франция, имела большое влияние в Турции. Ее громадные капиталы, вложенные в турецкие предприятия, предоставленные в виде займов турецкому правительству, и разветвленные культурно-просветительные организации успешно распространяли французскую ориентацию среди правящих кругов Турции. Если бы Турции предстояло сделать выбор только между Германией и Францией, то трудно сказать наперед, какое течение победило бы. Но при такой конфигурации империалистских сил, какая сложилась к началу войны, выступление Турции на стороне Германии было совершенно неизбежно.

Италия

Национальное объединение Италии было завершено к концу 60-х гг. В 1866 г. по Венскому миру Австрия дала согласие на присоединение к Италии Ломбардо-Венецианского королевства. 20 сентября 1870 г. вступлением итальянских войск в Рим ликвидирована была независимость папской области. Как национальное единое государство Италия, следовательно, выступила на мировую арену приблизительно в одно время с Германией. Вопрос о «месте под солнцем» итальянские политики выдвигали не менее энергично, чем германские, хотя ресурсы для подкрепления империалистских претензий у обоих государств были далеко не одинаковы.

Одним из важнейших элементов усиления итальянского государства был быстрый рост населения. За время с 1871 до 1914 г. население Италии увеличилось с 26,8 до 35,6 млн.

На 1 января 1914 г. плотность населения в Италии составляла 124,2 на *кв. км.* Такая цифра для аграрной по преимуществу страны, какой перед войной была Италия, была бесспорно весьма высокой. Достаточно вспомнить, что к тому же приблизительно времени плотность населения во Франции составляла только 74,2 чел. на *кв. км.* Отсталость итальянского земледелия, которая имела особо важное значение вследствие ряда неблагоприятных природных условий, при недостаточном темпе индустриализации, обусловливала большой размер итальянской эмиграции. В 1913 г. при приросте населения в 458 516 чел. за пределы страны эмигрировало 872 598 чел., из них 559 566 за океан, преимущественно в Соединенные штаты и Южную Америку.

Следует, впрочем, иметь в виду существенную особенность итальянской эмиграции: эмигранты большею частью не порывали с родиной. Побыв некоторое время на чужбине, они возвращались в Италию. Имела место также сезонная эмиграция, точнее, отход на заработки—на строительные работы в Соединенные штаты или на уборочные работы в Аргентину. За пятилетие 1902—1906 гг. число возвратившихся из эмиграции составило 46,8% по отношению к числу эмигрировавших за 1907—1911 гг.—74,5%.

Предвоенная Италия имела относительно неблагоприятные условия для промышленного развития, поскольку страна лишена была собственных запасов горючего (угля и нефти) и солидных запасов железной руды. Рост итальянской промышленности сопровождался усиленным ввозом каменного угля. Ввоз этот в 1901 г. составлял 4 839 тыс. тонн, в 1912 г.—10 057 тыс. тонн. Добыча угля внутри страны в 1913 г. выразилась в 701 тыс. тонн, причем большую часть добычи составил бурый уголь. Большое значение для Италии приобрела водная энергия, которая уже перед войной в значительных размерах использовалась для целей электрификации. При ничтожной добыче железной руды (в 1913 г.—375 тыс. тонн) и отсутствии своего угля незначительное развитие получила металлургия. В 1913 г. производство чугуна составило 427 тыс. тонн и стали—934 тыс. тонн.

Значительного развития достигли отдельные отрасли итальянской обрабатывающей промышленности. Так, хлопчатобумажная промышленность в 1913 г. насчитывала 4 600 тыс.

веретен и переработала 789 000 кип хлопка. Шелковая промышленность занимает первое место в Европе, дав в 1913 г. 3 540 тыс. *кг* шелка сырца (обще-европейская продукция 3 972 тыс. *кг*). Производство рафинада в 1913—14 г. составило 305 564 тонны. Уже перед войною существенное место в хозяйстве страны занимали кораблестроительная и автомобильная промышленность.

Железные дороги Италии в 1870 г. имели протяжение в 6 000 *км*, в конце 1913 г.—17 634 *км*. Тоннаж итальянских судов в 1881 г. составлял 989 тыс. тонн, в 1914 г.—1 668 тыс. тонн.

Так как Италия при относительно слабом развитии промышленности имела также продовольственный дефицит, то ее торговый баланс за последние годы перед войной был пассивным. В 1913 г. при ввозе в 3 646 тыс. лир вывоз составлял лишь 2 511 тыс. Дефициту по торговому балансу, как и платежам по иностранным вложениям, противостояли переводы эмигрантов и расходы туристов—две статьи, которые в Италии представляли существенную величину.

Из статей предвоенного промышленного вывоза Италии на первом месте стояли шелк и шелковые изделия и хлопчатобумажные ткани. Среднегодовой вывоз этих товаров за пятилетие 1907—1911 гг. составлял 584,6 млн. лир из общей цифры вывоза фабрикатов в 794,8 млн.

Италия перед войною представляла собою страну, весьма бедную капиталами. Индустриализация северной Италии во многом связана с импортом капитала из Германии. Кроме того, в Италии были помещены значительные французские капиталы (перед войною около 1,5 млрд. франков)

Как уже сказано, Италия выступила на международную арену во второй половине XIX века, когда наиболее ценные колонии были уже захвачены другими капиталистическими державами. В ее распоряжении не было капиталов, при помощи которых она могла бы за собою обеспечить монополии в более слабых странах путем так называемого мирного проникновения. Естественно, поэтому, что внимание Италии было обращено на неподеленные территории Африки.

Основными предметами вожделения итальянского империализма в Африке были Тунис и Восточная Африка.

Тунис представляет для Италии прежде всего громадную стратегическую ценность, поскольку вслед за Сицилией он является как бы прямым продолжением Аппенинского полуострова. Если бы Италия владела Тунисом и смогла на тунисском берегу Средиземного моря создать сильную военно-морскую базу, она представила бы большую силу на том пространстве в 150 *км*, которое отделяет Сицилию от Африканского материка и которое составляет как бы пролив между западной и восточной частями Средиземного моря. Кроме того, отличаясь сравнительно благоприятным климатом, Тунис издавна привлекал значительные количества итальянских колонистов, наличие которых усиливало аппетиты Италии по отношению к Тунису. Захват Италией этой географически близкой и беззащитной против империалистического нападания страны был бы вполне естественен. Но вся беда в том, что на тот же Тунис претендовала также Франция. Она, правда, не имела таких серьезных «исторических» мотивов, как Италия,—итальянские империалисты любили ссылаться на то, что Тунис есть преемник древнего Карфагена, колонии древнего Рима, преемником которого в свою очередь является итальянское государство. Но на стороне французов было громадное преимущество экономической и военной мощи. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтоб вопрос был решен в пользу Франции. В 1881 г. властитель Туниса подписал договор о признании французского протектората над Тунисом.

Что касается итальянского проникновения в Эритрею, то оно началось еще в 1869 г. когда генуэзская пароходная фирма Рубаттина при поддержке итальянского правительства купила у туземных властителей гавань Ассаб (на Красном море, близ Аденского залива) для устройства здесь угольной станции. В 1882 г. Ассаб был формально аннексирован итальянским правительством. Это было первое итальянское владение в Африке. Постепенно Италия захватила в свои руки все Эритрейское побережье Красного моря, а в конце восьмидесятых годов в результате длительной войны с Абиссинией урвала у нее значительную область и принудила Абиссинию признать итальянский протекторат. В 1892 г. итальянцы захватили обширное Сомалийское побережье Индийского океана.

Изо всех восточно-африканских захватов Италии серьезную ценность представляла одна Абиссиния как по своим природным богатствам, так и по пригодности для колонизации.

Однако, именно эту область Италии не удалось за собою удержать. Итальянцы попытались развить свои прежние успехи и в 1895 г. послали значительную военную экспедицию, чтоб добиться формального подчинения Абиссинии. Но здесь они против ожидания натолкнулись на серьезное сопротивление. 1 марта 1896 г. в битве при Адуе итальянские войска потерпели самое позорное поражение. Участвовавшие в сражении два итальянских отряда были отчасти уничтожены, отчасти взяты в плен.

По статье третьей мирного договора, заключенного между Италией и Абиссинией 26 октября 1896 г., «во имя пресвятой троицы»... «Италия признает абсолютную и безоговорочную независимость Эфиопской империи как государства суверенного и независимого».

Следует отметить, что Абиссинии вряд ли удалось бы одержать победу, если бы Франция не оказала ей поддержки реорганизацией и обучением армии и поставкой оружия и снаряжения. Таким образом, и здесь итальянские колониальные стремления не могли быть реализованы вследствие противодействия Франции.

Борьба с Францией за влияние в бассейне Средиземного моря и в Абиссинии составляла коренную проблему итальянского империализма. Именно захват Туниса толкнул Италию в объятия Германии, побудив ее в 1882 г. подписать союзный договор с Австро-Венгрией и Германией. В 1887 г., при возобновлении договора, между Италией и Германией заключен был отдельный договор, который прямо предусматривал итало-французскую войну в случае дальнейшего расширения французского господства в Северной Африке.

Итало-турецкая война 1911—1912 гг., в которой итальянцы терпели серьезные поражения от отрядов Энвер-паши, в конце концов принесла Италии победу, главным образом вследствие того, что для Турции возникли угрозы со стороны России и балканских стран. Италия добилась своей цели, получив Триполи и Киренаику.

Перед мировою войной колониальные владения Италии

по площади в несколько раз превышали площадь самой Италии. Но качество этих владений было весьма невысокое. Триполи, Киренаика, Сомали в большей своей части представляют собою песчаные пустыни, совершенно не поддающиеся освоению. И после победоносной войны с Турцией проблема территориального расширения сохраняла для Италии прежнюю остроту.

Средиземноморские интересы Италии для нее безусловно являлись преобладающими. Именно этим и объясняется пребывание Италии в Тройственном Союзе до самой войны. Были, однако, у Италии и весьма важные притязания на европейском материке. Прежде всего, во владении Австро-Венгрии оставались территории с преобладанием итальянского населения, в том числе город Триест. Италия издавна стремилась также к присоединению Албании, обладание которой ей обеспечивало господство на Адриатическом море. Наконец, Италия стремилась к ряду других захватов как на Балканах, так и в Эгейском море.

При выборе ориентации во время мировой войны Италия, разумеется, не могла руководствоваться исключительно соображениями большей или меньшей важности тех или других аннексий. При уязвимости страны со стороны моря для Италии вообще не могло быть и речи о выступлении против Англии, которая перед войною была бесспорною владычицей морей.

Сохранять нейтралитет во время мировой войны для Италии было, конечно, немыслимо. Вот почему уже 4 августа 1914 г. Италия через посредство России повела с антантовской коалицией переговоры об условиях, при которых она согласилась бы выступить против Австро-Венгрии и Германии.

Документы, касающиеся этого торга, представляют собой образцы империалистического цинизма. Они опубликованы частично в сборнике Центроархива «Царская Россия в мировой войне», т. 1, ГИЗ, Ленинград 1926 г. Значительные успехи союзных войск, особенно российских армий, оперировавших в Австро-Венгрии в начале 1915 г., в связи с соответствующими посулами, которые были сделаны Италии союзниками, окончательно толкнули Италию на выступление против Германии.

Северо-американские соединенные штаты.

Экономическое и политическое развитие Соединенных штатов с начала XIX века до мировой войны представляет, бесспорно, совершенно исключительное явление. Одержав победу в войне за независимость 1775—1783 гг. и устранив установленные метрополией искусственные препятствия к развитию туземной промышленности, Соединенные штаты получили сильнейший толчок к хозяйственному росту в эпоху наполеоновских войн. Акт о разрыве торговых сношений с Европой 1809 г. и война с Англией 1812—1815 гг., парализовав почти полностью ввоз иностранных промышленных товаров, создали экономический стимул к буйному росту американской промышленности. Высокая конъюнктура сельского хозяйства, обусловленная теми же наполеоновскими войнами, значительно повысила емкость рынка промышленных товаров. Наиболее показательным является рост хлопчато-бумажной промышленности: в 1807 г. здесь было только 8 тыс. веретен, в 1815 г.—130 тыс. Добыча каменного угля к 1810 г. была равна нулю; в 1835 г. она составляла около 290 тыс. тонн. Выплавка чугуна с 55 тыс. тонн в 1810 г. поднялась до 167 тыс. тонн в 1830 г.

Громадные природные богатства, отсутствие феодальных отношений, тормозящих капиталистическое развитие, наличие больших пространств плодородных целинных земель, благоприятные условия внутреннего (водного) транспорта,—все это обусловило высокий темп развития американского хозяйства и в дальнейшем, притом главным образом на базе удовлетворения отечественного спроса. К концу XIX и началу XX вв. посевные площади под главными культурами (в миллионах акров) изменялись следующим образом:

Годы	Пшеница	Кукуруза	Овес	Хлопчатник
1870	19	39	9	9
1880	39	62	16	15
1890	36	72	26	19
1900	42	83	27	24
1910	45	104	37	32

Такой бурный рост посевных площадей под важнейшими продовольственными, кормовыми и сырьевыми культурами дал Соединенным штатам возможность не только полностью удовлетворить непрерывно растущие потребности внутрен-

него рынка, но и в течение ряда лет вывозить за пределы страны сельскохозяйственные продукты на громадные суммы. На ряду с этим быстрыми шагами продвигалось вперед промышленное производство, как это показывает нижеследующая таблица:

	1870 г.	1889 г.	1909 г.	1913 г.
Уголь (млн. тонн)	29,5	126,1	411,4	508,9
Нефть (млн. галлонов)	22,1	1,477	7,693	10,495
Чугун (млн. тонн)	1,7	7,6	25,8	31,0
Сталь млн. тонн	0,07	3,39	23,96	31,3
Медь (тыс. тонн)	12,6	101,2	487,9	546,6
Потребление хлопка (тыс. кип)	797	2 270	5 241	5 786

Мощность первичных двигателей в промышленности с 3 411 тыс. л. с. в 1879 г. поднялась до 10 098 тыс. л. с. в 1899 г. и до 18 675 тыс. л. с. в 1909 г. Весьма важной особенностью американской промышленности является высокое развитие концентрации. В 1914 г. предприятия с годовой производительностью свыше миллиона долларов давали почти половину всего промышленного производства страны. По отдельным отраслям их удельный вес был значительно выше:

	1904 г.	1909 г.
Доменные печи	74,8	85,8
Прокат	84,6	91
Производство свинца	97,4	99,2
Выплавка меди	99	99
Нефть	88,3	88
Мясная промышленность	83,9	85,8

(См. Герман Леви. Народное хозяйство Соединенных штатов Америки, перевод с немецкого. Обелиск. Берлин, 1923 г., стр. 85.)

По развитию капиталистических монополий Соединенные штаты занимали первое место среди капиталистических стран, являясь классической страной трестов и гигантских банков. Ни одна страна не знала такой громадной концентрации финансового могущества как Соединенные штаты с Морганом, Рокфеллером и некоторыми менее крупными тузами.

Если говорить о странах, с которыми сталкивались Соединенные штаты в своей экспансии, то из главных участников мировой войны здесь на первом месте бесспорно придется поставить Великобританию.

Соединенные штаты в 1823 г. устами тогдашнего президента Монроэ провозгласили лозунг «Америка для американцев», который на деле выражал программу монопольной эксплоатации Соединенными штатами американского материка. На пути распространения американского влияния на материке, особенно в Южной Америке, прежде всего стояла Англия.

Перед войной под монопольным контролем Англии, находилась такая богатая страна, как Аргентина. На севере, непосредственно гранича с Соединенными штатами на протяжении нескольких тысяч *км*, под властью британской короны находилась большая, богатая и вместе с тем беззащитная благодаря своей малолюдности Канада. Мировая война давала Соединенным штатам отличную возможность захватить британские позиции на американском материке. И если Соединенные штаты тем не менее выступили в войне не на стороне Германии, а на стороне Великобритании, то для этого были в высшей степени веские мотивы.

Прежде всего, необходимо указать, что ориентация Соединенных штатов в мировой войне определилась не 3 февраля 1917 г., когда последовал разрыв дипломатических сношений с Германией, а значительно раньше, когда американская промышленность мобилизовала все свои силы для обслуживания армий Антанты. Нетрудно видеть, однако, что у промышленности Соединенных штатов, которая, конечно, с величайшей готовностью бросилась на исключительно прибыльные военные поставки, в действительности не было выбора. При безраздельном господстве английского флота на морях и прочной блокаде германских портов не могло быть и речи об обслуживании германской армии в сколько-нибудь крупных масштабах. В свою очередь, миллиардные военные поставки странам Антанты, в значительной мере связанные с предоставлением займов, уже сами по себе обусловливали и политическую ориентацию.

Соединенные штаты выиграли мировую войну уже в самом ходе ее, нажив гигантские прибыли на поставках и опутав могущественнейшие финансовые державы мира—Великобританию и Францию золотыми сетями военного долга. Объявленная Германией беспощадная подводная война грозила серьезным ущербом американским прибылям и именно

в ответ на это и последовал разрыв Соединенными штатами дипломатических отношений с Германией.

Еще один весьма важный момент, который в последнем счете также упирался в морское могущество Великобритании, исключая для Соединенных штатов возможность союза с Германией. Это—страх перед Японииией, которая в случае войны могла бы совершенно беспрепятственно захватить Филиппинские острова и уже отсюда угрожать островам Гавай и материку. В этом случае морской флот Соединенных штатов, которому приходилось бы защищать свои владения и длинную береговую линию на западе против японского флота и на востоке—против английского, встал бы перед совершенно непосильной задачей.

К тому же, и Германия для Соединенных штатов являлась соперником и конкурентом, особо опасным благодаря своей передовой технике и высокому темпу развития. Устранение или, по крайней мере, чувствительное ослабление этого конкурента само по себе для Соединенных штатов являлось большим плюсом.

Для Соединенных штатов война 1914—1918 гг. была как бы подготовительной и должна была стимулировать накопление тех ресурсов, при помощи которых возможно было бы приступить к разрешению коренных задач американского империализма на данном этапе.

Япония.

Участие Японии в противогерманской коалиции вовсе не вытекало из соперничества с Германией в каком-либо жизненном для японского империализма пункте.

Япония перед войною, как и в настоящее время, являлась страною тихоокеанской экспансии. Она стремилась закрепить за собою обширные территории на азиатском материке, которые могли бы ей прежде всего обеспечить дефицитные виды минерального и растительного сырья. Она старалась обеспечить себе как можно большие прибыли на капитал проникновением на территорию Китая и эксплоатацией там дешевой рабочей силы. Наконец, пользуясь преимуществом территориальной близости, Япония боролась за завоевание колоссального китайского рынка. В этих своих

стремлениях Япония сталкивалась прежде всего с теми державами, которые имели однородные намерения по отношению к Китаю или уже успели за собой здесь закрепить наиболее важные с точки зрения японского империализма позиции: с Соединенными штатами, с Великобританией, с царской Россией, наконец, с Францииeй. Что касается германского империализма, то он перед мировой войной имел в Китае довольно ограниченные интересы. В железнодорожном строительстве и эксплоатации ж. д.—важнейшей форме иностранных инвестиций в Китае—Германия играла сравнительно небольшую роль. В китайском ввозе Германия до войны имела удельный вес лишь в 5%.

Второе направление японской империалистической экспансии—это к югу, на продолжении существующей непрерывной линии островных японских владений от Южного Сахалина до Формозы включительно. Это направление, конечным пунктом которого может явиться Австралия и которое захватывает Филиппинский архипелаг, Молукские и Зондские острова, чревато гигантским столкновением с важнейшими соперниками Японии в Тихом океане.

Правда, японско-германские отношения на Дальнем Востоке за последние двадцать лет перед войной были далеко не удовлетворительными. Основная причина заключается в политике Германии. Бисмарк и его продолжатели стремились направить захватнический пыл царской России на Дальний Восток, чтобы отвернуть его от Ближнего Востока, где русско-германское столкновение было бы неизбежно. Это вполне похоже на бисмарковскую политику в отношении Франции, которой Германия не препятствовала искать расширения в колониях с тем, чтобы этим погасить жажду реванша за Эльзас-Лотарингию.

Именно в этих видах Германия оказала поддержку России после японо-китайской войны 1894—1895 гг., помешав Японии завладеть Ляодунским полуостровом. Во время русско-японской войны Германия вела себя по отношению к России несравненно более дружественно, чем союзная с последней Франция.

В 1893 г. Германия захватила Киао-Чао и в 1898 г. получила преимущественное право на разработку горных богатств и проведение железных дорог в Шандуне. Германия

перехватила район, представляющий для Японии выдающуюся экономическую и стратегическую ценность.

Тем не менее, японо-германские противоречия в Китае не были коренными. В случае надобности Германия могла бы и вовсе отказаться от своих прав на Шандунь и Киао-Чао, либо могла бы пойти на вполне приемлемую для Японии форму сотрудничества с последней. И если все же Япония присоединилась к антигерманской коалиции и притом сделала это одной из первых (объявление войны последовало 23 августа 1914 г.), то для этого были вполне серьезные основания.

Для Японии, как и для России, война была, так сказать, подготовительной, такой, успех в которой должен был укрепить ее для осуществления коренных империалистических стремлений. Присоединение к наиболее сильной на море группировке давало возможность Японии, принесшей очень мало жертв на алтарь борьбы с Германией, блестяще использовать экономическую и стратегическую ситуацию, создавшуюся на Дальнем Востоке в результате отвлечения войной основных сил ее главных соперников в Тихом океане.

ПРЕДВОЕННЫЕ ГРУППИРОВКИ И МИРОВАЯ ВОЙНА.

★

Тройственный союз и Тройственное согласие.

Англо-германское мировое соперничество, которое явилось важнейшей пружиной мировой войны, начало оформляться в конце XIX века. Именно к этому времени промышленные, транспортные, банковые монополии Германии создавали ей все более ощутительные преимущества перед другими конкурентами, в частности, перед Великобританией, и подводили ее вплотную к борьбе за мировое господство. Концессия на Багдадскую железную дорогу, первая большая судостроительная программа адмирала Тирпица 1898 г., поздравительная телеграмма Вильгельма Крюгеру по поводу победы над английским отрядом,—все эти события последних годов XIX столетия сигнализировали начало острой борьбы между Германией и Англией. Но до этого времени, как и в первые годы XX века, непримиримость интересов между обеими империалистскими державами вовсе не была столь очевидной.

Наиболее продолжительным и упорным был антагонизм франко-германский. За время с 1871 г. и до мировой войны он лишь несколько ослабевал временами, но никогда не прекращался. Вокруг этого стержня постепенно кристаллизовались основные группировки враждебных коалиций мировой войны.

На Берлинском конгресс 1878 г., проходившем под председательством и в значительной мере под руководством Бисмарка, достижения России существенно урезаны были по сравнению с прелиминарным русско-турецким мирным договором в Сан-Стефано. Берлинский конгресс, вслед за фран-

ко-прусской войной,—вторая дата в формировании враждебных коалиций империалистической войны.

Правда, и после Берлинского конгресса русско-германско-австро-венгерский Тройственный Союз был расторгнут не сразу. Но охлаждение между Россией и Германией началось именно с этого времени. Российский представитель на Берлинском конгрессе Горчаков уже тогда поставил вопрос о франко-русском союзе. Хотя формально договор о Тройственном Союзе между Германией, Австро-Венгрией и Россией возобновлялся вплоть до 1887 г., тем не менее германская дипломатия вполне серьезно считалась с переменой отношения со стороны России.

На том же Берлинском конгрессе явственно обозначилось соперничество между Россией и Австро-Венгрией на Балканах. Австро-Венгрия, на ряду с Великобританией, проявляла особую активность в кампании за пересмотр Сан-Стефанского мира. Если Англия при этом руководствовалась главным образом стремлением парализовать русские претензии на Константинополь и Проливы, то для Австро-Венгрии наиболее важную роль здесь сыграл страх перед русской экспансией на Балканах.

Правда, противодействие Австрии русским стремлениям, как они отражены были в Сан-Стефанском договоре, опиралось на специальное русско-австрийское соглашение, заключенное в 1876 г. в Рейхштадте. По этому соглашению в случае победы над турками «державы будут действовать согласно в вопросе об урегулировании последствий войны. Они не окажут содействия образованию большого славянского государства» (см. Русско-германские отношения. Издательство Центроархива. Москва 1922 г., стр. 39). Сан-Стефанский же договор, составленный и подписанный Россией без согласования с Австрией, предусматривает образование болгарского княжества, которое по ст. 8 договора в течение двух лет должно быть оккупировано русскими войсками.

Как бы то ни было, Сан-Стефанский мирный договор, в котором победившая самодержавная Россия откровенно проявила свои захватнические аппетиты на Балканах, вконец нарушил дружественные отношения между Россией и Австро-Венгрией. В антирусской коалиции на Берлинском конгрессе Австрия играла одну из наиболее важных ролей.

В 1879 г. под руководством Бисмарка заключен был особый союзный договор между Германией и Австро-Венгрией, острием своим направленный против России. Статья первая этого договора гласит:

«В случае, если бы одна из обеих империй, вопреки ожиданию и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, то обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью военных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию».

Еще через несколько лет, в 1882 г., после аннексии Францией Туниса, Германия добилась создания Тройственного Союза, в который кроме нее и Австро-Венгрии вошла также Италия. Таким образом, Тройственный Союз, который продержался до самой мировой войны, сложился более чем за тридцать лет до начала войны.

Образование враждебной Германии коалиции относится к более позднему времени. Ориентация на союз с Францией в России была подогрета тем, что начиная с 1887 г. на парижской бирже размещен был ряд крупных займов. А для российского самодержавия, при котором неизбежны были как бедность страны, так и громадные расходы на содержание военно-бюрократического аппарата, этот момент играл немаловажную роль.

В сближении обоих государств помимо прочего существенное значение имело колониальнсе соперничество этих государств с общим врагом—с Великобританией.

Франция, которая особенно с премьерства Жюля Ферри повела активную колониальную политику, во всех сколько-нибудь важных пунктах наталкивалась на сопротивление Великобритании. Так было при захвате Францией Туниса, Мадагаскара; так было в Западной Африке, в Индо-Китае. Вместе с тем, Великобритания неуклонно вытесняла и в конце концов вытеснила ее из таких ценных позиций, как Египет, Судан, Суэцкий канал. Россия сталкивалась с Англией в Афганистане и в Персии.

При таком положении неудивительно, что соглашение о франко-русском союзе, относящееся к 1891 г., направлено не только против Германии и Австро-Венгрии, но также про-

тив Англии. Один из двух основных документов этого соглашения (формальный договор не был подписан), письмо русского министра иностранных дел Гирса от 9/21 августа 1891 г., указывает в качестве основного мотива к образованию франко-русского союза «Положение, создавшееся в Европе благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом».

В первые годы своего существования франко-русский союз носил чисто оборонительный характер и вовсе не по причине миролюбия его участников, а по другим, более реальным причинам. Самая ориентация союзников на возможность совместного выступления против них Германии и Англии естественно должна была ограничить их агрессивность. Российская дипломатия, кроме того, в отличие от 1877 г., считала основной своей задачей продвижение на Восток, к берегам Тихого океана, а французский империализм не закончил своего колониального расширения в Африке.

Позорное отступление французского отряда из Фашоды, суданского городка, в 1898 г. по приказу из Парижа перед приближающимися английскими войсками, поставило перед французской дипломатией во весь рост проблему отношений с Великобританией. Установка французской дипломатии, относящаяся ко времени заключения союза с Россией, одновременная борьба на два фронта—против Германии и против Англии—оказалась слишком опасной. Германская дипломатия немедленно после фашодского инцидента сделала попытку к сближению с Францией против Англии. Но между Францией и Германией стоял старый спор об Эльзас-Лотарингии. И французское правительство в лице Делькассе решительно отвергло путь союза с Германией.

С другой стороны, к началу XX века с полной ясностью обозначилась непримиримость англо-германских противоречий и серьезная и быстро растущая экономическая и политическая мощь Германии. Это составляло достаточно веский мотив для того, чтобы Великобритания искала сближения с Францией, тем более что после Фашоды французская дипломатия должна была стать достаточно умеренной в своих притязаниях. Соглашение от 8 апреля 1904 г., которое урегулировало важнейшие спорные вопросы между Англией и

Францией в колониях и основой которого явилась взаимная поддержка захватнических стремлений обеих держав соответственно в Египте и Марокко, положило начало т. н. Антанте.

Что касается России, то перед нею, после поражения в японской войне, точно так же, как и перед Францией после Фашоды, неизбежно должен был встать вопрос о перемене направления экспансии. И подобно тому как для французской дипломатии после Фашоды еще актуальнее стала задача отвоевания Эльзас-Лотарингии, так для российского империализма, после его поражений на Дальнем Востоке, заветной мечтой стал захват Константинополя и Проливов. Тем самым обострялся русско-австрийский антагонизм, разожженный в свое время еще ликвидацией русско-турецкой войны 1877/78 гг., и одновременно ставился вопрос о сближении с историческим противником, памятным также и по берлинскому конгрессу—с Великобританией. Соглашение Франции с Англией, при усиливавшейся зависимости российского самодержавия от парижских банков, предрешило вопрос об ориентации России. Подписанное в 1907 г. русско-английское соглашение по среднеазиатским делам, урегулировавшее важнейшие спорные вопросы между Англией и Россией, знаменовало собою создание Тройственного Согласия в том виде, в каком оно просуществовало до мировой войны.

Возникновение мировой войны.

Между 1904/07 гг.—периодом, когда окончательно сложилось Тройственное Согласие, враждебно противостоящее Германии и Австро-Венгрии, и началом мировой войны было несколько фактов острого столкновения между обеими группировками. И если эти столкновения не повлекли за собою военного конфликта, то к этому были весьма серьезные причины.

Первое дипломатическое столкновение, главным образом, между Австро-Венгрией и Россией произошло в 1908 г. После турецкой революции Австро-Венгрия односторонним актом (императорским указом) произвела аннексию Боснии и Герцеговины. Это составляло грубое нарушение постановлений Берлинского конгресса, который предоставил Австро-Венгрии

только право оккупации, но не право аннексии этих территорий. Аннексия непосредственно задевала интересы Сербии, поскольку подавляющую часть населения Боснии и Герцеговины составляли сербы, а косвенно—интересы России, поскольку существующее положение на Балканах резко нарушалось в пользу соперничающей с ней державы.

Дипломатическая обстановка была как нельзя более благоприятна для России. Шаг Австро-Венгрии вызвал резкие протесты со стороны Франции и особенно Англии. Больше того, он привел к серьезному кризису внешнеполитической ориентации Италии, которая не могла относиться благожелательно к укреплению Австро-Венгрии на побережьи Адриатического моря. Наиболее непосредственно аннексия задевала, разумеется, Турцию, поскольку ее суверенитет над этими странами берлинским конгрессом был сохранен. Если принять во внимание, что революция вообще вызвала кризис германо-турецких отношений и усилила франкофильские тенденции в Турции, если учесть к тому же внутреннее состояние Турции, то можно считать, что в случае возникновения войны в 1908 г. присоединение Турции к германской коалиции было бы исключено.

Тем не менее, конфликт 1908 г., в котором Австро-Венгрия держала себя твердо и неуступчиво, не привел к мировой войне. Основная причина—та, что царская Россия после войны с Японией и революции 1905 г. совершенно не была готова к войне по состоянию своих армий и боялась итти на вооруженное столкновение. Именно вынужденное «миролюбие» России и явилось причиною того, что война была избегнута в 1908 г.

Следующий весьма острый момент в европейских отношениях связан с посылкой Германией канонерской лодки «Пантера» в марокканские воды, в район небольшого городка Агадир. Так как в то время на территории Марокко действовали французские войска, то прибытие к берегам Марокко германского военного судна являлось громким вызовом Франции. Насколько сильно было впечатление от этого акта германского правительства, можно видеть из того, что Ллойд-Джордж, тогда один из влиятельнейших министров в кабинете Асквита, в своем выступлении от 21 июля 1911 г. совершенно недвусмысленно грозил Германии войной. От-

ветом Франции на визит «Пантеры» явились большие маневры на северо-восточной границе с Германией. Карл Гельферих—руководитель «Дейтше Банк» и один из наиболее выдающихся представителей предвоенного германского империализма—утверждает, однако, и повидимому, с достаточным основанием, что посылкой «Пантеры» Германия имела в виду не оказать противодействие французским планам в Марокко, а добиться максимальных компенсаций за «благожелательный нейтралитет» в данном вопросе, то-есть за спокойное созерцание расправы Франции с Марокко.

«Компенсацию за Марокко немецкая политика искала в приобретении других колоний. Но так как тут речь шла о том, чтобы за отказ Германии от голоса в марокканском вопросе выторговать для нее другие компенсации, то не только нельзя было отказываться от этого голоса до обеспечения достаточных компенсаций, но надо было еще по возможности возвысить этот голос» (Карл Гельферих. Накануне мировой войны. Перевод с немецкого «Красная Новь». Москва 1924 г., стр. 57).

Но если дело и обстояло именно так, как его рисует Гельферих, то необходимо признать, что компенсации, полученные Германией—100 тыс. кв. миль французского Конго,—не находились ни в каком соответствии с шумом, поднятым Германией. Основная причина заключается в том, что Германия не собиралась воевать прежде всего ввиду недостаточной военной готовности и особенно ввиду необеспеченности обороны морского побережья—к этому времени не был достаточно расширен Кильский канал и не закончены необходимые укрепления в Гельголанде. На этот раз «миролюбие» проявила Германия, притом по той же уважительной причине, что и Россия в 1908 г. Причина эта—неподготовленность к войне.

Наконец, третий конфликт возник во время первой балканской войны, когда победоносная Сербия выказала намерение занять Скутари, Дураццо и другие пункты Албании. Обострение между Австро-Венгрией и Россией на этой почве достигло большой силы. В феврале 1913 г. Австро-Венгрия и Россия мобилизовали несколько возрастов, и русские войска в значительном числе сосредоточены были у австрийской границы. На этот раз роль миротворца сыграла Англия, ко-

торая к тому времени, в связи со значительным усилением России, делала попытки на известных условиях сблизиться с Германией. Под влиянием этого обстоятельства Россия, а за нею и Франция сбавили тон. Продвижение Сербии было приостановлено. В марте 1913 г. австрийские, как и русские, запасные были демобилизованы—мировая война снова была отсрочена.

Однако, все эти конфликты, когда возникновение мировой войны представлялось вполне возможным, отнюдь не проходили бесследно. Они давали сильнейший толчок к энергичному сколачиванию коалиций и к лихорадочному росту вооружений во всех основных странах Европы. В промежутке между австрийской аннексией Боснии и Герцеговины и началом мировой войны мы имеем, с одной стороны, укрепление связи между Германией и Австро-Венгрией, с другой—осуществление военного и военно-морского сотрудничества между Англией и Францией, между Францией и царской Россией.

Что касается милитаристской горячки в последние предвоенные годы, то о фактической стороне дела, хотя разумеется и не о действительных причинах, дает представление, приводимая М. П. Павловичем в книге «Мировая война 1914—1918 гг.», выдержка из передовой статьи кадетского органа «Речь» от 14 июня 1914 г.

Газета пишет: «Русская программа вооружений ведь не единственная. Она составляет только часть того общего движения, которым в течение трех—пяти последних лет охвачена вся Европа. В 1910—1914 гг. Европа пережила такой же период паники, как те, которые в XIX столетии не раз вели к крупным скачкам в процессе вооружений. Трудно сказать, от кого тут исходило начало. Быть может, всего естественнее искать общего толчка извне и находить его в тех изменениях европейского равновесия, которые вызваны крупными переменами на Балканах. Ослабление Турции и усиление христианских государств, связанное с этим ослабление австрийского влияния, трения в среде членов Тройственного Союза, невозможность для Германии всегда стоять в готовой позе «блестяще забронированного» союзника, потребность озаботиться и о себе и вытекающее отсюда усиление вооружений—вот, может быть, наиболее естественное начало.

Но раз данный толчек с Балкан передается дальше. Паника в Германии соответствует такой же панике во Франции и той вспышке национализма, которая привела к замене военного закона 1905 г. о двухлетней службе законом 1913 г. Потом таинственные переговоры Франции с Россией, хронология которых отмечается пребыванием в России Пуанкаре и Делькассе и пребыванием в министерствах Бриана и Барту, услужливое посредничество двух Рейнаков—и, в результате, сколок французского закона 1913 г.—наш собственный закон 1914 г., который голосовался вчера. Очередь теперь за Германией»...

«Самые основы европейского равновесия колеблются от непосильно возлагаемой на народы тяжести—такова мораль всех этих насильственных голосований в Париже и Петербурге, вынуждаемых тайными соглашениями и скрытыми ультиматумами».

При таком положении, какое рисует передовая «Речи», столь раздуваемый буржуазной прессой вопрос о «виновниках войны» приобретает второстепенное значение. Общая международная ситуация была такова, что война становилась неизбежной. Рост вооружений отражал то объективное обстоятельство, что решающие силы мирового империализма столкнулись между собою на жизненных для обеих сторон вопросах, по которым полюбовное соглашение не могло быть достигнуто.

Центральным пунктом столкновения было бесспорно положение на Ближнем Востоке: для Великобритании—успешный ход строительства Багдадской железной дороги, для Германии, во-первых, опасность распада Австро-Венгрии в связи с усилением Сербии после балканских войн и, следовательно, перспектива потери единственно надежного и относительно сильного союзника и, во-вторых, факт усиления русско-французского влияния на Балканах, т.-е. на основном пути экспансии германского империализма.

То обстоятельство, что для Англии период маневрирования закончился и что к столкновению с Германией в ближайшее время она стала энергично готовиться, придало духу французским империалистам. Ситуация, о которой они мечтали с 1871 г., наконец, создалась, и было бы неестественно, если б они эту ситуацию не использовали. Но война с Гер-

манией, сухопутная армия которой представляла собою громадную силу, для Франции была немыслима без помощи России. Отсюда и тот энергичный нажим со стороны Франции, который выразился в циничных условиях при предоставлении займа, в оживленном «контакте» между французским и русским генеральными штабами, в поддержке, которую Франция оказывала агрессивным шагам России по отношению к Австро-Венгрии во время балканских войн, в специальном визите Пуанкаре к Николаю 20 июля 1914 г.

В свою очередь, и царская Россия имела серьезные основания к тому, чтобы поторопиться с войной. Международно-политическая ситуация складывалась как нельзя более благоприятно: против германской коалиции Россия должна была выступить совместно с такими могущественными державами, как Великобритания и Франция. Следовательно, тот внешне-политический реванш, к которому самодержавие не могло не стремиться после постыдного разгрома в Манчжурии, представлялся теперь наиболее достижимым. С другой стороны, внутренняя обстановка в России воскрешала столь страшные для самодержавия призраки 1905 г. и толкала его к приятию крупных решений. За последние предвоенные годы стачечное движение быстро росло, причем одновременно росло и большевистское влияние среди рабочих. В Ежегоднике газеты «Речь» на 1914 г. И. Гессен пишет:

«...рабочие забастовки носили исключительный характер. На ряду с многочисленными, непрерывными экономическими забастовками, из коих многие кончались полной или частичной победой рабочих, также беспрерывно происходили и чисто политические однодневные забастовки: в честь 1 мая, по поводу Ленских событий, преследования рабочей печати, суда над забастовщиками, дело Бейлиса и т. д. и т. д. Рабочие проявляли необычайную возбудимость, которая всегда заставляет подозревать глубину чувствований».

Российское самодержавие, которое органически неспособно было итти по пути глубоких реформ, могущих расколоть революционные силы и ослабить их напор, и с этой стороны толкалось к войне, к погоне за успехами на фронте внешней политики. Правда, наиболее умные сторонники старого режима, вроде П. Н. Дурново, предвидели, что война только ускорит крах самодержавия. Но и мир не сулил ему

никаких приятных перспектив. Российская дипломатия решительно и бесповоротно шла навстречу войне.

Еще в феврале 1914 г. в «Биржевых Ведомостях» появилась статья без подписи, написанная военным министром Сухомлиновым, под громким заглавием «Россия хочет мира, но готова к войне». В этой статье Сухомлинов уверял, что в случае войны «русская армия явится не только громадной, но и хорошо обученной, хорошо вооруженной, снабженной всем, что дала новая техника военного дела».

Как бы в ответ на подобные фанфаронады петербургский корреспондент «Кельнише Цейтунг» в номере от 2 марта 1914 г. писал, что «в данную минуту Россия не готова поддержать силой политические угрозы; непосредственной военной опасности с русской стороны не имеется, как ни гремят французы русской саблей».

«Берлинер Тагеблат» от 9 марта 1914 г. в официозной статье прямо ставила вопрос о предупредительной войне против России. Газета писала:

«Для кого работает время—для цивилизованной Европы или для России? Громадный прирост русского населения и ослабление этого прироста на Западе, хозяйственное усиление России, постройка дорог и крепостей, неистощимый золотой поток из Франции, прогрессирующее разложение Габсбургской монархии, которое, к сожалению, невозможно отрицать, все это серьезные явления... Правительства и народы центральной Европы должны ясно сознать, что мера возможных уступков уже истощена. Каждому дальнейшему шагу России вперед надо противопоставить безусловное veto с твердой решимостью в случае крайности обратиться к мечу. Многие считают Россию непобедимой. Но современная война побеждает пространство и время совсем иными средствами, чем во время Наполеона. Так же фиктивна и догма о бесплодности победы над Россией. Поляки и украинцы, финны, румыны, шведы, немцы, восточные народы всякого рода являются русскими поневоле, и с ними обращаются, как с гражданами второго разряда. И среди коренного русского населения царит глубокое недовольство, которое в случае поражения должно привести к крушению теперешней системы».

При таком отношении к войне в решающих странах убий-

ство австрийского наследника в Сараеве 28 июня 1914 г., кстати сказать, организованное при помощи сербского штаба и при прямо подстрекательстве русского генерального штаба, имело значение не более как удобного предлога к давно предрешенному стремительному развертыванию туго свернутой пружины мобилизации и войны.

Основные даты конфликта таковы. 23 июля Австро-Венгрия предъявила свой ультиматум Сербии, и 28 июля объявила ей войну. 1 августа Германия объявила войну России и 3 августа—Франции. 4 августа Великобритания объявила войну Германии. В этот день мировая война в сущности была уже готова. То обстоятельство, что формально состояние войны с Австро-Венгрией наступило несколько позднее, серьезного значения не имеет.

Не меньший интерес представляют некоторые даты мобилизационных мероприятий, так как именно эти мобилизации, а не дипломатические акты, полностью предрешили начало войны.

Сербия объявила общую мобилизацию в день предъявления Австро-Венгрией ультиматума. Совершенно ясно, что решительность Сербии обусловливалась не ее собственными силами, а уверенностью в поддержке со стороны России. Царское правительство объявило мобилизацию 30 июля, причем согласно указу от 30 сентября 1912 г. «Высочайше повелевается объявление мобилизации одновременно считать за объявление состояния войны с Германией». Частичная мобилизация (13 корпусов, намеченных для операций против Австро-Венгрии) объявлена была значительно раньше, 25 июля. Во Франции и в Германии общая мобилизация об'явлена 1 августа, в Англии—4 августа.

Между пред'явлением Австро-Венгрией знаменитого ултиматума Сербии о запрещении ирредентистской пропаганды и ирредентистских организаций в Сербии и вступлением в войну последней из держав Тройственного согласия—Великобритании прошло двенадцать дней. Эти-то двенадцать дней и составляют предмет особого внимания со стороны буржуазных историков разных стран, которые за войну, обусловленную десятилетиями империалистического развития, хотят возложить ответственность на одну из враждебных коалиций и специально на то или другое государство.

Между тем поведение великих держав в эти дни играет совершенно второстепенную роль по сравнению со всей их деятельностью по подготовке войны за предшествующие годы и из этой деятельности полностью вытекает. Попытка представить германский милитаризм как единственного виновника мировой войны так же мало основательна, как уверения, что все дело в поведении Великобритании, которая своей внешне нерешительной позицией в первые дни конфликта якобы дала Германии повод надеяться на английский нейтралитет. Германские дипломаты были слишком разумные люди, чтобы верить в сохранение нейтралитета Англией в войне, в которой будет решаться судьба ее главного конкурента и наиболее опасного соперника. Истина заключается в том, что летом 1914 г. все важнейшие европейские державы, хотя и по совершенно различным побуждениям, хотели войны и к ней стремились.

Последовательность событий, схематически говоря, такова. Провокационное убийство Франц-Фердинанда в Сараеве. Ультитатум Австро-Венгрии, пред'явленный в полном согласии с Германией и представляющий собою грубое вмешательство во внутренние дела Сербии. Общая мобилизация в Сербии и частичная в России. Вступление Сербии в войну. Общая мобилизация в России и фактическое вступление России в войну. Общая мобилизация в Германии и объявление войны России. Общая мобилизация во Франции и, наконец, в Великобритании.

Круг замкнут. Мировая война началась.

ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ ВОЙНЫ.

★

Масштаб и продолжительность.

7 января 1888 г. Фридрих Энгельс писал Зорге:

«Война отбросила бы нас назад на годы. Шовинизм все потопил бы, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около 5 000 000 солдат или 10% населения, другие—около 4—5%, Россия относительно меньше. Но в действие были бы пущены от десяти до пятнадцати миллионов солдат. Хотел бы я видеть, как их прокормят. Опустошение было бы такое же великое, как в тридцатилетнюю войну. *И дело не кончилось бы быстро, несмотря на колоссальные военные силы.* Ибо на северо-восточной и юго-восточной границах Франция защищена очень длинной линией крепостей, а Париж снабжен образцовыми укреплениями; точно также и Россию нельзя одним ударом победить. И если все пойдет по желанию Бисмарка, то на нацию будет возложено столько тягостей, каких она раньше никогда не терпела, и вполне возможно, что отсутствие решающих битв и частичные поражения вызовут внутренний переворот.

Если же немцы с самого начала будут побиты или *будут вынуждены на продолжительную оборонительную войну, тогда переворот уж несомненно наступит.* А в том случае, если война кончится без внутренних потрясений, то наступит такое истощение, какого Европа уже 200 лет не переживала. *Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность* и поставила бы всех нас перед выбором: либо вернуться назад к сельскому хозяйству и производить только для собственного потребления (так как всякое другое применение агрикультуры исключается американской конкуренцией на хлебном рынке), либо—социальный переворот. В силу этого я думаю, что дело не доведут

до крайности, а имеется в виду ограничиться только запугиванием войной. Но *пусть только раздастся первый выстрел, и буржуазные правительства потеряют сейчас же контроль над собой, и все завертится».* [К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма «Моск. Рабочий». Москва 1922 г., стр. 270—271 (Курсив наш.—*Н. Н.*)]

Эти строки представляют собою один из замечательнейших образцов марксистского предвидения. За двадцать шесть с лишним лет до начала войны Энгельс указал на то, чего руководители генеральных штабов не видели накануне войны, что мировая война будет продолжительной, что короткими и быстрыми ударами ее нельзя будет ликвидировать. Полностью оправдалось и второе предсказание Энгельса относительно грандиозности войны, о том, что в войну будут втянуты многие миллионы людей. Что касается, наконец, третьей существеннейшей черты мировой войны—максимального напряжения технических сил и развития техники в процессе войны, как и неизбежно обусловленной этим развитием эволюции военной тактики,—то обо всем этом в применении ко всякой войне Энгельс достаточно ясно говорит в «Анти-Дюринге». Наконец, в данной связи возможно только мимоходом отметить поразительные предсказания о неизбежности в результате военного истощения внутренних потрясений для Германии и о перспективах развития промышленности и сельского хозяйства Америки в случае войны.

Живая сила.

Обеспечение воюющих армий живой силой зависит прежде всего от двух моментов: от численности населения и от численности военно-обученных резервов.

В отношении численности населения обе воюющие коалиции находились далеко не в одинаковом положении. Если считать только активных участников первых годов войны, притом без колониальных стран, то к началу 1914 г. население их составляло (в млн.):

Германия	67,0	Россия	173,0
Австро-Венгрия	50,0	Великобритания	45,9
Турция	19,5	Франция	39,8
Болгария	4,8	Италия	35,6
	141,3	Сербия	6,6
		Бельгия	7,6
			308,4

Следует иметь в виду, что здесь приведены далеко не все источники пополнения армий Антанты. Прежде всего, не упомянуты французские и английские колонии, которые поставляли в большом количестве цветные войска. Затем, сюда же вошли английские доминионы, поставлявшие на европейский театр свои части. Наконец, не включены Соединенные штаты, поскольку их вступление в войну совпало во времени с выходом России из войны. Бесспорно, во всяком случае, что на стороне противогерманской коалиции был громадный перевес в размере людских ресурсов.

Численность обученных резервов в странах постоянных армий определяется прежде всего сроком службы и размером постоянной армии. Генеральные штабы основных сухопутных стран, ориентировавшиеся на сравнительно непродолжительную и не столь кровопролитную войну, основой своих расчетов делали свои постоянные армии. На размеры и на выучку этих армий обращалось преимущественное внимание. Наиболее показательной в этом отношении страной является Франция, которая при серьезном недостатке людских резервов перед мировой войной имела армию в 735 000 чел. и трехгодичный срок службы.

Опыт первых же месяцев войны показал, однако, что наиболее важное значение имеет не величина постоянных армий, а численность обученных резервов—запасных, отбывших полный срок службы в постоянной армии. Удержание линии фронта на большом протяжении, при громадной силе огня, требовало большого количества людей. Во время германского наступления на Марне в 1914 г. на фронте в 340 *км* с обеих сторон участвовало свыше 3,1 млн. чел. Во время германского наступления в мае 1918 г. на фронте в 80 *км* было сосредоточено с обеих сторон 5 млн. При этом потери благодаря интенсивности огня были огромны. Так, в боях 1916 г. под Верденом, по заявлению первого главнокомандующего (номинально—начальника полевого штаба) германской армии Фалькенгайна, было разгромлено до 90 французских дивизий; сравнительно малочисленные английские войска в течение 1917 г. на западном фронте потеряли около 650 000 чел. Все эти обстоятельства и ставили особо остро вопрос о бесперебойной подаче резервов для сохранения обороноспособности и активности фронта.

Воюющие страны вступили в войну с далеко не одинаковыми резервами. Различие в силе резервов вытекало не столько из различной численности населения, сколько из неодинаковых условий военного строительства. Наиболее многочисленные резервы были мобилизованы основными четырьмя континентальными участками враждебных коалиций. Россия мобилизовала 2712 тыс., Германия 2061 тыс., Франция 1856 тыс., Австро-Венгрия 1250 тыс. Что касается Англии, то она к началу войны мобилизовала почти вдвое меньшее количество по сравнению с Турцией (320 тыс. и 600 тыс.), несмотря на громадное превосходство в численности населения, в транспортных условиях, в возможности снабжения и в материальных ресурсах вообще.

Незначительные размеры обученных резервов у Англии, а также и у Соединенных штатов вовсе не явились непреодолимым препятствием к созданию больших армий. За все время войны Великобританией (без колоний) мобилизовано было до 5 млн. чел., Соединенными штатами 3800000. Но вследствие затяжки с подготовкой вновь мобилизованных Англия, а за ней и Соединенные штаты очень туго пополняли западный фронт.

Несмотря на то, что Соединенные штаты объявили войну Германии в апреле 1917 г., а принципиально вопрос был решен значительно раньше, несмотря на настоятельную необходимость для союзников подкрепить западный фронт в связи с ослаблением русского фронта, американцы в течение всего 1917 г. послали на франко-бельгийский фронт только 4 дивизии. К июлю 1918 г. на западном фронте было 7 американских дивизий, и только между июлем и ноябрем, то-есть в период, когда обреченность Германии была совершенно ясна, американцы выставили еще 27 дивизий.

Что касается Великобритании, для которой военная опасность со стороны Германии, особенно в случае занятия германцами района Кале, являлась более непосредственной, то она проявляла несколько большую активность. Но и посылка английских войск шла относительно медленно. Достаточно указать, что только в 1916 г. в Англии проведен был закон о всеобщей воинской повинности. Значительные военные силы оставлялись в Великобритании на случай вторжения немцев; больших сил требовал ближне-восточный фронт (район

Салоник и Месопотамия). На западном театре в начале войны англичане имели 66 000 чел. К середине ноября английские экспедиционные войска здесь составляли 166 000 чел. Только на 4-й год войны численность английских войск на западном фронте определялась в 63 дивизии, но сюда входили также войска колоний и доминионов.

В соответствии с темпом развертывания и общей численностью вооруженных сил на фронтах находится и размер потерь отдельных участников войны. По числу убитых и пропавших без вести на первом месте стоит Германия—2 млн. чел.; далее следуют: Россия—1 700 000, Австро-Венгрия — 1 542 000, Франция—1 400 000, Англия—744 000, Соединенные штаты—68 000 чел.

Эти цифры в высшей степени красноречивы. Англия, интересы которой сыграли исключительно важную роль в возникновении войны, понесла вдвое меньше, чем Россия. Соединенные штаты, которым каждый день войны приносил новые потоки золота, поплатились совершенно незначительными по масштабу войны потерями. Принципы империалистического распределения добычи и жертв полностью были соблюдены и в данном вопросе.

Военная техника.

Мировая война внесла весьма существенные изменения в характер вооружений важнейших участков и в пропорцию отдельных видов оружия.

Если начать с основного рода войск, с пехоты, то здесь наиболее серьезное значение имеет переоценка роли винтовки. Все воюющие страны перед войною имели на вооружении винтовки с одинаковыми в основном данными. Как правило дальность боя была до 2 000 метров; заряжение—магазинное; скорострельность—10 выстрелов в минуту. Большие размеры потерь поставили перед всеми армиями задачу увеличения интенсивности огня при одновременном сокращении количества потребной живой силы. Выход был найден в обращении к пулемету, который давал до 600 выстрелов в минуту. Но находившиеся на вооружении во всех армиях станковые пулеметы, в высшей степени ценные при обороне, были чересчур громоздки при наступлении; так, вес наи-

более распространенного перед войной пулемета Максима вместе со станком и с водой для охлаждения составлял 55 *кг*, и естественно переноска его под огнем неприятеля была невозможна. Отсюда возникла необходимость ввести такое изменение в конструкцию пулемета, которое, сохраняя скорострельность пулемета, вместе с тем ощутительно уменьшила б его вес. Результатом изысканий явился ручной пулемет, который обходился без станка, имел значительно облегченный вес—до 16 *кг* и мог переноситься одним стрелком.

Под давлением военного опыта во всех армиях этот новый вид оружия—ручной пулемет нашел широкое распространение. К концу войны Франция имела на пехотную дивизию 576 ручных пулеметов, Соединенные штаты—775. Одновременно резко возросло число станковых пулеметов: в Германии и Франции с 24 до 108 на пехотную дивизию.

Еще более значительное развитие произошло в применении артиллерии. По размерам наносимых потерь она заняла первое место. Так, например, во французской армии в войну 1870—1871 гг. артиллерия вызвала только 25% всех потерь, в мировую войну—67%.

В начале войны французская армия имела 4 300 орудий, боевой состав артиллерийских частей исчислялся в 431 000 чел.; к концу войны артиллерия при 12 000 орудий насчитывала более миллиона солдат и офицеров, по числу бойцов артиллерия в начале войны составляла 20% всей численности, пехота—70%. К концу войны эти цифры были соответственно 38% и 48%.

Все эти цифры дают представление о резком росте удельного веса артиллерии в ходе мировой войны. Но за время войны произошли существенные изменения в самой структуре этого рода войск. Основное из этих изменений—упрочение позиций тяжелой артиллерии.

Франция, как уже было указано, вступила в войну с 4 300 орудий. Из этого количества тяжелых орудий было лишь 308. Германия к началу войны имела 2 000 тяжелых орудий из общего количества в 7 500. В первый, маневренный период войны наибольшее значение имела дальнобойность германской тяжелой артиллерии, против которой французская полевая артиллерия была бессильна. Лишь тогда, когда на Марне германцы развили наступление, не успев

подвезти тяжелые орудия, французские 75-*мм* пушки получили возможность бороться с германской артиллерией. С развитием позиционной войны тяжелая артиллерия особо важна была тем, что, давая навесной огонь, она застигала противника за его линией укреплений. Во Франции, которую опыт войны заставлял энергично ликвидировать свою отсталость в области тяжелой артиллерии, к концу войны было уже более 6 000 тяжелых орудий.

Большое развитие авиации вызывало к жизни новый вид артиллерии—противосамолетную, или зенитную, которая имела специальное назначение—борьбу с неприятельскими аэропланами. Какое серьезное внимание уделялось этому делу, видно из того, что к концу войны в германской армии насчитывалось до 2 000 зенитных орудий.

Особенно надо отметить применение германцами на Западном фронте гигантских сверхдальнобойных орудий. Дальность стрельбы этих орудий составляла 120 *км*, вес тела орудия 144 тонны. Однако, производство и обслуживание этих орудий представляло значительные трудности, и к тому же после каждых 50 выстрелов орудие приходилось отправлять на завод для капитального ремонта. Наконец, при стрельбе на такое громадное расстояние невозможно было добиться точности стрельбы. По всем этим причинам, сверхдальнобойные орудия использовались лишь для бомбардировки Парижа и применение их рассчитано было скорее на моральный эффект: за 44 дня бомбаридровки убито было 256 и ранено 620 чел.; большого материального ущерба бомбардировка не принесла.

Для борьбы с наиболее сильными неприятельскими укреплениями германцами было еще до войны сконструировано сверхтяжелое орудие, сначала в 30,5, затем в 42 *см*, с весом снаряда около 900 *кг*.

Но обстановка войны требовала развития не только дальнобойных и тяжелых орудий. Необходимость борьбы против неприятельских солдат, укрывшихся на небольшом расстоянии за окопами, где пулеметный или ружейный огонь их достать не мог, обусловила развитие ряда средств ближнего боя—ручной гранаты (в последние два года войны зачастую начиненную отравляющими веществами), бомбы, мины и орудий для их метания—миномета и бомбомета. Впоследствии,

при возвращении к маневренной войне, потребность в мощном и негромоздком орудии ближнего боя еще более усилилась. Наступающая пехота нуждалась в таком подвижном и находящемся в каждый момент в ее распоряжении орудии, поскольку полевая артиллерия не в состоянии была выполнить эти функции. Задача была разрешена распространением особо легких пушек, постоянно сопровождающих пехоту.

Минометы к началу войны были на вооружении только в Германии. Во время войны они были особенно распространены в германской армии, главным образом вследствие большей простоты их производства и сравнительной экономичности их эксплоатации. Но и во всех других армиях миномет нашел широкое распространение благодаря своим ценным боевым свойствам. Калибр мин, применявшихся в разных армиях, колебался между 58 и 340 *мм*, дальнобойность—до 4 *км*.

Если в пехоте и артиллерии война лишь коренным образом изменила удельный вес отдельных, ранее существовавших, средств борьбы, то она вместе с тем создала и развила ряд новых средств, которые до войны совершенно не применялись, либо применялись в совершенно ничтожных размерах. Эти новые средства—авиация, химическое оружие, танк.

Что касается воздушных средств борьбы, то здесь в начале войны Германией была сделана попытка использовать управляемые воздушные корабли—дирижабли Цеппелина. Германия имела 12 дирижаблей со средней скоростью 75 *км*; каждый из них мог поднимать команду от 10 до 20 чел. Однако, кроме эффектных налетов на Лондон, а затем на Париж, произведших сильное моральное действие, эти дирижабли существенной роли во время войны не сыграли. Причина заключается в том, что дирижабль представляет собою слишком большую цель для обстрела с земли; для уменьшения опасности они должны были забираться на большую высоту, а при этом уменьшались шансы попадания при бомбардировке с дирижабля земных целей. Кроме того, сооружение дирижабля является делом сложным и требует значительного времени: отсюда ограниченность возможности не только расширения парка дирижаблей, но и поддержания его на определенном уровне.

Иначе обстояло дело с аэропланами. Их производство было значительно проще, легче было осуществлять конструктивные изменения, вызываемые потребностями военной обстановки, и создавать при необходимости новые типы, специально приспособленные для выполнения определенных задач.

В начале мировой войны на аэропланы возлагалась лишь глубокая разведка неприятельских тылов. Необходимость максимального увеличения радиуса действия направила конструкторскую мысль на повышение скорости. В течение войны средняя скорость аэроплана удвоилась, возросши со 100 до 200 *км* в час. Важность использования самолетов для бомбардировочных целей обусловила постепенное создание особых типов, наиболее сильной стороной которых была большая грузоподъемность. Если в начале войны аэропланы в состоянии были возить лишь несколько бомб по 10 *кг*, то к концу войны специальные бомбовозы имели на себе бомбы общим весом до 1 000 *кг*.

Для борьбы с земными войсками постепенно выделился особый тип штурмового самолета, вооруженного пулеметами, а иногда даже легким орудием.

Наконец, поскольку авиация в целом приобрела исключительное значение как самостоятельный род войск и зенитная артиллерия сама по себе не в состоянии была полностью парализовать ее действия, специально для борьбы с самолетами выделены были воздушные истребители, отличавшиеся большой скоростью полета и выдающейся маневроспособностью.

Если в начале войны воздушные средства борьбы проявили себя исключительно в разведке и в частичных бомбардировках, то к концу войны все виды авиации оказывали планомерное и энергичное содействие всякому сколько-нибудь значительному сражению. Численность самолетов во всех армиях резко возросла.

Следующий выдающийся факт в развитии военной техники во время мировой войны—появление химического оружия. Химическая война на западном фронте начата была германскими войсками 22 апреля 1915 г. Первый ответ со стороны противников Германии последовал лишь 25 сентября 1916 г. Сущность химической войны заключается в

распространении на участках, занимаемых неприятельскими войсками, или имеющих важное значение для обслуживания фронта, боевых отравляющих веществ, которые парализуют боеспособность или работоспособность атакуемых. При этом действие боевых отравляющих веществ довольно разнообразно. Отдельные виды их совершенно губительны, но имеются менее опасные составы, вызывающие обильное слезотечение, чихание, обусловливающие хотя и серьезные, но не смертельные разрушения дыхательных органов и т. д. Правда, очень скоро найден был простой сравнительно способ обороны против химической атаки—массовое применение т. н. противогазов, фильтрующих воздух и освобождающих его от ядовитых газов. Однако, уже само по себе пользование противогазами являлось успехом газовой атаки, поскольку оно стесняло маневроспособность обороняющегося.

Способы газовой атаки, которые применялись во время мировой воины, были различны. Наиболее простым из них является газобаллонная атака, когда при благоприятной погоде и при ветре в сторону неприятельских позиций выпускались отравляющие вещества из соответственно наполненных баллонов. Слабые стороны этого способа—зависимость от погоды и ветра, громоздкость баллонов и неопределенность линии, за которой начинается действие газа. Впоследствии для газовых атак стали использовывать миномет, заряжая мины газом. Наконец, наиболее широкие возможности в этой области открылись с началом применения газовых снарядов в артиллерии.

Использованию танков положено было начало в 1916 г., когда они впервые были выпущены англичанами. Конструирование танка явилось результатом позиционной войны, которая делала невозможным использование бронемашин, требующих удовлетворительной дороги. Характерное для танка применение гусеничного хода вместо колес дало возможность действовать в бездорожной местности, преодолевать проволочные заграждения и т. д. Опыт войны показал, однако, что малочисленные танковые отряды при достаточной стойкости обороняющегося производят незначительное действие. Танки стали страшным оружием в 1918 г., когда их стали применять крупными колоннами, концентрируя при этом быстроходные, легкие повозки. В последних наступлениях союз-

ников на германский фронт танки сыграли выдающуюся роль в обеспечении главной предпосылки успеха—внезапности атаки.

Мобилизация материальных ресурсов.

При громадной численности армий, гигантском и все возрастающем размере снабжаемых всеми мыслимыми в данных условиях средствами борьбы, проблема изыскания и рационального использования необходимых материальных ресурсов естественно играла первостепенную роль. Общие для всех стран, хотя и не всем в одинаковой мере доступные, пути в данном направлении следующие.

Прежде всего расширение внутреннего производства потребных материалов и продуктов. Для стран Согласия, которые в продолжение войны имели возможность поддерживать сообщения с другими странами, весьма важным источником снабжения явился иностранный ввоз, особенно из Соединенных штатов, но также из Канады, Японии и др. Для Германии, находящейся в состоянии блокады, существенным подспорьем явился принудительный экспорт из оккупированных территорий, особенно из Румынии, с Украины, а также ввоз из нейтральных стран.

Невозможность при всех усилиях полностью удовлетворить потребности по ряду предметов привела к распространению более легко находимых суррогатов.

Наконец, общим для всех воюющих стран, но наиболее широко распространенное, по понятным причинам, в Германии, является строгое регулирование распределения.

В своем уже ранее цитированном письме к Зорге, указывая, что в мировую войну будет мобилизовано от десяти до пятнадцати миллионов человек, Энгельс замечает: «Хотел бы я видеть, как их прокормят!» Действительно, снабжение продовольствием армии, а также рабочих предприятий, обслуживающих армию, наконец, городов вообще, бесспорно составляло одну из первейших забот всех активных участников войны.

Такие важные партнеры, как Франция, Германия и особенно Англия, до войны в значительной степени зависели от внешнего ввоза.

Поскольку речь идет об Англии и Франции, они благодаря господству английского флота на морях во все время войны имели возможность снабжаться из-за границы. Подводная война, которую вела Германия, временами наносила значительный ущерб, но не прерывала полностью сообщений. Она вызвала необходимость военной охраны транспортов и тем стимулировала сосредоточение закупок в немногих странах. Наиболее видное место среди этих стран заняли Соединенные штаты и Канада. Соединенные штаты повысили свой экспорт пшеницы и пшеничной муки с 26 906 тыс. квинталов в среднем за 1909—13 гг. до 59 673 тыс.—среднегодовой за 1914—19 гг. Среднегодовой вывоз Канады за те же периоды соответственно был 24 856 тыс. и 45 798 тыс. квинталов. Благодаря такому интенсивному вывозу, который, к тому же, в отличие от довоенного положения, целиком предназначался для союзников, государства Антанты находились в относительно благоприятном положении в смысле снабжения продовольствием. Однако, и у них война сильно давала себя чувствовать, поскольку она вызывала упадок сельского хозяйства—общее явление для всех воюющих стран.

Эта отрасль народного хозяйства с чрезвычайно низким органическим составом капитала больше всякой другой страдала от массового отвлечения мобилизациями рабочей силы. Она, кроме того, зачастую страдала и от отхода значительных масс рабочих в города, где интенсивно работающая промышленность нуждалась в больших количествах рабочих рук. Во Франции средняя годовая сбора пшеницы за военное пятилетие по сравнению с предшествующим пятилетием значительно сократилась (86 447 тыс. и 58 279 тыс. квинталов). В Англии посевные площади под зерновыми культурами несколько повысились главным образом благодаря специальным мероприятиям по поощрению земледелия. Важнейшим из этих мероприятий явился закон 1917 г. о гарантировании минимальных цен на хлеб на шесть лет вперед.

Регулирование распределения и потребления сельскохозяйственных продуктов имело место как во Франции, так и в Англии. Во Франции законом 1915 г. повсеместно введены были твердые цены на хлеб. Тогда же местной власти предоставлено право реквизиции хлеба. В Англии с начала войны установлен был правительственный контроль над тор-

говлей хлебом. С 1916 г. установлены были твердые цены на хлеб, мясо и др. продукты. В середине 1917 г. введена была карточная система на мясо, жиры, сахар.

В несравненно худшем положении находилась Германия. Война и жестокая блокада лишили ее ряда важнейших источников продовольственного снабжения. Эти же обстоятельства нанесли и весьма существенный косвенный ущерб германскому сельскому хозяйству, лишив его важных видов удобрений, как богатые фосфором томасшлаки из Англии и Франции и содержащая азот чилийская селитра. Если учесть к тому же громадный отлив рабочей силы из сельского хозяйства, то нетрудно себе представить всю напряженность продовольственного положения в Германии. После того, как стало ясно, что нельзя рассчитывать на быстрое окончание войны, германским правительством была разработана стройная система мероприятий по урегулированию всех сторон продовольственного дела.

Многое было сделано Германией для повышения сельскохозяйственной продукции. Фалькенгайн в начале войны говорил, что, если Германии нехватит хлеба, немецкие ученые приготовят его из песков Бранденбурга. Достижения германской науки во время войны вполне оправдывают это преувеличение. Среди этих достижений на первое место следует поставить открытие способа производства селитры из азота атмосферы. Атмосферный азот в широкой мере использовался также для производства кормовых дрожжей.

Максимальное внедрение сельскохозяйственных машин и орудий, наряду с рациональным использованием труда военнослужебных, в значительной степени ослабляло действие отлива рабочей силы из сельского хозяйства. Кроме того, широкое развитие получило возделывание собственных огородов и полей городским населением, особенно фабрично-заводскими коллективами.

Все эти мероприятия содействовали повышению сбора сельскохозяйственных продуктов. И все же, несмотря на это, сбор пшеницы упал с 41 400 тыс. квинталов в 1909—1913 гг. до 31 475 тыс. в 1914—1918 гг. и ржи с 113 093 тыс. в 1913 г. до 87 116 тыс. квинталов в 1914—1918 гг.

Что касается до ввоза извне, то здесь у Германии были весьма ограниченные возможности. Правда, в первые месяцы

войны Германия широко пользовалась ввозом через нейтральные страны. Об этом говорит резкое повышение ввоза продовольственных продуктов в соседние с Германией государства. Вот, например, данные (в англ. фунтах) о ввозе продовольствия в Данию за сентябрь и октябрь 1913 и 1914 гг.:

	1913 г.	1914 г.
Сало	—	22 262 598
Ветчина	—	1 022 195
Соленая свинина	—	812 872
Мясо соленое и в консервах	42 901	156 143

Интересно при этом, что источником снабжения нередко являлась неприятельская страна. Так, например, Англия за первые четыре месяца 1915 г. вывезла в Голландию, Швецию, Норвегию и Италию 12 218 921 фунтов сырого какао против 930 467 фунтов за те же месяцы 1914 г.

Но уже в начале 1915 г. английское правительство приняло меры к ограничению важнейших с точки зрения ведения войны предметов в смежные с Германией страны, установив для этих стран твердые пайки. Хотя, несмотря на все эти меры, ввоз продуктов в Германию через соседние страны полностью не прекращался за все время войны, тем не менее в отношении таких массовых грузов, как хлеб или мясо, действие блокады было огромно.

Германия могла до некоторой степени компенсировать прекращение снабжения из обычных источников энергичной эксплоатацией рынков смежных нейтральных стран—Голландии, Дании, Швеции, Норвегии. Однако, лишь в отношении масла, картофеля и рыбных продуктов помощь этих стран была существенной.

Вывоз из оккупированных стран (Румыния с 1916 г. и Украина в 1918 г.), хотя и был существенным подспорьем, но благополучия с продовольствием не создавал.

При таком положении единственным спасением Германии было далеко идущее регулирование сельского хозяйства и особенно регулирование потребления.

Уже в самом начале войны, 4 августа 1914 г., издан был закон, предусматривающий введение твердых цен на предметы первой необходимости, в частности, на продовольственные продукты. 28 октября твердые цены на хлеб были введены. 1 декабря была установлена норма примеси карто-

фельной муки в хлебе—не менее 5%. С 1 февраля 1915 г. объявлена была реквизиция запасов ржи и пшеницы для надобностей армии, запасов муки всякого рода—для надобностей населения. Точно также в первые месяцы войны введены были твердые цены на картофель и приняты меры к сокращению потребления его.

Острый недостаток кормовых средств побудил Германию ограничить размеры скотского стада, несмотря на острую нужду в мясе. Сокращение скотского стада прошло главным образом за счет свиней, поскольку они частично потребляют продукты, могущие служить питанием и для человека (картофель и снятое молоко). Кампания за убой свиней, наличие которых обостряет продовольственное положение, велась под лозунгом: «Свинья—наш девятый враг». Правительство весною 1915 г. провело планомерное истребление около $^2/_3$ всего стада свиней, создав громадные запасы мясных консервов.

Ограничение потребления выразилось во введении карточной системы и установлении твердых пайков по всем предметам продовольствия. Размеры пайков были мизерны. В середине 1917 г. в городах выдавалось на душу населения 160 *г* муки, 135 *г* мяса с костями и 7 *г* масла.

По исчислениям германского санитарного ведомства, население Германии во время войны получало лишь одну треть необходимого для поддержания организма количества калорий.

В России, несмотря на почти полное прекращение вывоза зерновых продуктов, который в 1913 г. по ячменю, пшенице и ржи достигал 8 млн. тонн, продовольственный дефицит стал ощущаться очень скоро после начала войны. По Европейской России средние сборы за предвоенные и военные годы соответственно были (в тыс. квинталов): по пшенице—187 255 и 148 266, по ржи—266 063 и 192 453, по картофелю—341 731 и 218 000. Параллельно с этим естественно сильно выросла потребность в товарном хлебе, в связи с мобилизацией многих миллионов крестьян и в связи с расширением промышленного аппарата. При надлежащей постановке дела, продовольственное снабжение России вполне возможно было обеспечить. Но бездарное бюрократическое правительство своими попытками регулировать хлебный рынок его только в конец дезорганизовало. Уже в течение

1915 г. крупнейшие города ощущали недостаток съестных продуктов.

Туган-Барановский, подводя итоги продовольственному снабжению в России за первый год войны, говорит:

«Благодаря, с одной стороны, спешным перевозкам для надобностей военного ведомства, а с другой стороны, передвижению огромных масс беженцев, число которых точно неизвестно, но во всяком случае измеряется миллионами, на важнейших узловых станциях наших железных дорог образовались заторы вагонов, и товарный транспорт стал испытывать чрезвычайные затруднения. К этому присоединились еще новые препятствия в виде недостаточно быстрой разгрузки вагонов, и железнодорожная путаница возросла в чудовищной степени. Многие наши города оказались как бы отрезанными от мест снабжения их необходимейшими предметами потребления. Резкому недостатку предметов потребления в городах содействовала и неудачная продовольственная политика власти. Центральной общеимперской организации, которая сосредоточивала бы в себе руководительство всем продовольственным делом страны, у нас не существует. Нет общего плана удовлетворения хозяйственных нужд, а между тем неумелое применение реквизиций и разного рода административных запретов для вывоза продуктов из одной местности в другую крайне расстроили весь товарный механизм страны». (Год войны в народно-хозяйственном отношении. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г., стр. 469—470).

Ведение войны при помощи миллионных армий предъявляло гигантские запросы не только в области продовольственного снабжения. Обеспечение армий всякого рода бельем, одеждой, обувью, поставка перевязочных и лекарственных средств и т. д.—все это требовало усиленной работы соответственных отраслей промышленности. Но наиболее сложную проблему, даже для передовых промышленных стран, представляло собою изготовление оружия и боевых припасов.

Прежде всего, в связи с массовым характером войны и непредвиденной продолжительностью и интенсивностью ее заготовленные перед войною запасы основного вида оружия—винтовок во всех странах оказались недостаточными. В России, например, общее количество винтовок в начале

войны составляло около 4,5 млн. штук, между тем, уже через несколько месяцев требовалось вдвое большее количество.

Постепенное внедрение ручного пулемета и резкое увеличение числа используемых станковых пулеметов потребовали соответственного производства автоматического оружия. Так, в Германии месячное производство пулеметов с 200 единиц в мирное время возросло до 2 300 в августе 1916 г. Вместе с тем, применение пулеметов, естественно, сильно повысило расход патронов. К концу войны месячное производство патронов в Соединенных штатах, Франции и Англии составляло 700 млн.

Но наиболее серьезной для всех активно воюющих армий явилась проблема производства снарядов, поскольку война развила применение артиллерии и интенсивность ее работы до таких пределов, о которых ранее штабы всех стран и не думали. Так, в начале войны все запасы французской артиллерии исчислялись в 5 млн. снарядов. В последующие годы эта цифра показалась бы совершенно ничтожной. К наступлению союзников на р. Эн в 1917 г. создан был запас в 24 млн. снарядов для полевой артиллерии и 9 млн.—для тяжелой.

Особо стоял вопрос об усилении производства орудий. Это требовалось как для увеличения числа батарей, так и для замещения выбывающих из строя; потери последнего рода были очень велики, так как вследствии интенсивности стрельбы ускорился естественный износ и возросло число разрывов.

Позиционная война требовала производства в массовых размерах материалов для укрепления позиций, особенно, колючей проволоки. С развитием соответствующих родов оружия потребовалось массовое производство самолетов, танков, боевых отравляющих веществ.

Производство всех видов боевого снабжения невозможно было осуществить силами одних только военных заводов. Во всех странах была осуществлена мобилизация громадного числа невоенных промышленных предприятий для обслуживания военных нужд. Так, во Франции к работе для нужд войны привлечено было свыше 15 000 заводов, в Соединенных штатах до 7 000, в Великобритании—до 5 000.

22 ноября 1916 г. Гинденбург в своем обращении к имперскому канцлеру писал: «Война все более и более выявляет преобладающее значение материальной части. Значение живой силы, наоборот, уменьшается. Теперь уже не столько лучшее качество войск —которое впрочем никогда не следовало расценивать очень высоко —является решающим фактором, сколько и все в возрастающей степени превосходство в пушках, снарядах и пулеметах».

Иными словами, при прочих равных условиях, решающее значение приобретала степень промышленного развития, производственная мощность предприятий в наиболее важных отраслях, их технический уровень, их организационное совершенство.

Именно благодаря своему выдающемуся промышленному развитию Германия смогла в течение более четырех лет удовлетворять важнейшие военные нужды не только собственные, но и Австро-Венгрии, Турции, Болгарии. Так, например, в производстве винтовок Германия первые месяцы войны не могла перешагнуть через норму в 25 000 в месяц, между тем как потребность была значительно больше. Тогда германские фабрики и заводы, общим числом до тысячи, перешли к изготовлению отдельных частей винтовки, и лишь немногие, наилучше приспособленные для этой цели военные заводы производили сборку. Благодаря этому, за короткое время удалось поднять выработку до 250 000 винтовок в месяц. Следует при этом учесть трудности данного производства, где требуется большая точность в размере и форме каждой части, где самое производство лекал (инструментов точного обмера), стирающихся после известного числа обмеров, является сложной задачей. На таких же основаниях было поставлено производство винтовок и в Соединенных штатах, которые летом 1918 г. довели месячную продукцию до 200 000 штук.

В то же время Россия, несмотря на все усилия, не могла добиться необходимой цифры производства. В начале войны оружейные заводы вырабатывали лишь 10 000 винтовок в месяц против заданного количества 60 000 винтовок. Впоследствии производство удалось довести до 100—120 тыс., но в это время для удовлетворения потребностей фронта требовалось уже не менее 200 000. Благодаря этому, к середине

1916 г. в частях были безоружные команды, которые вводились в бой во вторую очередь, когда убитые или раненые освобождали для них оружие.

Производство орудий, как требующее особой тщательности и точности, во всех странах было сосредоточено на специальных военных заводах, которые пользовались услугами других предприятий лишь для подсобных работ. В Германии выпуск орудий дошел до 3000 в месяц. В Англии и особенно во Франции продукция достигла таких размеров, при которых оказалось возможным не только удовлетворение собственных потребностей, но и снабжение Соединенных штатов.

Производство снарядов, как указано выше, составляло один из важнейших элементов боевого снабжения, если не важнейший его элемент. И в данной области рекорд был побит Германией, которая довела месячный выпуск до цифры 12 млн., между тем как для Франции соответствующая цифра была 7600 тыс., для Великобритании—7300 тыс.

Месячный выпуск самолетов, к началу войны во всех странах измерявшийся максимум десятками единиц, впоследствии дошел в Соединенных штатах до 1500, в Германии—до 2000, в Англии—до 2700 и во Франции—до 3000.

Такое интенсивное развертывание производства во всех областях предъявляло громадные требования не только к мощности и к размерам производственного аппарата, но также и к мощности ресурсов сырья и полуфабрикатов. Поскольку речь идет о боевом снабжении, наибольший спрос возникал на взрывчатые вещества, пороха, металлы, и, следовательно, на отдельные виды химической продукции и на разного рода руды. В этом отношении, как и во многих других, опыт блокированной Германии является наиболее интересным.

В известном труде Шварте «Техника в мировой войне» говорится:

«Германия была богата только железом, цинком и свинцом; что касается других металлов, то меди добывали ежемесячно около 2000 тонн, а расходовали в первый период войны около 15000 тонн. Для прочих металлов отношение месячной добычи к расходу было еще менее благоприятно, например, для никеля 0:500, алюминия 100:1000, олова

100 : 400, хрома 0 : 500, вольфрама 2 : 80, ртути 0 : 80, флинцграфита 200 : 1 000. Если бы в нашем распоряжении не оказалось случайно в начале войны значительного запаса металлсв—его хватило на несколько месяцев—и если бы меры блокады со стороны противника проявлялись быстрее, то не было бы никакой возможности в тот момент установить планомерное металлургическое хозяйство. Пришлось бы, вероятно, из-за недостатка в технических средствах прекратить войну через несколько недель». (Изд. ГИЗ, Отдел военной литературы, 1927 г., стр. 67.)

Дефицит в различных металлах германская промышленность преодолевала прежде всего при помощи замещения таких металлов другими, менее дефицитными. Так, например, путем улучшения качества стали удалось обходиться без примеси никеля при изготовлении орудийных стволов; медный дефицит ослаблялся максимальным замещением меди железом, где это только возможно, в том числе в качестве материала для электрических проводов.

Важным источником пополнения запасов явилась конфискация предметов частного обихода из цветных металлов у населения. Наконец, большую роль сыграло усовершенствование добычи цветных металлов из руд и отбросов с небольшим содержанием металла. Едва ли не наиболее характерным в этой области является получение вольфрама из отбросов с содержанием металла 0,1%.

В получении дефицитных исходных материалов, необходимых для производства взрывчатых веществ, наиболее интересным является производство связанного азота из атмосферного воздуха, использование целлюлозы вместо хлопка в производстве пироксилина, изготовление синтетического глицерина из сахара.

Регулирование рынка сырья и полуфабрикатов во время войны было организовано и в Англии, Франции и Соединенных штатах, несмотря на то, что положение здесь и в отдаленной степени не было таким напряженным, как в Германии. Гигантские потребности войны делали задачу сырьевого снабжения чрезвычайно серьезной даже для наиболее богатых стран.

Мобилизация и концентрация в определенных пунктах миллионов солдат, последующие оперативные перевозки,

снабжение воюющих продовольствием и боевыми припасами и обеспечение предприятий первичными материалами,—все это предъявило громадные требования к транспорту.

В течение войны на западный фронт было перевезено морем в общей сложности 15 млн. чел.—главным образом из Англии и колоний, а также из Соединенных штатов, из французских колоний, из России. Для снабжения одних только своих армий Англия в 1918 г. ежедневно ввозила в среднем до 40 000 тонн разных грузов. Приток грузов морским путем в Англию и Францию измеряется многими десятками млн. тонн. Даже для Германии, несмотря на блокаду, морские перевозки играли значительную роль. Морские суда Германии поддерживали сообщение с Швецией, между германскими портами, а с 1917 г. и с оккупированными прибалтийскими городами. В 1917 г. ежемесячно перевозилось морем до 135 000 тыс. разных грузов.

Закрытие проливов и блокада германским флотом Балтийского моря чрезвычайно сузили возможности морских сообщений для России. Но все же за время войны морские перевозки были использованы—японское снабжение шло через Владивосток, английское и французское—через Мурманск.

Работа железных дорог имела исключительное значение для всех воюющих стран, поскольку именно железнодорожный транспорт в подавляющей части питал враждебные фронты. Особенно важную роль работа этого вида транспорта играла в организации войны Германией. Мольтке-старший, говоря о предстоящей Германии войне на два фронта, указывал, что в такой войне Германии потребуются три армии: одна на западе, другая на востоке и третья на рельсах.

Та дополнительная по сравнению с другими армиями нагрузка, которая благодаря ведению войны на два фронта пала на германский железнодорожный транспорт, создала ряд трудностей, в том числе большой недостаток подвижного состава, особенно вагонов. Все же несмотря на это германские железные дороги прекрасно справились с предъявленными им требованиями.

Работа французских железных дорог, как единственной артерии, питавшей западный фронт непосредственно на континете, во время войны также достигла громадного напря-

жения. Во время атак под Верденом перевозки по одной только Маасской линии доходили до 70 000 тонн в сутки.

Весьма важным подспорьем железной дороги явился автомобильный транспорт. Французская армия к началу войны имела 6 000 автомобилей, к концу ее 95 000. Во время боев на Сомме на путях к месту боев в течение часа в одну сторону проходило до 250 автомобилей. Благодаря интенсивной эксплоатации автомобилей возникла необходимость в особо энергичной работе по строительству новых и ремонту существующих дорог. К концу 1917 г. специальная дорожная служба французской армии насчитывала около 70 тыс. чел. и располагала 425 паровыми катками, 1 700 автомобилями для перевозки дорожных материалов и т. д.

Использование большого количества автомобилей французами для переброски войск при приближении немцев к Парижу в 1914 г., переброска германских войск на 3 000 автомобилей в Лодзинскую операцию, переброска американцами за одни сутки на автомобилях 100 000 человек,—все эти факты говорят о выдающейся роли автотранспорта в войне 1914—1918 гг.

Гражданский мир и реформизм.

Война 1914—1918 гг. вскрыла те подпольные процессы перерождения, которые развивались в недрах II Интернационала. Предательство 4 августа с неопровержимостью показало, что социал-демократия превратилась в контрреволюционный фактор.

В то же время война 1914—1918 гг. показала огромную роль, выпадающую на долю социал-демократии как стража мира и порядка в тылу капиталистических армий.

Одним из важнейших условий «нормального» ведения войны является сохранение «гражданского мира» в тылу. Эту почтенную обязанность «идеологической полевой жандармерии» взяли на себя партии II Интернационала.

Штутгартский конгресс II Интернационала, происходивший в августе 1907 года, в своем постановлении по вопросу об отношении к войне говорит, между прочим, следующее:

«Если же война уже возникла.., то они (партии II Интернационала. *Н. Н.*) обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами

использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и ускорить падение капиталистического господства».

В манифесте базельского конгресса II Интернационала (ноябрь 1912 г.) говорится:

«Конгресс требует, чтобы рабочие всех стран противопоставили капиталистическому интернационалу могущество интернациональной организации пролетариата. Он предостерегает правящие классы всех государств, чтобы они военными действиями не увеличивали еще более те несчастья, которые терпит рабочий класс, благодаря капиталистическому способу производства.

Конгресс требует мира, он на нем настаивает! Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что франко-германская война вызвала революционный взрыв коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа».

Если бы социалистические партии в передовых европейских странах были готовы и были способны до конца бороться против войны, вся история мировой войны приобрела бы совершенно другой вид. Но все дело в том, что решающие партии второго Интернационала находились в руках оппортунистов, которые в мирные периоды могут подписываться под различными революционными формулировками, произносить революционные фразы, но в моменты серьезной борьбы они всегда пойдут за буржуазией, открыто выполняя ее поручения.

Поэтому после предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии и еще до того, как война началась, реформисты всех стран повели на словах борьбу против военной опасности. Германская социал-демократия устраивала массовые демострации против войны, а «Форвертс» еще 27 июля доходил до такого смелого заявления, что в данный момент наибольшая военная опасность грозит не со стороны царизма а со стороны Австро-Венгрии.

Во Франции еще только 15 июля 1914 г. одиннадцатый конгресс социалистической партии выдвинул как средство

борьбы против военной опасности всеобщую стачку в заинтересованных государствах. Но уже воззвание партии, опубликованное в «Юманите» 28 июля, ограничивается призывом к протестам на собраниях.

Точно так же британская независимая рабочая партия ограничилась лишь предложением организовать демонстрации против военной опасности.

Когда же война стала фактом, реформисты всех стран резко переменили фронт.

Наиболее ярким, переломным моментом в истории II Интернационала является голосование германской социал-демократической фракции в рейхстаге за военные кредиты (4 августа 1914 г.). В обоснование этого решения выступил председатель правления партии Гуго Гаазе, который, между прочим, сказал:

«Для нашего народа и его свободной будущности очень многое поставлено на карту в случае победы русского деспотизма, который запятнал себя кровью лучших сынов своего народа. Необходимо предотвратить эту опасность, обеспечить культуру и независимость нашего собственного отечества. Поступим же так, как мы всегда заявляли: мы не оставим отечества без помощи в час опасности».

В тот же день 4 августа Пьер Ренодель писал в «Юманите»:

«Империалистический германизм, изобличенный несколько дней тому назад в одном из манифестов, опубликованных социалистической партией, проявил всю свою грубую натуру, и настал, повидимому, час, когда Европа, чтобы не попасть под его ярмо, должна заставить его искупить те злоупотребления грубою силой, которые им были допущены».

Несмотря на расшаркивания перед Интернационалом, которые одинаково имелись и в заявлении Гаазе и в статье Ренодeля, реформисты, полностью показали свое лицо: они открыто стали на сторону своей буржуазии. Последующие шаги реформистов представляли собою лишь дальнейшее развитие этой линии. Следующей знаменательной вехой было вступление социалистических представителей в буржуазные правительства. Первыми в состав правительства вошли представители французской социалистической партии—Жюль

Гэд и Самба. Это было в конце августа 1914 г., в период стремительного продвижения германских войск на западном фронте, когда опасность угрожала Парижу. В Великобритании представитель независимой рабочей партии Гендерсон вступил в правительство несколько позднее, в мае 1915 г. Наконец, в Германии к занятию министерских постов социал-демократы (Шейдеман и Эберт) были допущены лишь в 1918 г.

Империалисты всех стран в течение войны приобрели открытую и полную поддержку со стороны влиятельных реформистских партий. Это значительно облегчало буржуазии ее работу по сохранению гражданского мира, т. е. по обеспечению полной покорности со стороны рабочего класса при возложении на него все больших и больших тягот. Более дальновидные буржуазные политики во время войны отдавали себе отчет в том, что новая тактика реформистов на деле означает окончательный и полный разрыв их с историческими задачами рабочего класса, превращение социал-демократии в левое крыло буржуазного общества.

Бывший германский канцлер Бюлов в 1916 г. писал:

«В будущем для социал-демократии будет нелегкой задачей то признание государства и отечества, которое она проявила в настоящей войне, привести в созвучие с социалистической, радикально-демократической программой, которой она, повидимому, намерена твердо придерживаться. Она вынуждена будет пойти на то, чтоб отказаться от коекаких из старых своих целей, если ей доведется в будущей мирной работе все сильнее и сильнее врастать в общенациональную жизнь, она должна будет порвать с тенденциями и методами прежней классовой борьбы. Шатания и отступление неизбежны. Но общенемецкие интересы, как и интересы рабочего класса, требуют, чтобы социал-демократия своей умеренностью, рассудительностью и пониманием грядущих национальных требований сохранила за собою то равноправное место среди германских партий, которое она приобрела за время войны». (Deutsche Politik, Reimar Hobbing. 1917. S. 245).

Последующие события и особенно события революционного периода в послевоенной истории Германии показали, что германская социал-демократия, как, впрочем, и реформист-

ские партии других стран, сделала все возможное для сохранения завоеванного ею во время войны места в семье буржуазных партий.

Однако, крах II Интернационала не означал и не мог означать ликвидацию Интернационала вообще. Напротив, открытый отход реформистов от марксизма имел то положительное значение, что он дал могущественный толчок к созданию подлинного Интернационала. В статье «Война и Российская социал-демократия», которая напечатана в «Социал-Демократе» от 1 ноября 1914 г. как официальный документ ЦК, В. И. Ленин говорит:

«Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительства и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом». (Собрание сочинений, т. XIII, стр. 11—12, изд. I.)

Исключительно тяжелые жертвы, которые нес пролетариат наиболее активно участвовавших в мировой войне стран, заключались не только в поставке пушечного мяса в громадных размерах, но и в резком, временами катастрофическом, ухудшении материального и правового положения пролетарских масс во время войны.

Общим для всех стран фактом является *милитаризация труда*, прикрепление рабочего к предприятию. Во Франции и Германии, не говоря уже о России, чрезвычайно ограничены были политические свободы. Военная цензура беспощадно вычеркивала все, что напоминало о классовых

интересах пролетариата. В этих странах особо резко ухудшились материальные условия жизни рабочих. В Германии вся тяжесть блокады падала в первую голову на плечи пролетариата. Франция в несравненно меньшей степени страдала от недостатка предметов первой необходимости. Но здесь настоящим бичом для рабочего был чрезвычайно сильный рост дороговизны, за которым ни в какой мере не поспевал рост заработной платы.

Снижение жизненного уровня масс в странах Западной Европы сказалось в повышении смертности от туберкулеза Количество умерших от туберкулеза на 10 000 чел. населения в Германии в 1913 г. составляло 14,3, в 1917 г.—20,6, в 1918 г.—23,0. Для Австрии (в современных границах) соответствующие цифры были 25,9, 43,2, 40,3; для Англии— 13,4, 16,6, 17,3. Эти данные гораздо правдивее, чем всякие вычисления и сопоставление индексов, говорят об истинном положении вещей. Они свидетельствуют, что даже в такой богатой стране, как Англия, положение масс сильно ухудшилось.

Снижению жизненного уровня пролетариата сопутствует рост накоплений верхушки буржуазии. Если за период 1909—1913 гг. средний дивиденд акционерных обществ в Англии составлял 8,3%, то за годы 1914—1918 он вырос до 10,3%. При этом надо иметь в виду, что вследствие высокого обложения прибыли во время войны предприниматели использовали все возможности, чтобы показать как можно меньшую прибыль.

Это обострение социальных контрастов во время войны постепенно подкапывало здание «гражданского мира» в самой его основе. Экономическая борьба пролетариата после непродолжительного затишья возобновилась во всех странах, несмотря на исключительно тяжелые условия, несмотря на противодействие профсоюзного руководства, целиком перешедшего на сторону буржуазии. О развитии этой борьбы дают представление следующие цифры участников стачек (данные в тыс.) в Германии и в Англии:

Годы	Германия	Англия
1913	311	664
1914	95	589
1915	13	401
1916	124	235
1917	651	575
1918	379	923

Таким образом, в Германии, в стране, где лозунг гражданского мира осуществлялся наиболее ревностно, стачечная волна резко спала в первые два года войны, но зато в 1917 г. количество участвовавших в стачках вдвое превысило цифру 1913 г. В Англии наивысшей силы стачечное движение достигло лишь в последний год войны.

Характерной чертой германских стачек последнего периода было выдвижение политических требований. Таково, например, требование 18 000 лейпцигских рабочих в 1917 г., чтоб правительство провело демократические реформы и немедленно заявило о готовности к миру без аннексий и контрибуций. Такова грандиозная стачечная волна в начале 1918 г., носившая ярко выраженный политический характер. В английском рабочем движении за время войны наиболее интересным является рост недоверия к тред-юнионам и создание рабочими новой организации рабочих комитетов на предприятиях.

Нарастание настроений против «гражданского мира» обостряло в армии антагонизм между солдатской массой и офицерством. Весною 1917 г. после кровопролитного и безуспешного наступления французской армии солдаты в ста частях взбунтовались против своих офицеров. Такой же антагонизм между солдатами и офицерами отмечает Людендорф и в германской армии за последние месяцы войны.

Реформисты всех стран, опираясь на громадный аппарат пропаганды, на авторитет, приобретенный II Интернационалом среди масс за прежние годы, энергично противодействовали осознанию пролетарскими массами своих подлинных интересов. Сторонники превращения империалистической войны в войну гражданскую насчитывались единицами и имели против себя не только весь государственный аппарат, не только всю прессу, но и консерватизм мышления организованных рабочих, которые не в состоянии были разобраться в своеобразной обстановке, созданной войною. Эти немногие подлинные интернационалисты, возглавляемые гениальнейшим вождем эпохи В. И. Лениным, вынуждены были упорно и настойчиво плыть против течения, чтоб добиться величайшей победы трудящихся масс в истории человечества—победы в гражданской войне, пришедшей на смену гражданскому миру.

Национальное движение на службе империализма.

Дипломатия обеих воюющих коалиций очень широко использовала в своих интересах национальное движение в неприятельских странах. За время войны буржуазные политики и буржуазная печать, особенно в странах Антанты, твердили на все лады, что дело идет, главным образом, о защите прав слабых национальностей. Так, в октябре 1915 г. английский премьер Асквит заявил:

«Прежде всего и важнее всего то, что союзники борются за свободу малых национальностей с тем, чтобы в будущем они были освобождены от тирании более могущественных соседей и могли развивать свою национальную жизнь и свои национальные учреждения».

Совершенно естественно при этом, что речь шла об освобождении лишь тех национальностей, которые угнетались в неприятельских странах.

Наибольшее внимание обеих коалиций привлек польский вопрос, в связи с тем, что война на восточном фронте велась преимущественно на польской территории и для каждой из сторон было важно привлечь на свою сторону польское население. Все три державы, которые более ста сорока лет назад захватили и поделили между собою Польшу и в течение всего этого времени самым жестоким образом подавляли ее попытки восстановить свою самостоятельность,— все они сразу по возникновении войны стали защитниками польской свободы.

9 августа 1914 г. опубликовано было воззвание главного командования германскими и австро-венгерскими армиями восточного фронта к населению царства польского. В этом воззвании говорилось:

«Поляки! Час освобождения от московского ига приближается. Союзные армии Германии и Австро-Венгрии скоро переступят границы Царства Польского. Москали уже отступают. Их кровавое господство, которое тяготело над вами более ста лет, падает. Мы приходим к вам в качестве друзей. Доверьтесь нам. Мы несем вам вольность и независимость, за которые столь много терпели ваши предки. Пусть восточное варварство падет перед западной цивилизацией, общей для вас и для нас. Поднимайтесь, помня о

своем прошлом, столь великом и полном славы. Соединяйтесь с союзными войсками».

14 августа 1914 г. с таким же приблизительно воззванием к полякам обратился русский верховный главнокомандующий:

«Поляки, пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братское примирение его с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении...

«С открытым сердцем, с братски протянутой рукой, идет вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде».

Оба эти документа одинаково характерны прежде всего сдержанностью обещаний, которые даются полякам.

Австро-германское воззвание говорит о независимости «царства польского», т. е. для русских владений Польши. Русское воззвание сулит полякам объединение всех польских территорий «под скипетром русского царя». Этот скипетр достаточно зарекомендовал себя своей польской политикой за долгие годы царской власти над Польшей.

Вторая характерная черта воззваний заключается в том, что оба они требуют от поляков активной помощи.

4 ноября 1916 г. Австро-Венгрией и Германией сделан был более определенный шаг. Рескриптом на имя своего министра-президента Франц-Иосиф объявил:

«В соответствии с состоявшимся между мною и его величеством германским императором соглашениями из польских областей, вырванных из-под русского владычества, будет образовано самостоятельное государство с наследственной монархией и конституционным устройством».

На это русское правительство 15 ноября указало, что акт Австро-Венгрии и Германии противоречит международному праву и подтвердило свое намерение образовать объединенную автономную Польшу в составе Российской империи.

Несмотря на ограниченность перспектив для польского национально-освободительного движения при победе любой из сторон, различные слои Польши развили активную деятельность по оказанию помощи тому или другому государству. На первом месте следует упомянуть организацию Пилсудского, который немедленно после начала войны стал формировать на австрийской территории добровольческие отряды против России. 19 августа Пилсудский перешел русскую границу во главе бригады в 2500 чел. В противовес Пилсудскому и буржуазной организации австрийских поляков—краковскому «верховному национальному комитету», польская буржуазия в России придерживалась антантовской ориентации.

Наиболее распространены были среди поляков симпатии к Австро-Венгрии, поскольку именно здесь поляки пользовались большими правами, чем где бы то ни было. Но тяжелые поражения австро-венгерской армии легко повернули неустойчивые симпатии мелкой буржуазии. Проявлениями этого поворота были отказ Пилсудского принять присягу Австро-Венгрии и последующее заточение его в Магдебургскую крепость, переход генерала Галлера со своими легионами из рядов австрийской армии на сторону русских войск.

Если среди поляков существовали различные ориентации и колебания, то для украинцев выбор между Россией и Австро-Венгрией решался проще. В Австро-Венгрии украинцы имели значительные возможности культурного развития: Россия не признавала украинцев самостоятельной национальностью. При захвате русскими войсками Восточной Галиции в приказе по юго-западному фронту, а затем и обращении наместника графа Бобринского указывалось, что здесь население русское, что только крестьяне говорят на «малорусском» языке, а интеллигенция пользуется чистым русским языком. В пользу германо-австрийской ориентации усердно работал специальный «Союз освобождения Украины».

Ярко выраженной антантовской ориентации во время войны были чехи. Нынешний президент Чехо-Словакии Массарик во время войны возглавлял национальный чешский совет в Париже. Совет этот работал под непосредственным руководством союзной дипломатии и развивал энергичную агитационную деятельность. Прокламации и воззвания коми-

тета распространялись среди чешских частей различными путями, в том числе и с аэропланов. Реальные результаты— массовая сдача в плен чешских частей, а иногда и переход их на сторону противника.

Заслуживает особого внимания длительная, начатая задолго до войны, работа английской дипломатии среди арабских племен. Во время войны развивалась деятельность по привлечению отдельных властителей на сторону Англии и по организации восстаний против Турции. С этим периодом работы английской дипломатии (и английской контрразведки) связано имя ставшего знаменитым полковника Лоуренса. Действуя при помощи прямого подкупа, искусно пользуясь антагонизмом отдельных властителей, наконец, играя на национальном и религиозном чувстве арабов, Лоуренс сумел приобрести огромное влияние, сделаться «некоронованным королем Аравии», как прозвали его англичане.

Англия выдвинула лозунг объединения Аравии, причем во главе объединенного государства англичане обещали поставить властителя Геджаса Гуссейна. С 1916 г. войска последнего открыто выступили на борьбу против Турции и существенно помогли англичанам в деле защиты от турецкого наступления зоны Суэцкого канала.

Из мероприятий Германии по использованию национальных движений наиболее интересна попытка оказать помощь оружием ирландским повстанцам в 1916 г. и агитационная работа в Афганистане и в Индии под лозунгом пан-исламизма.

Германское судно, везшее оружие ирландским повстанцам, было обнаружено английским крейсером и погибло вместе с грузом. Таким образом, попытка германцев помочь ирландским повстанцам, которые не имели поддержки со стороны крестьянства, кончилась ничем. Германское бюро пропаганды обосновалось в Афганистане и оттуда старалось воздействовать на мусульман Индии всякими способами, в том числе распространением слухов, что Вильгельм принял магометанство; оно также вело работу среди индусов. Однако, несмотря на ряд серьезных военных мятежей, в возникновении которых германская пропаганда играла лишь незначительную роль, решительного и массового выступления против Англии здесь не было.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

*

План Шлиффена и предсказание Энгельса.

Так как в первый период войны инициатива находилась в руках Германии, то, естественно, наибольший интерес представляет германский план войны, который должен был оказать значительное влияние на стратегические очертания мировой войны.

Германия вступила в войну с планом, разработанным в основном еще в 1901 г. тогдашним начальником генерального штаба и выдающимся военным теоретиком Шлиффеном. Исходной идеей этого плана явилось то положение, что Германия может рассчитывать на победу только в кратковременной войне, что для ведения длительной войны у Германии не хватит ресурсов и что поэтому в такой войне она безусловно осуждена на поражение. Отсюда повелительная необходимость для Германии добиваться быстрых решений путем максимальной концентрации сил для разгрома противника.

Так как, далее, в 1901 г. Шлиффен не мог не считаться с перспективой войны на два фронта—против России и против Франции,—то, имея в виду основную стратегическую задачу максимальной концентрации сил, он считал нужным один из этих фронтов сделать пассивным, оборонительным, и все свободные силы сосредоточить на другом фронте, чтобы этого противника окончательно разбить. Если сравнить выгоды и невыгоды сосредоточения главного удара на России и Франции, особенно со стороны близости жизненных центров страны, потеря которых должна повлиять на заключение мира, и со стороны трудности передвижения, то выбор ясен и бесспорен. План Шлиффена и предусматривал оборону на русском фронте и решительное наступление на французском.

Наконец, и по отношению к самому французскому фронту Шлиффен исходил из необходимости резко неравномерного распределения сил между отдельными участками фронта с тем, чтобы в одном районе вести линию самой пассивной обороны, а в другом сосредоточить силы для молниеносного и неотразимого удара. В окончательном виде план Шлиффена предполагал пассивную оборону,—преднамеренное отступление на всем протяжении границы с Францией и стремительное продвижение вперед через Бельгию на Лилль для решительного удара с запада на Париж. При дальнейшем развитии наступления на юго-восток Шлиффен предполагал дойти до швейцарской границы и таким образом захватить французскую армию в мешок.

Для обеспечения обороны на русском фронте создана была линия крепостей на Висле почти на всем протяжении фронта от Грауденца до Бреславля и основательно укреплена была линия Мазурских озер. Эти оборонительные сооружения должны были значительно сократить размеры живой силы, потребной для обороны Германии на востоке против действий русской армии, и, следовательно, освободить дополнительные ресурсы для действий на западном фронте, имеющих решающее значение для Германии.

Нельзя не напомнить в данной связи приведенные ранее слова Энгельса, который задолго до разработки Шлиффеном его плана совершенно правильно охарактеризовал грядущую франко-германскую войну, как войну на истощение. В письме к Бебелю от 29 сентября 1891 г. Энгельс возвращается к этому вопросу:

«Французам не так-то легко нанести поражение. Их армия очень хороша и вооружена лучше нашей. Что касается нашего высшего командования, то, повидимому, от него нельзя ожидать многого. Это лето показало, что французы научились производить мобилизацию... при том же прямой путь между Берлином и Парижем и с той и с другой стороны сильно защищен крепостями. Короче, в самом благоприятном случае дело сведется к продолжительной борьбе с переменными успехами, она будет вестись при условии привлечения все новых и новых подкреплений, пока не наступит истощение одной из борющихся сторон, или пока не вмешается Англия, которая сможет, препятствуя просто

подвозу хлеба, вызвать голод в той стране, против которой выступит, и принудит к миру». (Письмо, стр. 298.)

Что Энгельс в 1891 г., когда франко-русский союзный договор допускал выступление Англии на стороне Тройственного Союза, исходил из нейтралитета Англии в начале войны—в этом нет ничего удивительного. Несравненно более важно то, что за десять лет до составления Шлиффеном его знаменитого плана сокрушения Энгельс совершенно уверено указал, что расчеты на быстрый разгром французской армии не имеют под собой никакой почвы.

Ход войны 1914—1918 гг. полностью подтвердил предсказание Энгельса.

Германский генеральный штаб вошел в войну с планом Шлиффена. Правда, тогдашним начальником генерального штаба Мольтке-младшим план был несколько изменен в сторону усиления войск на восточном фронте. Но основная идея плана—оборона против России и решительный натиск на Францию—была сохранена.

Первые недели войны.

Первые дни и недели войны отмечены полным торжеством шлиффеновских идей. Германия объявила войну Франции 3 августа. 4 августа германские войска перешли бельгийскую границу с тем, чтобы укрепиться в Бельгии и отсюда с относительно слабой, незащищенной крепостями, границы начать наступление на Францию. Бельгийские войска не смогли задержать германское наступление на сколько-нибудь ощутительное время. Правда, бельгийские крепости, особенно Льеж, представляли собою серьезную силу: Бельгия, несмотря на то, что ее нейтралитет был гарантирован всеми великими державами, была вполне подготовлена к «неожиданному» нападению Германии. Однако, для осады Льежа германцами оставлена была отдельная армия, состоявшая преимущественно из резервных частей. Основные силы германской армии продолжали свое продвижение, и Льеж, осада которого началась 5 августа, к 17 августа был полностью в руках немцев.

Таким образом, германцы получили возможность использовать весь юго-восток Бельгии для обходного движения на Париж. Стратегическое развертывание, предусмотрен-

ное германским планом войны, было закончено вполне успешно к заранее намеченному сроку. Пограничное сражение с соединенными франко-английскими армиями, которое началось энергичным наступлением германских войск 20 августа, развертывалось в высшей степени удачно для немцев. Отступление союзных войск было приостановлено лишь 27 августа, когда немецкие войска уже проникли на французскую территорию.

Опасность занятия Парижа германскими войсками была настолько реальна, что 3 сентября правительство переехало в Бордо.

И все же, несмотря на столь блестящее осуществление в первые недели войны плана Шлиффена, он уже через короткое время оказался совершенно несостоятельным. План Шлиффена потерпел крушение во время сражения на Марне, на этой последней стратегической линии перед парижскими укреплениями.

Когда германские войска, ободренные поразительными успехами первого месяца войны, предприняли яростное наступление на франко-английские марнские позиции, они встретились с сопротивлением, которое не в силах были сломить. Атаки германских войск продолжались с 5 до 9 сентября, и в результате немцы вынуждены были предпринять общее отступление к северу. Марнское сражение представляет собою поворотный пункт в истории мировой войны. Оно показало, что война пойдет совершенно иными путями, чем предполагал Шлиффен.

Правда, германское командование уже в первые недели сделало два существенных отступления от шлиффеновских заветов.

Прежде всего, на западном фронте, одновременно с германским продвижением в Бельгию, началось наступление французских войск на Лотарингию и Эльзас. Наступательная доктрина полностью господствовала перед войною и во французском генеральном штабе. Германское командование усилило лотарингский фронт. Германские войска не только отражают это наступление, но и наносят противнику серьезный урон. Однако, вместе того, чтобы держаться предписанной шлиффеновским планом пассивной обороны, левый фланг германской армии тоже увлекается наступлением. Кон-

центрация сил на правом фланге, составляющая самую сущность германского плана, была значительно ослаблена.

Второе, не менее важное обстоятельство, это некоторая перемена отношения к восточному фронту по сравнению с установкой Шлиффена.

14 августа русский военный агент в Париже Игнатьев, излагая в своей телеграмме ставке ход военных действий в Бельгии, указывает:

«Вся эта картина в связи с характером боев дает мне основание предполагать, что французские армии перейти в наступление в ближайшем будущем едва ли смогут. Я ожидаю в самом лучшем случае медленного отступления. На мой взгляд, выясняется, что весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фрон германских корпусов».

Тот же Игнатьев 18 августа сообщает:

«Французский военный министр совершенно серьезно полагает возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы, причем желательно, ввиду того, что по соглашению начальников генеральных штабов наши армии должны были начать серьезное наступление с двадцатого дня мобилизации,—в случае задержки последнего дать французам соответствующие об'яснения». (См. сборник «Кто должник». Авиаиздательство 1926 г., стр. 228—229).

Под влиянием столь энергичного нажима со стороны французских ростовщиков, которые настойчиво требовали поскорее доставить оплаченное ими пушечное мясо, началось совершенно неподготовленное наступление в Восточную Пруссию. Наступление в Восточную Пруссию, ввиду поспешности, предпринято было со значительно меньшим количеством бойцов, чем это было предположено по первоначальному плану. Благодаря этому создалось такое положение, что русские войска, действующие на неприятельской территории и тем самым поставленные в менее благоприятные условия по сравнению с противником, значительно уступающие ему в технике, во всех решающих сражениях уступали германским войскам также в численности. Если к тому же учесть условия снабжения и пополнения русских и германских войск, то нетрудно видеть всю обреченность рус-

ских войск. Армия Самсонова полностью окружена была германскими войсками, армия Ренненкампфа также понесла громадные потери (35 000 убитыми и ранеными).

Эти громадные жертвы со стороны русской армии дали непомерно малые, но для французского фронта существенные результаты. На восточный фронт по распоряжению германского штабного командования переброшено было с запада 4 пехотных дивизии и 1 кавалерийская. Это также, бесспорно, было нарушением шлиффеновских планов. Надо, однако, вспомнить, что Германия имела на своем восточном фронте противника, располагавшего постоянной армией 1 400 000 ч. и державшего близ германской границы значительную часть этой армии. Точно так же необходимо учесть, что Восточная Пруссия была твердыней германского юнкерства, которое никак не хотело подвергать опасности свои имения и которое имело достаточно веса в правительстве, чтобы обеспечить себя в случае необходимости несколькими лишними дивизиями.

Переброска войск с ударного правого фронта на западе, особенно, переброска в Восточную Пруссию, сама по себе имела, конечно, существенное значение. Известный германский писатель по военным вопросам Бернгарди высказывает такое мнение:

«Если бы мы не поддержали с запада армию в Восточной Пруссии, мы, конечно, не выиграли бы сражения у Мазурских озер и должны были бы постепенно отойди за Вислу; но русских мы могли бы и потом задерживать еще долго, до появления серьезной угрозы Берлину, который, как центральный пункт нашей обороны, надо было удерживать во что бы то ни стало. Но зато мы вероятно блестяще выиграли бы сражение на Марне, окончательно разгромили бы Францию раньше, чем Англия могла выставить свою миллионную армию, и вероятно добились бы скорого мира». (Фридрих Бернгарди. О войне будущего. Перевод с немецкого. Гиз 1921 г., стр. 107).

Таким образом, перелом в развитии военных операций, наступивший на Марне, Бернгарди приписывает исключительно ослаблению германского правого фланга. Эта точка зрения имеет много приверженцев, но вряд ли ее можно признать правильной. Защитники ее видят только одну сто-

рону дела—снятие нескольких дивизий с западного фронта, но упускают из виду обстоятельства, имевшие место по ту сторону фронта.

Германские войска встречали относительно слабое сопротивление не только при продвижении в Бельгию, но и при переходе бельгийской границы и вторжении во Францию. Это об'ясняется не слабостью французской армии, против которой, разумеется, было направлено и бельгийское наступление Германии, но особенностями ее стратегического развертывания. Дело в том, что Франция, которой шлиффеновский план в основе своей, разумеется, был прекрасно известен задолго до войны, не принимала необходимых мер к подготовке обороны на бельгийской территории или хотя бы на франко-бельгийской границе. Французский план войны носил ярко наступательный характер.

Для Германии с ее громадным превосходством в населении, с превосходством в технике и транспорте наступательная стратегия имела известный смысл. Для Франции она была абсурдом. Жестокие поражения, которые французская армия потерпела на первых же этапах своего наступления на Эльзас-Лотарингию, заставили ее обратиться к планомерной организации обороны. Для этого необходимо было коренным образом перегруппировать по всему протяжению фронта людские и материальные ресурсы, что требовало значительного времени. К тому времени, когда германские войска, полностью расчистив себе дорогу в Бельгии, всеми силами обрушились на Францию со стороны бельгийской границы, французские войска не успели еще как следует закрепиться на намеченных оборонительных позициях. Взятая французами после эльзас-лотарингских неудач совершенно правильная установка не была претворена в жизнь. Именно поэтому операции с 20 до 25 августа на бельгийской границе, как и прежние сражения, отмечены победным шествием германских войск.

Ко времени Марнского сражения, которое началось 5 сентября, наступательные иллюзии были изжиты французским штабом. Эвакуация правительства в Бордо была не актом паники, а проявлением твердой решимости всеми силами оборонять Францию. Оборона на своей территории да-

вала ряд преимуществ французам и одновременно затрудняла продвижение германцев. Германские войска находились в худшем положении в отношении гарнизонной охраны, в удлинении линии сообщений, в отношении политико-морального состояния. В течение пяти дней—от 5 до 9 сентября—французские войска оказывали германским самое стойкое сопротивление. Насколько велико было напряжение сил французской армии, видно из того, что для поддержки армий, оперировавших на Марне, сняты были войска из Парижского гарнизона. Французские войска добились решающего успеха, 9 сентября германским командованием отдан был приказ об общем отступлении на линию реки Эн. Это было первое общее отступление германской армии, не предусмотренное планом Шлиффена.

После марнского сражения некоторое время еще продолжались попытки с обеих сторон к обходам и фланговым охватам противника. В этот период основной задачей германского командования было отрезать французскую армию от берега Ламанша, обладание которым давало коалиционным армиям большие выгоды в отношении пополнения людьми и материальными ресурсами из Великобритании. Кроме того в случае захвата французского побережья Ламанша и, в частности, Кале германцы могли бы прекратить морское сообщение по проливу, а также своими дальнобойными орудиями непосредственно угрожать английскому побережью. Эти действия германских войск, так называемый «бег к морю», привели к чрезвычайно жестоким и кровопролитным сражениям во Фландрии, в юго-западном углу Бельгии, в районе реки Изер, на участке Ньюпор (устье реки)—Диксмюде и вокруг города Ипра.

Однако, германские войска во Фландрии встретили сопротивление еще более сильное, чем на Марне. Для защиты побережья англичане стали более интенсивно пополнять свои силы на материке. Французская армия после сражения на Марне стала еще более боеспособной. Яростные атаки германских войск в течение последней декады октября и начала ноября, которые стоили обеим сотен тысяч жертв и не привели ни к каким существенным результатам, представляли собою агонию шлиффеновского плана, а вместе с тем и первого маневренного периода войны. К началу

1915 г. образовался довольно устойчивый фронт от бельгийского побережья Северного моря (Остендэ) до франко-швейцарской границы. Обе стороны перешли к позиционной войне, к войне на истощение.

Первые операции на русском фронте.

Если для Германии наступательная стратегия обусловлена была опасностью блокады и опиралась на первоклассную военную силу, то России, по крайней мере, на германском фронте, наступление диктовалось, как мы видели, не ее собственными интересами, а потребностями Франции. Потери России во время наступления на Восточную Пруссию были громадны.

Французский военный писатель Ривьер в своей книге о войне 1914—18 гг. пишет:

«Германия рассчитывала на медленность русской мобилизации и хотела быстро покончить с Францией, а затем обратиться против восточного своего противника, до тех пор только сдерживаемого, и сокрушить его в свою очередь. Этот план Германии был разрушен непосредственной быстротой операций наших союзников».

Ривьер, однако, упускает одно существенное обстоятельство, именно то, что мобилизация русских сил, необходимых по плану для вторжения в Восточную Пруссию, действительно не была закончена к началу операции. Благодаря этому армии Самсонова и Ренненкампфа ко времени выступления имели на десять дивизий, или на 25% состава, меньше, чем это было намечено по плану. Какое значение это имело для операции, достаточно ясно. Именно значительное превосходство сил противника было основною причиною поражения 2 армии Самсонова, которое в свою очередь предопределило участь и находившейся севернее 1 армии Ренненкампфа. Громадную роль, как и во многих других операциях, здесь сыграли ошибки командования в оценке положения, а следовательно, и в оперативных решениях. Но еще большую роль здесь имела характерная для русского командования полнейшая безответственность, отсутствие действительного патриотизма при бешенной погоне за патриотическими ярлыками. Германский генерал Гофман в своих воспоминаниях, рассказывая об отступлении германской 37

дивизии, действовавшей против армии Самсонова, между прочим, говорит:

«Генерал Самсонов дал своей армии приказ о преследовании. Русская радиостанция передала приказ в нешифрованном виде, и мы перехватили его. Это был первый из бесчисленных приказов, передававшихся у русских в первое время с невероятным легкомыслием; сначала без шифра, а потом шифрованно. Такое легкомыслие очень облегчало нам ведение войны на востоке; иногда лишь благодаря ему вообще возможно было вести операции. Шифрованные приказы не составляли для нас затруднений. В штабе у нас было двое, оказавшихся гениями в области дешифрирования: всякий раз быстро удавалось найти ключ к новому русскому шифру». (Война упущенных возможностей, русский перевод. ГИЗ 1925 г., стр. 23).

Так или иначе, русские армии, выступившие против Германии, потерпели решительное поражение. Наступление началось 20 августа сражением под Гумбиненом. Но уже 30 августа под Танненбергом была уничтожена армия Самсонова, а к 13 сентября была разбита и армия Ренненкампфа. Восточная Пруссия была очищена от русских войск. Итоги этой операции для русской армии были чрезвычайно плачевны. Как указывает в своих мемуарах бывший английский посол в Петрограде Бьюкенен, «русские оставили всю свою артиллерию и огромное количество броневиков и других военных материалов, которые им с трудом удалось собрать. В течение нескольких недель немцы, развивая свою победу, совсем очистили всю область от неприятеля, потерпевшего урон в 250 000 чел. помимо серьезного морального удара, нанесенного армии и престижу ее командиров» (Мемуары дипломата, перев. с английского. ГИЗ, 2 издание, стр. 135—136).

Таков был первый платеж России по обязательствам генерального штаба перед Францией. Но германское командование не собиралось удовлетвориться успехами, достигнутыми в Восточной Пруссии. Тяжелое положение австро-венгерских войск требовало быстрого и решительного нажима со стороны германских армий. В том же направлении действовало и другое, весьма важное обстоятельство. Крушение германского наступления на Марне побуждало коман-

дование искать компенсаций на восточном фронте, тем более что внутри страны и особенно среди рабочих масс война против России была весьма популярна. Для крупной наступательной операции была сформирована специальная 9 армия под командованием Гинденбурга и с Людендорфом в качестве начальника штаба, которая 29 сентября начала наступление на путях к Ивангороду и Варшаве. Русское командование решило перекрыть эту операцию грандиозным контр-наступлением. После тяжелых уроков Восточной Пруссии, в район военных действий стянуты были громадные силы. После почти месяца упорных боев германцы вынуждены были возвратиться на свою территорию, задержав, однако, наступление русских армий в Австрии.

Упорный «бег к морю» со стороны германских войск после марнских неудач обеспокоил уже не одних только французов, но и хладнокровных англичан. 20 октября 1914 г. после яростной атаки германских войск на участке Ньюпор-Диксмюде русский военный агент в Лондоне сообщает:

«Китченер передал мне следующее: 150 воинских поездов с германскими войсками прошли в течение 12, 13 и 14 октября чрез Кельн к франко-бельгийской границе.

«Кроме того, 200 поездов прошло через Аахен 13 и 14 октября к французской границе. Кроме того, много войск прошло Везель 14 октября в направлении на запад. Китченер полагает, что это были два германских корпуса, взятые с тыла восточного германского фронта, т.-е. из Бреславля, Познании и Восточной Пруссии, и что немцы решили опять их временно перебросить на запад, пользуясь перерывом нашего наступления, дабы с помощью означенных двух корпусов попытаться прорвать центр генерала Жоффра, силы которого едва уравновешивают силы немцев во Франции. Вследствие чего Китченер считает, что если наше наступление не возобновится в течение, примерно, одной до двух недель то положение англо-французской армии во Франции сделается опасным, и что, прорвав фронт генерала Жоффра, немцы перебросят те же два корпуса и более против нас, причем во время операции прорыва англо-французов немцы будут действовать против нас только оборонительно на укрепленных позициях. Совершенно воздерживаясь от каких бы то ни было советов, Китченер желал бы все выше-

изложенное довести до сведения нашего главковерха» («Кто должник», стр. 232).

То обстоятельство, что английский штаб не в пример французскому разговаривает с Российским правительством столь деликатно, объясняется очень просто: англичане русских мужичков заблаговременно у царского правительства не законтрактовали. Но западный фронт прежде всего фронт французский, и русское командование к тонким намекам Китченера не может остаться равнодушным. К началу ноября ставкой верховного главнокомандующего посылается директива о подготовке нового наступления на германскую территорию, на этот раз уже не на северо-запад, а на юго-запад, на Силезский угольный район и Познань. Однако, и это второе русское наступление оказалось не более удачно, чем первое. Понеся громадные потери, измеряемые сотнями тысяч человек, русская армия вынуждена была отступить за линию, занимавшуюся ею до наступления, сдав противнику Лодзь.

На русско-германском фронте на зимние месяцы война приняла позиционный характер.

Что касается русско-австрийского фронта, то наступательные действия русским командованием проводились и здесь с самого начала войны. Надо добавить, что в данном случае наступательная стратегия была несравненно более обоснована, чем по отношению к Германии. Прежде всего, наступление на австрийском фронте являлось целесообразным вследствие особенностей русской западной границы, охваченной с флангов враждебными державами; в свою очередь, и австро-венгерская северо-восточная граница имела точно те же невыгоды, которыми русское командование, естественно, должно было воспользоваться. Не менее важным обстоятельством является отсталость австро-венгерской армии по сравнению с русской и наличие в ней с первых же недель войны значительных элементов разложения.

Операции на австро-русском фронте начались вторжением австрийских войск на русскую территорию на обоих крайних флангах армий на северо-западном, в районе Томашова, и на юго-восточном, в районе Каменец-Подольска. Опираясь на свое громадное численное превосходство, русские войска локализуют австрийское наступление на севере, а на востоке сами предпринимают общее наступление. Это на-

ступление было настолько успешно, что уже 3 сентября русскими войсками занят был город Львов, столица Восточной Галиции. Австрийские армии отступали по всему фронту. Австрийцы полного разгрома все же не потерпели: им удалось благополучно вывести на надежные позиции не только живую силу, но и артиллерию. Русское командование не сумело в полной мере использовать и развить достигнутые на австрийском фронте серьезные успехи.

В течение осени 1914 и зимы 1914—1915 гг. русские войска значительно продвинулись вперед, перешли через Карпаты и вели наступление в направлении Кракова. Наивысшей точкой наступления русских войск на австрийской территории явилось взятие 22 марта 1915 г. Перемышльской крепости, которая неоднократно штурмовалась русскими войсками. Но уже в начале мая 1915 г. германская 11 армия под командованием Макензена прорвала русский фронт у Горлицы—к югу от Тарнова. Этот прорыв, который русские войска были бессильны локализовать, главным образом, вследствие недостатка снарядов и оружия, обусловил прежде всего отступление русских войск с Карпат, а затем и общее отступление в Восточной Галиции. 22 июня был оставлен Львов, а 28 июня русская оперативная сводка сообщает, что «на Днестре неприятель пытался помешать нашему отходу от Гнилой Липы, но попытка его не увенчалась успехом». После десяти месяцев тягчайшего напряжения и громадных потерь русская армия возвратилась в исходное положение.

Разумеется, эти операции стоили больших жертв австрийской армии и не в малой степени способствовали крушению австро-венгерской монархии. Но в той же мере австрийская кампания действовала и на Россию. Наступательная стратегия русского генерального штаба оправдала себя только с точки зрения французского генерального штаба. поскольку она обусловила отвлечение значительных сил и ресурсов с германского западного фронта. С точки зрения российского самодержавия стратегия эта, полностью вытекавшая изо всей его политики, была вернейшим путем к гибели. Опираясь на успехи, дистигнутые на Карпатах и в Восточной Галиции, пользуясь громадным ослаблением людских, материальных и моральных ресурсов русской армии,

германские войска развернули энергичное наступление на северо-западном и западном фронтах русских армий. В августе 1915 г. русскими войсками сданы были Варшава, Белосток, Ковно, Брест-Литовск. Русская армия при этом понесла громадные потери. Одновременное продвижение германских войск на север посеяло панику в Петрограде, который уже стал подготовлять эвакуацию.

Но на этот раз и германцы оказались не в силах надлежащим образом развить свои успехи. В своих воспоминаниях о наступлении на русскую Польшу Людендорф пишет:

«Условия подвоза с каждым днем усложнялись, особенно в 12 армии, которая все более удалялась от своих конечных железнодорожных станций. После взятия Ломжи и Осовца в 8 армии тыловые сообщения улучшились. Снабжение с фронта стало возможным, но все-таки оставалось весьма затруднительным. Все перевозочные средства, которыми мы располагали, прежде всего использовывались для подвоза боевых припасов. Наша выдохшаяся пехота, чтобы атаковать, нуждалась в тем большей артиллерийской поддержке, чем дальше мы продвигались на восток. Но соответственно с удалением вырастали затруднения в подвозе боевых припасов. Таким образом, боевые действия затруднялись и становились менее энергичными. Позднее, после заключения мира с Россией, один русский штаб-офицер сказал мне, что он не может понять, почему мы тогда не наступали более энергично, что привело бы русскую армию к разложению. Командование и войска делали все усилия, чтобы достичь этой цели, но когда, при полной дисциплине, при доброй воле и наивысшей энергии каждого в отдельности силы все же падают, то и воля не может помочь». (Мои воспоминания. ВВРС. 1923 г., т. I, стр. 123).

Благодаря такому положению на восточном фронте установилось известное равновесие. В течение примерно девяти месяцев в расположении сторон не произошло крупных изменений.

Важнейшие операции позиционного периода на западе.

К таким операциям следует отнести: 1) наступление французских войск в Шампании в сентябре 1915 г.; 2) германские атаки на Верден с февраля 1916 г.; 3) французское

наступление на Сомме в 1916 г.; 4) англо-французское наступление в Шампании и в районе р. Эн в 1917 г.; 5) английское наступление во Фландрии в 1917 г.

Наступление в Шампании последовало после военной конференции союзников в Шантильи с целью поддержки России, которая в летние месяцы 1915 г. понесла громадные потери людьми и вынуждена была уступить противнику территорию русской Польши с богатой промышленностью и развитой сетью железных дорог. Поддержка России со стороны союзников необходима была уже хотя бы потому, что тяжелые поражения России в 1915 г. чрезвычайно усилили позиции сторонников сепаратного мира с Германией. Этим тенденциям надо было дать отпор демонстрацией благожелательного отношения к России со стороны союзников.

Само по себе, с чисто военной точки зрения, большое наступление в этот период было необоснованно, поскольку французы не накопили таких резервов живой силы и снарядов, которые обеспечили бы серьезный перевес над противником не только в начальной, но и в последующих стадиях борьбы. Прорыв фронта представлял весьма трудную задачу. Французским войскам предстояло преодолеть от двух до пяти рядов траншей, защищенных густыми проволочными заграждениями и снабженных большим количеством пулеметов. Основную роль в данной операции должна была сыграть артиллерия. Французы на участке в 25 *км* между Лиллем и Аррасом сосредоточили до 4 500 легких и тяжелых орудий. После бешеной артиллерийской подготовки французам удалось прорвать фронт на протяжении 14 *км*. Однако, германское командование сумело быстро локализовать прорыв и своим артиллерийским огнем и контр-атаками нанесло французам громадные потери. Стратегические результаты наступления были ничтожны.

Германские атаки Вердена (с 21 февраля 1916 г.) замечательны по той цели, которую здесь преследовало германское командование. Как указывает в своих воспоминаниях главнокомандующий германской армией в первый период войны Фалькенгайн, для Германии главной задачей здесь было не взятие крепости, а систематическое и энергичное уничтожение французской живой силы. Германское коман-

дование рассчитывало таким путем принудить Францию к миру. Хотя результаты верденской операции с точки зрения ее кровопролитности были поразительны—потери французов, как и немцев, здесь исчисляются сотнями тысяч человек, однако основная цель Германии не была достигнута. Французский фронт получал пополнение не только из Англии, но и из России. Если для Франции проблема населения стояла чрезвычайно остро, то проблема людских резервов была труднее для Германии. С этой точки зрения, верденские бои, которые стоили громадных жертв и Германии, принесли ей не меньший ущерб, чем Франции

Бои на верхнем течении реки Соммы, предпринятые по инициативе союзников, начались 22 июня 1916 г. Во времени, следовательно, они составляют прямое продолжение верденских операций. Но в отличие от последних они имели задачей не концентрированное истощение противника, а полный разгром его армий и, следовательно, ликвидацию самого фронта. Со стороны атакующих была в громадных размерах использована артиллерия, а также авиация и танки. Союзники находились в более благоприятном положении в отношении резервов. Тем не менее, результаты Соммского предприятия были более чем скромны. Германские войска оказывали самое упорное сопротивление. Несмотря на ураганный огонь артиллерии, каждую траншею приходилось брать с боя, преодолевая отчаянное противодействие германской пехоты. Бои на Сомме тянулись около $4^{1}/_{2}$ месяцев, заметно ослабев уже в конце второго месяца. Результатом было лишь то, что союзники оттеснили германские войска на небольшом участке фронта на 10—15 *км*. Основная задача союзников разрешена не была, а потери их исчислялись не менее как в полмиллиона человек.

Наступление на р. Эн и в Шампани предпринято было соединенными силами союзников, которые к тому времени имели на фронте значительное численное преимущество перед Германией. Наступление было начато в середине апреля, но на этот раз натолкнулось на серьезнейшее сопротивление со стороны германских войск. Заранее подготовляя отход на новую линию, дававшую значительное сокращение фронта, на так называемую позицию Зигфрида, германское командование в течение пяти недель по календарному ра-

списанию производило планомерное и полное разрушение пространства между занимаемой и намеченной новой оборонительной линией. С другой стороны, и позиция Зигфрида была тщательнейшим образом укреплена и оборудована. Оборона позиции была продумана во всех отношениях. Благодаря этому, когда англичанам и французам удалось несколько оттеснить противника, они не в состоянии были развить свои успехи. В мае войска союзников вынуждены были прекратить наступление, которое стоило им громадных жертв. Для истощенной в длительной войне Франции кровопролитные бои апреля и мая 1917 г. были очень серьезным испытанием. Бессмысленная наступательная бойня вызвала ряд бунтов во французской армии.

Наступление англичан во Фландрии, которое началось 7 июня и закончилось 30 ноября 1917, было предпринято на сравнительно небольшом фронте, при этом громадными силами. Как и предыдущие кампании этого рода, оно не только не привело к полному разгрому германской армии, но и не вызвало глубокого отступления с ее стороны. Германцы и после некоторого отступления правого фланга продолжали занимать большую часть Бельгии и некоторые северные департаменты Франции. Потери были громадные с обеих сторон.

Характерной чертой всех больших наступательных операций союзников на западном фронте в продолжение 1916 и 1917 гг. является то, что они предпринимались союзниками в условиях неизмеримо лучшего питания всякого рода резервами по сравнению с Германией. С этой точки зрения при отсутствии непосредственных резких результатов они имели громадное значение, концентрируя во времени истощение Германии и тем приближая развязку.

Крушение восточного фронта.

После тяжелых поражений лета и осени 1915 г. русские войска имели только один период крупных побед. Этот период начался брусиловским наступлением летом 1916 г.

В июне австрийский фронт был прорван энергичным наступлением русских войск у Луцка и затем у Дубно. Одновременно наступление было развернуто и на крайнем левом фланге русского фронта, в Буковине. Австрийские войска оказывали относительно слабое сопротивление наступающим.

Германское командование не имело возможности перебросить в помощь австрийцам значительные подкрепления. С других участков восточного фронта трудно было снимать войска, поскольку наступление началось по всему фронту, а на северо-западном и западном фронтах русские войска имели громадный численный перевес над германскими. Точно так же упорные и кровопролитные бои на Сомме не давали возможности оттягивать войска с западного фронта.

Последние летние месяцы 1916 г. принесли ряд серьезных побед русской армии на австрийском фронте. Отступление австрийской армии распространилось по всему фронту, хотя и не достигло большой глубины.

Несмотря на громадные потери на русской стороне, положение продолжало оставаться благоприятным до глубокой осени. Это обстоятельство, и особенно блестящие победы русских войск в Буковине, близ румынской границы, окончательно повлияли на образ действий Румынии, которая 27 августа 1916 г. объявила войну Австро-Венгрии.

Вступление Румынии в войну по двум причинам обусловило переброску германских войск на этот фронт. Во-первых, при хорошем положении русских войск на Карпатах, выступление Румынии представляло значительную опасность для плодородной Венгрии, которая играла огромную роль в снабжении хлебом Германии. Во-вторых, сама Румыния, обороноспособность которой была весьма низка, своими нефтяными и хлебными ресурсами привлекала внимание германского командования. На румынский фронт германцами брошены были значительные силы, в том числе оперировавшие на Балканах армии Макензена и Фалькенгайна. 23 октября занята была Констанца с большими запасами нефти, а в ближайшие дни и железнодорожная линия Констанца-Черноводы. К началу декабря занят был Бухарест и нефтяной район в Валахии. Румынская армия как сколько-нибудь значительная боевая сила была ликвидирована.

Положение на русском фронте к концу 1916 г. и 1917 г. определялось не стратегическими успехами или неудачами на театре военных действий, а общим экономическим состоянием страны и теми социально-политическими процессами, которые в ней происходили. 5/18 февраля 1917 г. Бьюкенен телеграфировал английскому министерству иностранных дел:

«Если приостановится подвоз продовольственных продуктов, то забастовки вспыхнут неизбежно, и меня беспокоит скорее экономическое положение, чем политическое. Если бы дело шло только о последнем, то окончательное улажение его могло бы быть отложено до окончания войны; однако, первое является постоянной угрозой. Оно может ежеминутно раздуть тлеющую искру политического недовольства в пламя, а это нанесет серьезный ущерб делу войны. Запасы топлива на железных дорогах настолько сократились, что на одной линии, как говорят, их хватит всего на несколько дней, и многие опасаются, что если эти запасы временно будут пополнены, то прекращение подвоза снова почувствуется, если вдруг совершенно прекратится правильная торговля, которая в настоящее время упала до минимума. Многие заводы вырабатывающие военное снабжение, уже временно закрыты ввиду недостатка топлива и сырья, и опасность прекращения снабжения как армии, так и городов не может быть совершенно исключена»...

...«Россия, по моему мнению, не будет в состоянии встретить четвертую зимнюю кампанию, если настоящее положение будет продолжаться до конца» («Мемуары дипломата», стр. 190—191).

В войне на истощение ставка царской России не могла не быть битой. Революция могла только ускорить выход России из войны, цели которой были абсолютно чужды пробудившимся массам.

Последний год войны на западном фронте.

Отличительной чертой 1918 г. со стороны тактической является переход войны из позиционной в маневренную. Обе стороны стали искать развязки с энергией большей, чем в годы позиционной войны.

Для Германии громадным плюсом явился выход из войны России, оккупация Украины и прибалтийских стран. Но Антанта имела на своей стороне Соединенные штаты, которые со времени объявления войны успели подготовить полуторамиллионную армию. К тому же, резервы Германии во всех отношениях были истощены, между тем как у ее противников, особенно в Соединенных штатах, равно как и в Англии, дело обстояло несравненно более благоприятно.

Весеннее наступление германских войск началось 21 марта на участке в 80 *км*, занимаемом английскими войсками, между Аррасом и Сен-Кантеном. К половине апреля германские войска добились значительных успехов как в смысле продвижения вперед, так и в смысле ослабления противника. Однако, с помощью американских войск союзникам удалось приостановить наступление германцев. Развить этот частный успех в решающую победу германское командование оказалось не в состоянии. Тем временем все более давало себя чувствовать наступившее истощение материальных, людских и моральных сил Германии. Людендорф отмечает в своих воспоминаниях:

«Задержка наступления имела большое значение, так как не только мы одни, но и противник пользовался ею для восстановления своих сил. Ввиду недостатка в пополнениях наши потери были чувствительны». И далее: «В общем, наши войска дрались хорошо, но некоторые дивизии в долине р. Лис явно неохотно шли в атаку: это вызывало на размышления.

...С другой стороны, такие факты, как задержка войск у найденных запасов и выход отставших одиночных людей для поисков продовольствия в домах и дворах, приводило к тяжелым сомнениям. ....Столь же серьезным было и то, что и молодые, и более старые ротные командиры не чувствовали себя в силах бороться с подобными явлениями и не имели авторитета, который дал бы им возможность без задержки вести войска вперед» («Мои воспоминания», Т. II, стр. 179).

Наступление соединенных войск союзников, начатое 18 июля в ответ на германское наступление, окончательно решило судьбу войны. Замечательно при этом, что наступление 18 июля не характеризуется ни особой силой замысла, ни какими-либо особо сокрушительными операциями. Сила наступления состояла в том, что оно было предпринято в обстановке полного исчерпания всех сил Германии.

8 августа английские и французские войска прорвали германский фронт между Альбером и Морейлем. Здесь было разгромлено семь дивизий, между тем в резерве германцы имели еще только три или четыре дивизии. Германских сил нехватало для того, чтобы заткнуть прорыв. К тому же, 8

августа показало громадное падение боеспособности германских войск. Среди солдат стихийно распространялось возмущение против бессмысленной войны. Людендорф указывает в своих воспоминаниях:

«8 августа подчеркнуло умаление нашей боеспособности; при создавшемся положении с вопросом об укомплектовании у меня не было надежды найти стратегическую комбинацию, которая позволила бы нам вновь закрепиться в выгодном положении. Наоборот, я пришел к убеждению, что у верховного командования не осталось под ногами твердой почвы, на которой до сих пор, поскольку это возможно на войне, я базировал свои мероприятия. С этого момента, как я тогда выразился, война приобрела характер бесшабашной азартной игры, что я всегда считал гибельным... Надо было кончать войну» (т. II, стр. 241).

3 октября германское правительство обратилось к союзникам с предложением приступить к мирным переговорам на основе программы Вильсона. 11 октября заключено было перемирие между Германией и союзными державами на основе полной капитуляции Германии. В число условий перемирия входила немедленная эвакуация не только занятых неприятельских областей, но и Эльзас-Лотарингии, уступка союзникам больших запасов военного снаряжения, подвижного состава и т. д. Капитуляция других членов германской коалиции произошла еще ранее.

Морская война.

С тех пор как Германией принята была в 1898 г. первая большая судостроительная программа до начала мировой войны прошло немногим больше 15 лет. За это время германский флот вырос в первостепенную величину.

Позднее вступление Германии на путь крупного военно-морского судостроения явилось для нее скорее положительным моментом, поскольку она могла сразу начать с постройки наиболее современных судов.

Высокое развитие германской металлургии и машиностроения, высокий уровень остальных отраслей германской техники позволили Германии добиться весьма существенных успехов. Однако, финансовое преобладание Великобритании, жизненное значение для нее морского флота, который всегда

занимал абсолютно доминирующее положение в военном бюджете, исключало для Германии возможность состязаться с Великобританией в затратах на флот, в частности, на большие и дорогостоящие суда. К началу мировой войны Германия очень сильно уступала Англии как в числе судов наиболее важных классов, так и в возможной производительности верфей военного судостроения. В 1914 г. Англия имела 125 линейных кораблей и линейных крейсеров, между тем как у Германии их было только 46. Подводных лодок Англия имела 94, а Германия только 50.

При таком соотношении сил Германия, разумеется, не могла мечтать о том, чтобы в открытом море разбить основные силы противника, завоевать господство на море и блокировать Великобританию или произвести десант для проникновения на британскую территорию. Известный германский военный авторитет Бернгарди незадолго до войны писал в своем труде «*Германия и война будущего*»:

«Мы должны иметь в виду вероятность близкой войны с Англией, со стороны которой мы встретим такое подавляющее превосходство морских сил, что о наступательных действиях нам нечего и думать. Поэтому нам придется укрыть свой флот под огонь фортов и организовать оборону наших берегов посредством минных заграждений. Мы будем вести войну *оборонительную,* задача которой будет заключаться в том, чтобы постепенно ослабить силы английского флота. Встречаясь в открытом море, мы будем избегать сражений, ибо надо помнить, что на море отступления не бывает: в морском бою, ведущемся на жизнь и смерть, больше чем на суше, результат бывает всегда решительный. Поэтому при данном превосходстве в силах английского флота мы должны избегать вовсе встречи в открытом море».

За все время войны произошло только одно столкновение главных морских сил Германии и Великобритании. Это—бой у Ютландского побережья 31 мая 1916 г.

В этом сражении, которое длилось меньше трех часов, английский флот потерял один линейный корабль, 3 линейных крейсера, 6 крейсеров, 13 миноносцев. Германский флот тогда же потерял один, менее ценный, линейный корабль, 1 линейный крейсер, 4 крейсера, 5 миноносцев. По интенсивности уничтожения Ютландский бой не имеет примера

в истории морской войны. Общие результаты боя вполне благоприятны для германского флота, если сравнивать потери, понесенные обоими флотами. Но при более глубоком анализе получается иная картина.

Наилучшие результаты были достигнуты германским флотом в первой стадии боя, когда он имел против себя лишь авангард английского флота. Когда же подошли главные британские силы, германский флот вынужден был отступить. Правда, это отступление было проведено вполне удачно, с незначительными потерями, но оно снова показало, притом, так сказать, наглядно, что германский флот ни в коем случае не может себе позволить боя в открытом море против английского флота. Германский флот, как это предвидел Бернгарди, вынужден был укрыться под огонь фортов и оставался там до конца войны.

Господство на морских путях Англия сохранила во все продолжение войны, хотя и с некоторыми затруднениями и перебоями, о которых будет речь ниже. Тем самым было обеспечено не только всестороннее снабжение союзников во время войны, но и полная морская блокада Германии. Если для Великобритании свобода морских сообщений была непременным условием, без которого она вообще не могла бы вести войну продолжительное время, то для Германии выпадение морского подвоза чрезвычайно затруднило ведение войны. Положение на морях в значительной мере предрешило исход войны 1914—18 гг.

Господство Англии на морских путях давалось ей не без борьбы, так как германский флот, не имея возможности искать решения в столкновении с главными морскими силами Англии, во все продолжение войны предпринимал партизанские набеги небольшими отрядами или отдельными единицами на обслуживающие Англию и прочих союзников торговые суда, а также на неприятельские военные суда.

Из действий подобного рода наиболее крупными были столкновения германской крейсерской эскадры, в состав которой входили: «Шарнгост», «Гнейзенау», «Лейпциг» и «Дрезден», с английскими эскадрами Крадока и Стурди близ берегов Южной Америки. В первом сражении, происшедшем 31 октября 1914 г. близ чилийских берегов, германской эскадре удалось потопить два линейных крейсера из англий-

ской эскадры («Гуд Хоп» и «Монмаут»). Следующее столкновение имело место 8 декабря 1914 г. близ Фалклэндских островов. На этот раз английская эскадра уничтожила германские суда, за исключением крейсера «Дрезден».

Первый период морской войны со стороны Германии ознаменовался замечательно смелой и энергичной деятельностью небольшой группы быстроходных крейсеров—«Эмден», «Карлсруэ», «Дрезден», «Кенигсберг», «Эйтель Фридрих», «Кронпринц Вильгельм» и другие. Эти суда сумели нанести значительные потери противнику. «Эмден», который действовал в Индийском океане и в юго-западном бассейне Тихого океана, потопил русский крейсер «Жемчуг», французский истребитель «Муске» и двадцать одно английское торговое судно. Из остальных крейсеров-«пиратов» следует назвать «Карлсруэ», который потопил, приблизительно, такое же число торговых судов, как «Эмден».

Деятельность этих немногих крейсеров не на шутку встревожила Англию, которая приняла чрезвычайные меры к их поимке. В охоте за неуловимым «Эмденом» одно время участвовало до 70 военных судов разных классов, и в конце-концов он был потоплен австралийским крейсером. Остальные суда также частично были уничтожены, частично обезврежены, загнаны в нейтральные порты, где они принуждены были разоружиться.

Деятельность этих крейсеров была ликвидирована полностью еще в первом полугодии 1915 г. Как бы для замещения крейсерских набегов Германией 4 февраля 1915 г. объявлена подводная война. Соответствующий приказ начальника морского штаба гласит: «Воды вокруг Великобритании и Ирландии, включая весь целиком английский канал, объявляются театром военных действий. Начиная с 18 февраля, каждое встреченное на этом театре военных действий неприятельское судно будет уничтожаться, причем не всегда будет возможно устранить опасности, грозящие экипажу и пассажирам». Далее указывается, что «не всегда возможно избежать того, чтобы нападения, рассчитанные на неприятельские суда, не затронули также и нейтральные суда».

В первые месяцы войны германские подводные лодки достигли больших успехов в борьбе с неприятельскими военными судами. Особо замечателен факт, когда одна герман-

ская лодка сумела в течение одного дня, 22 сентября 1914 г., потопить три английских линейных крейсера: «Абукир», «Хог», «Кресси». 5 сентября 1914 г. германская лодка потопила крейсер «Патфайндер» у самых берегов Великобритании. В конце октября 1914 г. германская подводная лодка потопила крейсер «Гермес» в английском канале. Что касается коммерческих судов, то Германия в первые месяцы, до объявления подводной войны, вела против них борьбу путем расстановки мин на большом морском пути из Соединенных штатов в Англию. Этот метод, однако, оказался малодействительным, так как Англия приняла меры к охране пути.

Подводная блокада, которая должна была в весьма ощутительной мере задеть интересы Соединенных штатов, первое время осуществлялась Германией не вполне решительно, поскольку не определилась полностью ориентация Америки, и поскольку отсюда Германия через нейтральные страны получала значительное снабжение. Только 31 января 1917 г. под влиянием обострившегося кризиса снабжения Германия объявила «беспощадную подводную войну», уже открыто направленную и против нейтрального торгового флота. С этого времени потери торговых флотов союзников и нейтральных судов от германских подводных лодок резко возрастают.

С начала мировой войны до 1 мая 1916 г. подводными лодками и разбросанными в море минами потоплены были торговые суда с общим водоизмещением в 1 731 тыс. тонн. Потери коммерческого тоннажа у Англии и других государств от подводных лодок с начала 1917 г. и до конца войны по кварталам представляется в следующем виде (данные в тыс. тонн водоизмещения):

	1917 г.		1918 г.
I	1 620	I	1 144
II	2 237	II	962
III	1 494	III	915
IV	1 273		

Таким образом, по сравнению с первыми двадцатью месяцами войны, потери коммерческих флотов значительно увеличились. Вместе с тем, интересна и другая сторона дела.

За исключением второго квартала 1917 г.—следующего непосредственно за объявлением Германией беспощадной

подводной войны, цифры показывают непрерывное снижение. Между тем, число подводных лодок за это время не уменьшилось, а возросло—с 115 единиц к началу 1917 г. до 141 к концу мировой войны. Причина такого несоответствия между силой германского подводного флота и размерами наносимых им потерь заключается в усилении борьбы с подводными лодками в последний период войны. В течение 1915 г. Германией было вновь построено 54 подводных лодки, а союзниками уничтожено 19. В 1918 г. в строй вступило 74 подводных лодки, уничтожено 70.

Германские попытки организовать контр-блокаду государств Антанты при помощи подводных лодок потерпели крушение. Это бесспорно чрезвычайно важный факт в области морской войны за 1914—19 гг.

Попытки непосредственного нападения морского флота на неприятельское побережье не сыграли сколько-нибудь серьезной роли в мировой войне, поскольку состязание с сухопутными укреплениями, поддерживаемыми минными полями, оказалось для фронта непосильным. Из операций подобного рода наиболее поучительной является борьба союзных флотов за овладение Дарданелльскими укреплениями.

Эта операция была предпринята в ноябре 1914 г. соединенными англо-французскими эскадрами. Несмотря на то, что у Дарданелл сосредоточены были большие силы союзных флотов, несмотря на то, что действия союзников сопровождались одновременным нападением русского флота на Малоазиатское побережье Турции, дарданелльская операция закончилась полной неудачей. Союзники после первых поражений усилили флот более новыми судами и значительными десантными отрядами, но и эти мероприятия не привели ни к каким результатам. В начале 1916 г. союзники вынуждены были ликвидировать за бесплодностью дарданелльскую операцию.

Центральной и основной ролью флота во время войны являлась борьба за свободу морских сообщений, и в этом отношении британский флот оказался полным и бесспорным победителем с первых же дней войны.

ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

*

Мирные договоры.

Поскольку Германия являлась главным врагом держав Антанты, изо всех мирных договоров, подписанных после разгрома германской коалиции, наиболее важное значение имеет Версальский договор (28 июня 1919 г.). Председатель германской мирной делегации на парижской конференции, Брокдорф-Рантцау, в своей ноте на имя Клемансо от 29 мая 1919 г. следующим образом характеризует предъявленные Германии требования:

«То, что требует от нас этот договор, превосходит силы германского народа.

«Для восстановления польского государства мы должны отказаться от бесспорно германских областей..., от Данцига, являющегося коренным германским городом... Мы должны согласиться на то, что Восточная Пруссия ампутируется от государственного тела... Мы должны отказаться в пользу Польши и Чехо-Словакии от Верхней Силезии... Мы должны уступить Бельгии округа, в которых преобладает немецкое начало... Чисто германская Саарская область должна быть отделена от нашего государства, и должно быть подготовлено присоединение ее в будущем к Франции, хотя мы должны Франции только уголь, но не людей.

«Рейнские области должны быть оккупированы в течение 15 лет...; до этого срока (союзники) могут делать все, чтобы ослабить хозяйственную и моральную связь с отечеством...

«Расчлененная и ослабленная таким путем Германия должна... в принципе объявить себя готовой нести все во-

енные издержки противников. Эти суммы превзошли бы во много раз все государственное и частное достояние...

«Несмотря на такие чудовищные требования, для нас в то же время делается невозможным восстановление нашей хозяйственной жизни. Мы должны выдать наш торговый флот.

Мы должны отказаться от всех наших заграничных ценностей. Мы должны передать противникам имущество, вложенное во все германские заграничные предприятия.. Мы должны совершенно отказаться от наших колоний...

«Даже внутри страны мы должны отказаться от нашего права на самоопределение. Международная репарационная комиссия получает диктаторскую власть над всей нашей народной жизнью в хозяйственной и культурной областях, ее правомочия идут дальше тех прав, которыми обладали император, германский союзный совет и рейхстаг...

«И в других областях отменяется суверенность Германии. Ее главные реки подчиняются международному управлению... Она должна согласиться на договоры неизвестного содержания, которые ее противники заключили с новыми государствами Востока, даже об ее собственных границах. Германский народ исключается из Лиги народов»... (Ключников и Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II, стр. 251—252).

По Версальскому договору Германия согласилась на все пункты, здесь перечисленные. Кроме того, Германия отказалась в пользу Франции от Эльзас-Лотарингии, на что германская делегация изъявила согласие с начала переговоров. Германия также подверглась чрезвычайно жестким ограничениям в строительстве вооруженных сил. Численный состав армии был установлен в размере не свыше 100 000 чел., при комплектовании армии лишь добровольцами и сроке службы в 12 лет; совершенно запрещено было вести подготовку молодежи вне армии, в добровольных обществах. На границе с Францией (на 50 *км* к востоку от Рейна) Германия не должна иметь никаких укреплений. Армии не разрешается иметь авиацию и танки. Генеральный штаб должен быть распущен. Специальная междусоюзническая комиссия контролирует наличность германских вооружений и работу военной промышленности.

Сумма германских репараций первоначально (на конференции в Булони в июне 1920 г.) установлена была в 269 млрд. марок, по лондонскому ультиматуму от 5 мая 1921 г. снижена была до 136 млрд. По подсчетам Вашингтонского института народного хозяйства репарационные платежи Германии на 1 октября 1922 г. составили 25 791,4 млн. марок

Все эти и многие другие санкции преследовали помимо прочего одну основную цель—максимальное ослабление Германии, растущая мощь которой послужила важнейшей причиной мировой войны.

Следующим по важности делом мирных договоров является оформление распада Австро-Венгрии. Если при переговорах с Германией союзники имели перед собою хотя и разгромленного, но все же определенного контрагента, могущего говорить от имени всей страны, то к моменту ведения мирных переговоров единой Австро-Венгрии уже не существовало; победители воспользовались этим положением, чтобы установить наиболее выгодные границы с точки зрения своих дипломатических планов.

На территории бывшей Австро-Венгрии созданы три независимых государства—Австрия, Венгрия и Чехо-Словакия. Кроме того, значительные части территории отошли к Польше, Румынии, Югославии и Италии. Перекройка карты Европы в границах бывшей Австро-Венгрии шла под выигрышным лозунгом самоопределения наций. Но, с одной стороны, новым и обновленным государствам, покровительствуемым Антантой, был передан ряд значительных областей с инонациональным населением. С другой стороны, специальным пунктом Версальского договора с Германией и Сен-Жерменского договора с Австрией оговорено, что Австрия не может осуществить свое присоединение к Германии без согласия Совета Лиги наций.

Далее, по Севрскому договору с Турцией, впоследствии исправленному в некоторых важных пунктах Лозаннским договором 1923 г., границы турецкого государства в Азии резко сжались. На территории бывшей Турции созданы были новые зависимые области, на управление которыми были переданы мандаты Англии (Ирак, Трансиордания, Палестина) и Франции (Сирия).

Наконец, договор с Болгарией в Нейи предусмотрел зна-

чительные территориальные уступки со стороны побежденной страны. Важнейшие из этих уступок—передача болгарской Македонии Югославскому государству и Западной Фракии—Греческому королевству.

Заключенные после разгрома германской коалиции мирные договоры имели в виду, главным образом, удовлетворение двух наиболее крупных держав из группы победителей.

Что касается Великобритании, то ее главная цель была достигнута самым разгромом Германии, ее экономическим ослаблением, ликвидацией морского торгового флота и военно-морской мощи. Она унаследовала также большую часть германских колоний—германскую Восточную Африку, Камерун, германскую юго-западную Африку, ряд тихоокеанских островов. Но наиболее ценными территориальными приобретениями Англии бесспорно являются т.-наз. мандатные государства Ирак и Палестина, распоряжение которыми позволяет установить сухопутную и воздушную связь между Южной Африкой и Индией. Кроме того, Ирак представляет громадную ценность по своим природным богатствам.

Франция в результате войны получила Эльзас-Лотарингию, огромные ценности в виде репараций (Франции достается 52% всех репарационных платежей Германии), значительные колониальные приращения (мандаты на Камерун и Того—совместно с Англией, и на Сирию). Одним из важнейших плодов победы для Франции явилась возможность перекройки карты Европы в соответствии с собственными интересами. Она намеренно усилила ряд небольших государств за счет Германии и Австро-Венгрии с таким расчетом, чтобы они постоянно зависели от помощи Франции и тем самым находились бы под влиянием французской дипломатии. Созданием мощного Югославского государства Франция обеспечила себе важного помощника на случай столкновения с Италией. В результате, Франция после Версальского мира стояла во главе целой системы союзов и фактически имела гегемонию на европейском континенте.

Италия добилась значительных завоеваний—она получила от Австрии Триест, Трентино, Южный Тироль, от Турции—ряд островов в Эгейском море. Но все эти завоевания не привели к радикальному усилению позиций итальянского империализма.

Соединенные штаты отказались от каких бы то ни было территориальных приобретений. За участие же в войне 1914—18 гг. Соединенные штаты получили достаточное вознаграждение и без мирных договоров, в виде бурного роста финансового и экономического могущества.

Подлинный победитель.

Нет никакого сомнения, что после империалистической войны картина мира коренным образом изменилась. Но изменилась она далеко не в том направлении, о каком мечтали великие державы противогерманской коалиции, когда они решительно и твердо шли на войну.

Если основной пружиной мировой войны был англо-германский антагонизм, то исход войны, несмотря на блестящую победу противогерманской коалиции, принес результаты, мало отрадные для Англии.

В самом деле, посмотрим, как изменились соотношения экономических сил великих капиталистических держав по важнейшим пунктам от 1913 г. к относительно благополучному для европейских стран 1927 г.:

	Уголь	Чугун	Сталь
	(В миллионах тонн)		
Великобритания (с Ирландией)			
1913 г.	292,0	10,4	7,8
1927 г.	255,3	7,4	9,3
Процент 1927 г. к 1913 г. .	87	71,1	118,2
Германия			
1913 г.	190,1	19,3	18,3
1927 г.	153,6	13,1	16,3
Процент 1927 г. к 1913 г. .	80,8	68	89,1
Франция			
1913 г.	40,1	5,2	4,7
1927 г.	51,7	9,3	8,3
Процент 1927 г. к 1913 г. .	129	178,8	176,7
Соединенные штаты			
1913 г.	517,0	31,4	31,8
1927 г.	544,8	37,1	45,7
Процент 1927 г. к 1913 г. .	105,4	118,1	143,7

В этой таблице обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что по соотношению продукции 1927 г. к 1913 г. победительница Великобритания за исключением стали находится лишь в немного лучшем положении, чем разбитая и раздавленная Германия. При этом необходимо иметь в виду не только общий тяжелый разгром Германии в миро-

вой войне, но и особенно потерю Германией таких важных областей тяжелой промышленности, как Лотарингия и Верхняя Силезия. Не менее важно и то, что и в настоящее время по абсолютным размерам выплавки чугуна и стали Германия стоит далеко впереди Великобритании.

Второй существенный вывод из таблицы заключается в том, что, несколько ослабив своего прежнего соперника, Германию, Англия в области продукции чугуна и стали собственными руками создала себе нового, весьма серьезного соперника на европейском континенте в лице Франции.

Наконец, самое важное—это развитие Соединенных штатов, тяжелая промышленность которых по всем трем приведенным элементам находится в несравненно более благоприятном положении по отношению к 1913 г., чем Англия.

Посмотрим, далее, как обстоит дело с внешней торговлей Англии и ее конкурентов (данные в млн. марок):

	1913 г.	1927 г.	Процент 1927 г. к 1913 г.
Великобритания			
Импорт	15 704	24 940	158,9
Экспорт	12 970	17 020	131,2
Германия			
Импорт	10 770	14 143	131,3
Экспорт	10 097	10 797	106,0
Франция			
Импорт	6 821	8 728	128,0
Экспорт	5 573	9 119	165,2
Соединенные штаты			
Импорт	7 525	17 604	234,0
Экспорт	10 428	20 466	196,3

Таким образом, из всех перечисленных стран Великобритания стоит на предпоследнем месте по приросту экспорта (последнее место занимает Германия). Соотношение между импортом и экспортом стало более неблагоприятно, чем в 1913 г. Но особенно важно то обстоятельство, что по абсолютному размеру экспорта Великобритания, традиционная страна внешней торговли, уступила занимавшееся ею в течение многих лет первое место Соединенным штатам. Существенное значение имеет и более быстрый рост импорта Соединенных штатов по сравнению с экспортом и высокий размер этого импорта. Несмотря на существование жестких, порою прямо запретительных покровительственных пошлин в Соединенных штатах, эта страна догоняет Великобрита-

нию по размерам импорта. В 1913 г. американский импорт составлял несколько менее 50% английского; в 1927 г. он уже достигает 70% последнего.

В отношении морского торгового флота к 1 июля 1928 г. по сравнению с тем же числом 1914 г. произошли следующие изменения (данные в брутто-регистровых тонн):

	1914 г.	1928 г.	Процент 1928 г. к 1914 г.
Великобритания	19 256 766	19 875 350	103,2
Германия	5 459 296	3 777 251	69,0
Франция	2 319 438	3 344 465	144,2
Соединенные штаты . .	3 015 430	12 092 885	401,0
Япония	1 708 386	4 139 815	242,4
	49 089 552	66 954 659	136,4

И здесь мы видим неблагоприятное положение Великобритании. Рост ее торгового флота значительно отстает от общемирового прироста. Это означает, что удельный вес английского флота в мировом тоннаже понизился. Еще хуже обстоит дело для Англии при сравнении с отдельными конкурирующими странами.

Правда, Англии удалось существенно оттеснить своего наиболее опасного предвоенного конкурента—Германию. Что же касается Франции и особенно Японии, конкуренция которой на Дальнем Востоке непосредственно и серьезно задевает Англию, то ими достигнуты большие успехи. Одна только Япония приобрела большее количество тоннажа, чем то, какое Германия потеряла по сравнению с 1914 г.

Наконец, самое важное—это громадный рост тоннажа Соединенных штатов. Если в 1914 г. Англии внушал самую серьезную тревогу торговый флот Германии, составлявший немногим более 28% английского, то гораздо более серьезную угрозу для Англии представляет нынешний американский флот, тоннаж которого превышает 60% английского тоннажа. С развитием торгового флота непосредственно связано и усиление военно-морского соперничества.

Таким образом, по всем основным показателям Англия отстает по сравнению с Соединенными штатами. Если перед войной Англию беспокоила не столько абсолютная мощность германского хозяйства, сколько быстрый темп его роста, то в отношении Соединенных штатов положение другое. Соединенные штаты отстают от Англии по размерам внешней торговли и торгового флота, но это есть проявление именно

наиболее сильной стороны американского хозяйства—наличия чрезвычайно мощного внутреннего рынка. Потенциальные силы Соединенных штатов громадны, и в тот момент, когда внутренний хозяйственный кризис обострит интерес Америки к внешним рынкам, Англия окажется в весьма затруднительном положении.

Наиболее ярким выражением мощи Соединенных штатов является положение этой страны на международном рынке капиталов.

Перед войною вложения Соединенных штатов за границей составляли 2 265 млн. долларов, в 1927 г.—14 500 млн. Еще важнее то обстоятельство, что перед войною Соединенные штаты были прежде всего страною-должником, т.-е. ее задолженность другим странам превышала, и при том весьма значительно, ее заграничные вложения. Так, одной только Франции Соединенные штаты ко времени объявления войны должны были 6 млрд. долларов.

Основой этого изменения в роли Соединенных штатов на рынке капиталов было громадное превышение вывоза над ввозом. За 1915—1919 гг. активное сальдо по внешней торговле составило около 14 млрд. долларов. Соединенные штаты имеют постоянное преимущество перед Англией в том отношении, что они вообще являются страною не ввоза, а вывоза важнейших видов продовольствия и сырья. И в годы, следующие за заключением мира, Соединенные штаты продолжают притягивать, благодаря активному торговому балансу, значительное количество золота извне, между тем как Великобритании приходится из года в год употреблять большую часть своих золотых поступлений по другим статьям (прежде всего, от займов и фрахтов) на покрытие золотого дефицита по внешней торговле.

Потеря Великобританией мирового первенства, как страны кредитора, теперь совершенно бесспорна. Достаточно привести признание весьма известного Авгура на страницах «Фортнайтли Ревью» от февраля 1928 г. (статья Changing Fates of Great Britain):

«Наиболее могущественные лица в современной Европе—это два американца: мистер Бенджамен Стронг, президент Бюро федеральных резервных банков в Нью-Иорке, и мистер Паркер Джильберт, генеральный агент по репара-

циям в Берлине. Один господствует над всей финансовой ситуацией, другой разговаривает с великой державой, как с равным. Исключительное могущество этих двух человек— это яркое выражение той власти, какую Соединенные штаты приобрели в делах нашего континента».

Самое важное это то, что Соединенные штаты не только стали серьезным конкурентом Великобритании на рынке капиталов, но и непосредственным кредитором самой Англии. Не говоря уже о военном долге Соединенным штатам, который определен в 4 600 млн. долларов, Англия оказывается в финансовой зависимости от Соединенных штатов в двух для нее гораздо более опасных пунктах. Первый—это валютное соглашение Английского Банка с Бюро федеральных резервных Банков, обязывающее Англию определенным образом регулировать английский денежный рынок. Второй—это скупка американским капиталом акций крупнейших английских предприятий.

Насколько реальна эта последняя опасность для английской промышленности, видно из того, что несколько крупнейших английских акционерных компаний, как «Дженерал Электрик», «Эмпайриэл Эрвейз» и «Маркони Лимитэд», приняли специальные постановления об ограничении иностранных акционеров в праве голоса. Но еще более знаменательно то, что эти постановления не так легко провести в жизнь. Как сообщает лондонский экономический корреспондент «Берлинер Тагеблатт» в номере от 18 марта 1929 г., сэр Гуго Херст, руководитель «Дженерал Электрик» и инициатор предложения об ограничении прав иностранных акционеров, убедился в том, «что его позиция, повидимому, могла бы привести к весьма серьезным контр-мерам в Нью-Йорке, которые могли бы принести ущерб не только его фирме, но и всему английскому хозяйству», и поэтому воздерживается от проведения в жизнь предложенной им меры.

Экономическая зависимость Англии от американского капитала признается весьма серьезными наблюдателями английской хозяйственной жизни.

Лондонский корреспондент такой солидной буржуазной газеты, как «Фоссише Цайтунг», Эдвардс в номере от 25 февраля 1928 г. рисует такие неутешительные перспективы для английского хозяйства:

«Если соглашение (Англии. *Н. Н.*) с Германией не осуществится, тогда Англия *вынуждена будет капитулировать перед Америкой,* предоставить американцам рационализировать английскую промышленность, тогда американский капитал, который уже сделал первый несмелый опыт в элетро-технической промышленности Англии, проникнет также в пока еще недоступную горную промышленность и тогда новейшие английские заводы станут лишь вспомогательными фабриками по производству всякого рода американских стандартных товаров. Английская угольная промышленность даст тогда американцам приятную возможность с английской территории проникнуть на рынки химических предприятий европейского континента, прежде всего путем массового производства продуктов перегонки угля».

Если подвести общие итоги тому, насколько Англии удалось в результате войны 1914—1918 гг. обеспечить свое мировое первенство от наиболее серьезных конкурентов, то приходится сделать вывод, что война принесла английскому империализму нечто противоположное его чаяниям и стремлениям.

Успешно справившись со своим важнейшим конкурентом предвоенной эпохи—с Германией, английский империализм в то же время вырастил и укрепил другого, не менее опасного соперника—Соединенные штаты, которые особенно обогатились именно в процессе империалистической войны и после нее не могли не выйти на широкую международную арену.

Вместе с тем, война значительно уменьшила внутреннюю консолидацию самой Великобритании. Большие успехи доминионов в области индустриализации, обусловленные благоприятной военной конъюнктурой, создали громадные центробежные тенденции внутри Британской империи. Национально-революционные движения, которым мировая война дала сильнейший толчок, составляют угрозу прежде всего для Англии, империализм которой характеризуется, в первую очередь, колониальными монополиями. Наконец, в обстановке утраты Англией былых мировых позиций и сокращения ресурсов для подкупа верхушки рабочего класса необеспеченным является гражданский мир, долженствующий предохранить Англию от натиска пролетарской революции.

Великая стачка 1926 г. нагляднейшим образом иллюстрирует это положение.

Страна, возглавлявшая противогерманскую коалицию, в результате победоносной войны стала утрачивать мировое первенство гораздо более быстрым темпом, чем это имело место до войны. Это совершенно бесспорный факт.

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

*

Протекционизм и балканизация Европы.

Мировая война, ее уроки и ее последствия много содействовали усилению протекционизма во всех капиталистических странах.

Прежде всего, опыт войны показал, насколько важно для воюющей страны обеспечить себя национальным производством необходимых для ведения войны продуктов, как промышленных, так и земледельческих. Отсюда повсеместное распространение мероприятий по насаждению недостающих отраслей промышленности и сельского хозяйства. В промышленности это особенно сказывалось и сказывается в поощрении химической и автомобильной промышленности, как имеющих первостепенное военное значение.

Далее, в результате громадных военных расходов, увеличились бумажно-денежные эмиссии, а также платежи по иностранному долгу. Оба эти момента обусловили стремление экономить золото, в частности, путем максимального сокращения ввоза за счет собственного производства импортируемых товаров.

Наконец, для старых и мощных в промышленном отношении стран оказалось необходимым принятие специальных мер для защиты внутреннего рынка, в силу общего кризиса перепроизводства, наступившего после войны, и угрожающей конкуренции со стороны стран с более низкими издержками производства.

Все эти моменты и определили общую для всех государств политику всемерного государственного поощрения промышленности.

Председатель германской делегации на Женевской экономической конференции Тренделенбург в феврале 1927 г. сделал в Базельском статистико-экономическом обществе доклад, в котором, между прочим, подвел следующие итоги протекционистским мероприятиям разных государств после войны:

«Экономический национализм послевоенного времени проявляется прежде всего в сильном повышении пошлин на промышленные фабрикаты. Даже Англия—страна свободной торговли—ввела очень высокие пошлины для части импортных товаров и намерена экономически теснее связаться со своими колониями при помощи преференциальной системы. Неопределенность хозяйственного положения и валютных условий затруднила заключение тарифных договоров на длительный срок. Непостоянство и сюрпризы в таможенных расчетах стали всеобщим явлением, и имеется сильная тенденция проводить повышение тарифов не путем закона, но при помощи разного рода административных распоряжений. На ряду с этим, страшно возросла дифференциация таможенных тарифов. Если сосчитать все товары, для которых в тарифах или торговых договорах существуют отдельные ставки пошлин, то в настоящее время получим число различных ставок: для Гаити—13 300, для Франции—4 371, для Италии—3 544, для Бельгии—3 038, для Германии—2 300, для Швейцарии—1 389. Так как эти страны при возрастающей специализации исходят из совершенно различных точек зрения, то положение разных товаров на мировом рынке в отношении таможенных пошлин становится все сложнее, и затруднения для мировой торговли все возрастают.

«Сюда присоединяются разрешения вывоза и ввоза, предписания об обозначении страны происхождения товаров, что действует особенно протекционистски в связи с постоянным психологическим воздействием на покупателя каждой данной страны, весьма распространенная во многих странах система субвенционирования и, наконец, принуждение, касающееся далеко не одних только государственных заказов, при покрытии потребности отдавать предпочтение отечественному производству, как это, например, предусматривает испанский промышленный декрет».

Особый интерес представляет громадный рост ввозных пошлин на хлопчато-бумажные ткани. Если взять небеленую материю весом 100 *г* на *кв. м* с 30 нитями по 25 *кв. мм*, то за 100 *кг* такой материи взимали пошлин по общим тарифам в своих денежных единицах:

	1913 г.	1926 г.
Германия	50	100
Австрия	80	105
Испания	450	1 500
Франция (зол. фр.) . .	144	2 400
Венгрия	80	135
Италия	75	110
Румыния (зол. лей) . .	130	249
Индия	3,5	11
Япония	18	26

Общее и притом значительное увеличение пошлин наблюдается во всех странах. Но особенно интересно, что наибольшее увеличение отмечается не только в Индии—стране молодой и сравнительно слабой фабричной промышленности, но и в такой передовой промышленной стране, как Франция.

Обострение протекционизма в Европе еще усугубляется громадным увеличением протяжения государственных границ после войны. Вновь образованные государства—Польша, Чехо-Словакия, Литва, Латвия, Эстония—ведут последовательную протекционистскую политику не хуже старых европейских стран.

Стремление к самодовлению, к максимальному покрытию своих потребностей за счет собственного производства безжалостно уродует мировое разделение труда. Разумеется, существовавшее до войны разделение труда между странами, основой которого являлось сосредоточение подавляющей части промышленного производства в немногих странах, вовсе не было идеальным с точки зрения рациональной организации мирового хозяйства. Но единственный путь к ликвидации этих ненормальностей заключается в индустриализации аграрных стран, максимальном развитии мировых связей на основе полного и действительного равноправия отдельных составных частей мирового хозяйства. Ясно, что непременной предпосылкой такой организации является победа пролетарской революции во всем мире.

В послевоенном же обострении протекционизма и национального самодовления с величайшей рельефностью про-

ступает вся реакционность империализма, несоответствие между интернациональной сущностью и национальной организацией мирового хозяйства. Здесь, как и во многих других пунктах, мировая война только еще более обострила существовавшие и до нее глубочайшие противоречия капитализма, которые могут быть разрешены только с его уничтожением.

Технические изменения в мировом хозяйстве.

Мировая война с ее машинизацией, химизацией и развитием механического транспорта, характеризующаяся неутомимой борьбой за количественное и качественное преобладание боевых средств, дала гигантский толчек разного рода механическим изобретениям, открытиям и усовершенствованиям. Первый стимул к подобного рода улучшениям давали запросы военной техники. Из этих открытий и усовершенствований главнейшие составляют применение химического оружия, развитие авиации и автомобильного транспорта. Стимул второго порядка—это колоссальная нужда в сырых материалах и фабрикатах, вызванная неслыханными масштабами и неслыханной прожорливостью войны, отсюда в первую очередь выросли электрификация и развитие теплотехники, производство искусственного сырья, а также новая роль стандартного и серийного производства. Наконец, последний стимул—новые условия конкуренции на мировых рынках в результате перегруппировок, произведенных войною 1914—1918 гг. Все эти изменения в технике и организации производства существенно изменили облик капиталистического хозяйства.

Прежде всего следует упомянуть об изменениях в области энергетики.

Предельное развертывание промышленности в воюющих странах и в странах-поставщиках и громадная интенсификация работы транспорта соответственно повысили потребность в каменном угле, который занимал абсолютно доминирующее положение в энергетическом хозяйстве транспорта и промышленности. Между тем, отлив рабочей силы из промышленности вследствие мобилизации обусловил значительное снижение продукции каменного угля, как это показывает нижеследующая табличка (данные в тыс. тонн):

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Великобритания	292 043	269 428	257 257	260 477	252 475	231 403
Германия	190 109	161 385	146 868	159 170	167 747	158 250
Франция	40 051	26 841	18 858	20 542	27 857	24 941
Бельгия	22 842	16 714	14 178	16 863	14 931	13 891
Итого по 4 странам	545 045	474 368	437 161	457 052	463 010	428 485

Недостаток и дороговизна каменного угля в производящих странах поставили во всей остроте вопрос об экономии угля и об изыскании других, более дешевых видов энергии. Резкое сокращение британского угольного экспорта и полное прекращение экспорта каменного угля из Германии в нейтральные и внеевропейские страны создали благоприятную конъюнктуру для использования других источников энергии, как и для развития туземной промышленности каменного угля.

Наиболее важное по своим последствиям явление в мировом энергетическом хозяйстве—это развитие электрификации. Какой громадный скачек сделан в этой области по сравнению с довоенным временем, показывают следующие цифры. В Германии мощность установок составляла: в 1913 г.—1,5 млн. киловатт, в 1925 г.—6,1 млн.; производство энергии за тот же период возросло с 2,2 до 11,5 млрд. киловатт-часов. Во Франции мощность установок с 1 000 000 л. с. в 1913 г. увеличилась до 3 620 000 л. с. в 1924 г.

Электрификация давала возможность не только с большей эффективностью употреблять каменный уголь, но и использовать другие виды энергии в невиданных ранее размерах.

Здесь надо упомянуть прежде всего о малоценных видах топлива, которые не окупают перевозки на большие расстояния, как бурый уголь и торф. Характерно, что в то время как мировая добыча каменного угля в 1927 г. составляла 1 276,4 млн. тонн против 1 216,3 млн. тонн в 1913 г., т.-е. увеличилась всего только на 5%, добыча бурого угля возросла с 125,0 до 191,1 млн. тонн, т.-е. на 53%.

Несравненно более важное значение имеет использование водной энергии, которое в ряде стран дает большую часть производимой электроэнергии. Достаточно упомянуть о Канаде, в которой, несмотря на наличие гигантских запасов каменного угля, электрические установки в подав-

ляющей части работают на водяной энергии. В 1926 г. общая мощность гидроэлектрических станций здесь составляла 4 288 254 л. с. Во Франции в 1924 г. около 66% всей мощности электроустановок базировалось на водной энергии. Такие страны, как Италия, Испания, Норвегия, благодаря гидроэлектрификации получили громадный толчок для развития.

Приводимые ниже цифры мощности электроустановок Германии по основным источникам энергии в 1913 г. и 1924 г. наглядно подчеркивают коренные тенденции в современной электрификации:

	Тыс. квч.		Процент к итогу	
	1913 г.	1924 г.	1913 г.	1924 г.
Каменный уголь	896	2 100	62,0	49,0
Бурый уголь	380	1 550	26,3	36,1
Торф	0	14	0	0,3
Нефть	37	63	2,6	1,5
Вода	131	156	9,1	13,1
	1 444	4 287	100,0	100,0

Таким образом, при резком повышении общей цифры мощности, здесь налицо значительное снижение удельного веса каменного угля и нефти—более ценных видов и одновременный рост роли бурого угля и водяных сил. Необходимо при этом иметь в виду, что Германия принадлежит к числу стран, относительно бедных водными ресурсами. Внутри Германии только одна область богата водной энергией, это—Бавария, которая, как известно, до сих пор не занимала выдающегося положения в германской промышленности.

Какое значение придается электрификации наиболее вдумчивыми деятелями капитализма, видно из выступления видного английского консерватора и директора болдуиновского концерна Роберта Хорна на первой всемирной энергетической конференции в Лондоне (1924 г.). В этой речи Хорн, между прочим, сказал следующее:

«Общеизвестно, что в результате войны Европа оказалась в очень тяжелом положении... и даже вне Европы много стран обеднело. Интересно сравнить положение мира теперь с тем, которое создалось после наполеоновских войн. Раны, нанесенные наполеоновскими войнами, были залечены развитием добычи каменного угля, использованием пара и

механизацией производства, чем не только были восстановлены потери военного периода, но и положено начало быстрому прогрессу мирового хозяйства. Где надо нам сегодня искать путей спасения мира от разрушений? Единственное практическое разрешение проблемы заключается в развитии применения электрической энергии. Европа и весь мир имеют энергетические ресурсы, которые, будучи целесообразно использованы, могли бы вернуть былое благосостояние нашему цивилизованному обществу».

Роберт Хорн правильно указал на то, что победное шествие пара не случайно приходится на эпоху после наполеоновских войн, как и бурный рост электрификации явился в результате мировой войны. Но в его замечании, что, впрочем, вполне естественно, не расшифрован социально-экономический смысл этих явлений. Хорн не понял того, что торжество парового двигателя составило основу новой эпохи промышленного капитализма, между тем как создание гигантских источников электроэнергии и покрывающих целые страны линий электропередачи вплотную подводят человечество к проблеме планового хозяйства, к необходимости перехода к более высокому—социалистическому—строю.

Успехи теплотехники в основном сводятся к двум пунктам. Первое—это улучшенное использование малоценных видов топлива, как торф, бурый уголь, низкие сорта каменного угля. Второе—повышение коэффициента полезного действия всех видов топлива. Применение специальных конструкций даст возможность эффективно использовать малоценное топливо. Рациональное сжигание угля под топками благодаря правильно поставленному наблюдению, само по себе в состоянии дать экономию в размере от 10 до 15%. Усовершенствования в силовых установках, особенно в паротурбинных, действуют в том же направлении. Здесь особо стоит отметить получившее широкое распространение накопление запасов отработанного пара и их последующее использование. В данной связи следует также упомянуть о т. н. дальнем газе, о снабжении городов для промышленных и бытовых надобностей газом доменных печей, передаваемым на большое расстояние.

Резкий скачек в потреблении нефти, добыча которой в 1913 г. составляла 53 301 тыс. тонн, а в 1927 г.—173 132

тыс. тонн, обусловлено не только бурным ростом автомобильного и авиационного транспорта и числа двигателей внутреннего сгорания на судах, но также применением нефтяного топлива под паровыми котлами, так, например, в 1914 г. паровые машины с нефтяными топками имели суда с тоннажем в 1 210 209 брутто регистровых тонн, что составляло 2,7% всего мирового тоннажа, в 1928 г. тоннаж судов с нефтяными топками составлял 18 481 759 брутто регистровых тонн, т. е. свыше 26% мирового тоннажа.

В одном ряду с развитием электрификации по своему значению должны быть поставлены изменения в области химической промышленности. Могущественным стимулом в этом направлении послужила обозначившаяся роль новых химических средств борьбы, именно эта роль со всей повелительностью поставила перед капиталистическими странами задачу максимального расширения основных отраслей мирной химической промышленности, являющейся базой производства боевых отравляющих веществ. Не меньшее значение имела острая нужда в различных видах химического сырья и химических фабрикатов для нужд военного снабжения.

В странах противогерманской коалиции прекращение импорта красок и фармацевтических препаратов из Германии, бывшей до войны почти монопольным поставщиком в этой области, дало толчек к созданию и расширению собственной красочной промышленности. В таких странах, как Англия, Франция, Соединенные штаты, Италия, Япония, отечественное производство почти полностью покрывает спрос внутреннего рынка.

Но если этим странам война дала стимул к ликвидации германской монополии в производстве красок, то Германии, больше всего страдавшей от блокады, она дала толчок к изобретениям и открытиям в совершенно новых областях и к развитию соответственных отраслей промышленности, прежде всего, по производству искусственного сырья. Резко выявившееся во время мировой войны значение обеспеченности сырьем с точки зрения обороны, а также валютные затруднения всех крупных европейских стран после окончания войны, толкавшие к максимальному сокращению ввоза, привлекли внимание всех промышленных стран к проблеме искусственного сырья.

Здесь на первом месте бесспорно следует поставить производство искусственной селитры по способу Габера-Боша, показавшее бурный рост за время войны и после нее. С объявлением войны Германия была отрезана от снабжения чилийской селитрой, которая доставляла половину всего потребного для нужд сельского хозяйства и промышленности количества азота. Между тем, военная обстановка повысила спрос на азот для производства взрывчатых веществ, а блокада и недостаток продовольствия заставляли уделять большую часть азота земледелию для поддержания плодородия почвы. Производство связанного азота по способу Габера-Боша, которое в 1913 г. составляло 3 000 тонн, а в 1918 г. достигло 3 000 000 тонн, вполне удовлетворительно разрешило эту проблему. Больше того, и по окончании войны производство сильно расширялось и не в одной только Германии, но и в других странах, так как синтетическая селитра оказалась значительно дешевле естественной и успешно конкурирует с нею на внешних рынках.

Если в 1897 г. германская промышленность, приступив к массовому производству синтетических красок, нанесла сокрушительный удар индиговой культуре в Индии, то это все же для страны в целом не могло иметь такого серьезного значения, какое для Чили имеет разгром ее былой азотной монополии. Необходимо учесть, что до войны вывозные пошлины на селитру составляли около половины всех доходов чилийского правительства и что добыча селитры является важнейшей отраслью чилийской промышленности. Правда, селитренная промышленность Чили по сравнению с культурой индиго в Индии находится в несравненно более выгодном положении, поскольку она находится в руках могущественных концернов и банкирских домов, которые не так-то легко откажутся от своих позиций. Но в лучшем случае чилийские предприятия могут рассчитывать на получение определенной льготы в интернациональном азотном картеле—к прежнему положению монополистов им уже больше не вернуться.

Необходимо далее упомянуть о таком важном достижении германской химии эпохи войны, как производство искусственного каучука. Основными материалами в этом производстве служили уголь и известь. Твердые изделия из этого

сырья стояли выше изготовляемых из естественного каучука, между тем как мягкие изделия были хуже по качеству. Таким путем во время войны изготовлено было 2 500 тонн каучука. Искусственный каучук обходился слишком дорого по сравнению с натуральным, и потому с окончанием войны производство было прекращено. Однако, лабораторные работы по усовершенствованию и удешевлению производства не прерывались. Судя по скупым сообщениям германской прессы, к настоящему времени в этом отношении достигнуты значительные успехи. Это подтверждается и заявлением знаменитого германского ученого Гофмана на Питтсбургском угольном конгрессе 1928 г., что производство искусственного каучука из угля возможно будет поставить.

Открытые известными германскими химиками Бергиусом и Фишером различные способы получения бензина, дизельного горючего, мазута и смазочного масла из каменного угля имеют совершенно исключительное значение. Новое производство искусственного горючего вторгается в сферу, где до сих пор господствовали немногие монополисты, в нефтяную промышленность, представляющую собою одну из наиболее пропитанных политикой отраслей мирового хозяйства.

Открытие профессора Бергиуса в настоящее время уже реализуется. По сообщению руководителя гигантского химического треста «И. Г.» Боша, в 1928 г. производство искусственного бензина должно составить около 100 000 тонн, а в следующем году продукцию предположено удвоить. Заводы по производству искусственного горючего оборудуются, а частично уже оборудованы, в Соединенных штатах, в Англии, во Франции.

Заслуживает внимания сообщение Бергиуса на мировом энергетическом конгрессе в Питтсбурге, в ноябре 1928 г., об открытом его сотрудником способе производства искусственного каменного угля из бурого угля и целлюлозы.

Промышленность *исскуственного шелка* во время войны получила относительно слабое развитие, главным образом, вследствие недостаточной прочности волокна в то время. Но общий прогресс химической науки за время войны, особенно достижения в обработке целлюлозы, подготовили пути к улучшению качества искусственного волокна. С другой сто-

роны, валютная нужда европейских стран в послевоенные годы и выдающееся значение, с точки зрения военной подготовки, промышленности искусственного шелка, легко приспособляемой к производству порохов, обусловили бурное ее развитие за последние годы. Мировое производство искусственного шелка составляло:

Годы	Тыс. кг
1913	11 000
1914	12 000
1916	15 000
1919	20 000
1921	30 000
1923	44 000
1925	85 000
1927	133 000
1928	159 000

Как видим, в данной отрасли производства искусственного сырья наблюдается грандиозный темп роста, дающий увеличение по сравнению с довоенным временем в целых 12 раз. Надо признать, что искусственный шелк (точнее, искусственное волокно) пока еще в незначительной степени заменяет или вытесняет естественное текстильное сырье. Достаточно назвать цифру мирового потребления одного лишь хлопка — 22 951 тыс. кип. в 1912/13 г. и 26 141 тыс. кип. в 1926/27 г., чтоб убедиться в этом. Основная причина здесь заключается в незавершенности исследовательских работ в этой области. Искусственное волокно по качеству до сих пор еще далеко уступает естественному. Разрешение технической проблемы искусственного шелка способно вызвать далеко идущие изменения в мировой текстильной промышленности и в сельском хозяйстве стран, производящих текстильное сырье.

Дальнейшие успехи в производстве искусственного сырья вообще, особенно, каучука, жидкого горючего и волокна, бесспорно обусловят новое перераспределение сил между капиталистическими странами в пользу стран передовой техники за счет стран, ныне владеющих соответствующими источниками естественного сырья; одновременно это означает соответствующие перегрупировки внутри отдельных стран. Это не следует понимать в том смысле, что нынешние монополии естественного сырья в ближайшее время будут полностью ликвидированы и уступят место монополиям хи-

мического производства. Здесь наиболее вероятен путь соглашений между теми и другими монополистами, но это именно и означает, что сырьевые монополисты должны будут поступиться солидной долей своих рынков и своих сверхприбылей в пользу новых групп.

Выдающийся интерес как по реальным достижениям, так и особенно по открывающимся перспективам представляет технический прогресс в сельском хозяйстве Соединенных штатов.

Несмотря на то, что эта страна имеет лишь 4% всего сельского населения земного шара, она дает около 20% мирового сбора пшеницы, 65% сбора кукурузы, 60% хлопка и т. д. Выдающееся значение Соединенных штатов в мировом сельскохозяйственном снабжении, наличие больших земельных пространств, машинизация земледелия и высокая земледельческая культура—все это делает особо знаменательными те сдвиги, которые происходят в сельском хозяйстве Соединенных штатов.

Недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве, обострившийся во время войны особенно в период уборки хлеба, в сильнейшей степени стимулировал машинизацию земледелия.

Именно к этому времени относится изобретение комбайнов для уборки пшеницы—машин, которые одновременно убирают и молотят зерно, очищают его и складывают в мешки, и сходных машин для сбора хлопчатника и очистки коробочек от хлопка. Резкое падение хлебных цен с ликвидацией военной конъюнктуры (индекс пшеницы в Чикаго на 1 апреля 1921 г. составлял 138,7 против 248,5 в апреле предшествующего года), повелительно потребовало значительного снижения издержек производства и, следовательно, дало новый толчок к усилению и улучшению машинного обслуживания сельского хозяйства. Что именно на этом пути возможно наиболее серьезное снижение себестоимости производства, видно из того, что наименьшие производственные расходы показывают известное по максимальному применению машин хозяйство Кэмпбелла. Эти расходы составляют здесь 8 долларов на *га*, между тем как правительственная норма для образцового хозяйства определена в 16,5 долларов с *га*.

Сопоставление этих двух цифр показывает, насколько затруднительна даже для среднего фермера конкуренция с с крупным сельскохозяйственным предприятием. Разумеется, более действительным средством самообороны для него является максимальное ему доступное использование машины. Под влиянием факторов, о которых речь шла выше, за последние годы в Соединенных штатах применение машин росло в очень быстром темпе. Достаточно указать, что число тракторов в сельском хозяйстве возросло с 246 000 в 1920 г. до 700 000 в 1927 г. Комбайны, которые стали применяться сравнительно недавно, в 1927 году обработали половину урожая пшеницы.

Распространение машины в сельском хозяйстве, естественно, вело и ведет к вытеснению избыточной рабочей силы. За пятилетие 1920—1924 гг. сбор пшеницы в среднем повысился на 172 млн. бушелей против средне-годового сбора за 1906—1910 гг. Значительно вырос сбор и по всем другим важнейшим культурам. Между тем, самодеятельное население, занятое в сельском хозяйстве, в 1925 г. исчислялось в 10 877 тыс. чел. против 12 659 тыс. в 1910 г. В соответствии с ускорением темпа машинизации за последние годы ускоряется и темп сокращения сельского населения.

Распространение крупных сельскохозяйственных предприятий, которые только и в состоянии использовать машины с наиболее полной загрузкой, будет дополнительно форсировать этот процесс.

Даже при максимальном ограничении иммиграции проблема использования в промышленности громадных кадров рабочих рук, освобождающихся от сельского хозяйства, представляет весьма серьезные трудности, если принять во внимание непрерывное увеличение производительности труда в американской промышленности.

Но усиленная машинизация американского сельского хозяйства, неизбежно приводящая к развитию крупных хозяйств, вроде кемпбелловского, выдвигает и вопросы более общего, можно сказать, мирового значения. Это—проблема резкого снижения цен на хлеб, которое будет осуществлено с достаточным распространением в Соединенных штатах крупных машинизированных хозяйств. Конкуренция деше-

вого американского хлеба вызовет соответствующую машинизацию земледелия в первую очередь в Канаде, а затем и в Австралии и Аргентине. А эти четыре страны, вместе взятые, будут непрерывно оказывать давление на мировой рынок, толкая к машинизации и более бедных конкурентов. Все последствия внедрения наиболее современных машин в сельское хозяйство отсталых стран трудно предвидеть, но во всяком случае бесспорно одно: победное шествие машины сделает излишними в сельском хозяйстве новые миллионы и десятки миллионов рабочих рук.

Усовершенствования в области промышленности и транспорта имеют, разумеется, отнюдь не меньшее значение, чем прогресс в области сельского хозяйства. Соединенные штаты, страна относительно дорогой рабочей силы, и здесь идет впереди в смысле сокращения человеческого труда, замены человека машиной. Не случайность, конечно, что именно здесь родилась потогонная система Тейлора, впоследствии подновленная и усугубленная Фордом, что именно Соединенные штаты дали тон в применении конвейера—механического и безотказного погонщика рабочего. Но ряд изобретений и усовершенствований, применяемых в Соединенных штатах, имеет высоко прогрессивный характер. Среди улучшений подобного рода выдающееся место занимает широкое применение автоматических машин. Редактор экономического отдела «Франкфуртер Цейтунг» Артур Файлер рассказывает о широком использовании подобных машин на одной из крупнейших электрических станций мира:

«На Ниагаре я видел исполинскую силовую установку. Здесь люди заставили им служить водопад. Часть его вод низвергается в созданное руками человека русло и проходит через громадные генераторы, дающие освещение и силу на далекое расстояние. Однако, постройкой установки работа человека, можно сказать, и ограничилась. «Полмиллиона лошадиных сил повинуются здесь одному человеку, сидящему у своего письменного стола»,—так гласит надпись на одном из чертежей в описании этой установки. Так оно и есть в действительности. Проводник сообщает нам, что вся гигантская установка обслуживается десятью рабочими» (Америка и Европа. Перевод с немецк., ГИЗ 1926 г., стр. 84). Технические и чисто организационные успехи охватывают самые

разнородные отрасли промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Добиваясь максимального сокращения числа занятых в производстве рабочих и одновременно проводя наступление на жизненный уровень работающих, капитализм тем самым вызывает сжатие возможностей сбыта. На это в свою очередь он реагирует чисто по-капиталистически—сокращением производства. Именно в наш век громадных открытий и усовершенствований особенно явственно выступает сугубо реакционный характер капитализма, существование которого тормозит развитие производительных сил. Только переход к социализму, к развернутому хозяйственному строительству может вывести мир из того тупика, в который завел его загнивающий капитализм.

МИРОВАЯ ВОЙНА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

★

Война 1914—1918 гг. открыла эпоху мировых войн и пролетарских революций. Ленинский лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, имевший в начале войны сравнительно мало приверженцев в рабочем движении, в последние годы войны стал осуществляться в гигантских масштабах. Начиная с 1917 г. во всех решающих странах прокатилась мощная волна революционных восстаний.

Несмотря на все попытки реформистов установить гражданский мир, несмотря на все успехи, достигнутые ими в этой области в первые годы войны, к концу ее все бурнее и бурнее нарастало возмущение широчайших народных масс. Это возмущение проявлялось в отдельных стихийных забастовках, в восстаниях и т. д. Первый решительный сигнал был дан Февральской революцией в России.

В. И. Ленин писал по этому поводу:

«Предвидение тех социалистов, которые остались верны социализму и не поддались угару дикого, зверского военного настроения, оправдалось. Первая революция, порожденная всемирной разбойничьей войной между капиталистами разных стран, разразилась. Империалистическая война, то-есть война из-за дележа награбленной добычи между капиталистами, из-за удушения слабых народов, начала превращаться в гражданскую войну, то-есть войну рабочих против капиталистов, войну трудящихся и угнетенных против своих угнетателей, против царей и королей, против помещиков и капиталистов, войну за полное освобождение человечества от войн, от нищеты масс, от угнетения человека человеком». (Ленин. Революция в России и задачи рабочих всех стран,

12/25 марта 1917 г. Собрание сочинений, изд. второе, т. XX, стр. 48).

Для всякого поверхностного наблюдателя победа Февральской революции была лишь наивысшим расцветом гражданского мира. Все классы России единодушно приветствовали свержение Николая II и общественно-пропагандистская работа за продолжение войны приобрела такой размах, какого она никогда не имела при самодержавии. Но В. И. видел самые глубокие пружины событий, видел силы, которые еще пока находились в зародыше, но в дальнейшем своем развитии должны были сыграть исключительно важную историческую роль.

«Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд—«радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова и К° к захвату власти *в интересах продолжения империалистической войны*, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французами, Месопотамии... английскими... капиталистами и т. д. Это—с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за мир, за *настоящую свободу*». (Ленин. Первый этап первой революции. Собр. соч., т. XX, стр. 16—17).

Благодаря наличию этих двух глубоко противоречивых начал в русской революции, нашедшему выражение в существовании параллельно с официальным правительством неофициального органа власти—Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, превращение империалистической войны в войну гражданскую после февраля пошло гигантскими шагами. Уже через восемь месяцев после февральского переворота пролетариат России одержал блестящую победу в гражданской войне и захватил в свои руки власть.

Октябрьская революция явилась блестящим примером того, как империалистическая война превращается в гражданскую. Боевые лозунги Ленина, брошенные в начале мировой войны, получили свое практическое осуществление в Октябрьской победе российского пролетариата.

Ленинские лозунги восприняли не только широчайшие массы русского пролетариата, но и подавляющие слои крестьянства, мобилизованные на фронт во имя интересов Рябушинских и Гучковых.

Пролетарская революция как непосредственный результат мировой войны не случайно в первую очередь разразилась в России. Еще в своих «письмах издалека» Ильич писал, что «естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям пятого года),—революционный кризис разразился *раньше всего*».

Россия была наиболее слабым звеном в общей цепи капиталистического мирового хозяйства и естественно потому, что именно здесь произошел первый прорыв империалистического фронта.

Российская Октябрьская революция была первым сигналом. За ним последовал ряд пролетарских революций и в других европейских странах.

Наиболее ярким проявлением революционного кризиса в Западной Европе явилась германская революция в ноябре 1918 г.

В Германии ко времени ноябрьской революции не было еще оформленной коммунистической партии. На крайнем левом фланге стоял Союз Спартака, возглавляемый двумя столь выдающимися вождями, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, но не составлявший еще самостоятельной партии. Спартаковцы не имели ни массовой организации, ни необходимого политического опыта. Между тем, социал-демократия опиралась на свой авторитет в массах, добытый долгими годами и десятилетиями предвоенной жизни, когда социал-демократия представляла собою крайнюю левую в рабочем классе. К тому же данное поколение германского пролетариата пришло к ноябрю не с тяжелым, но ценным опытом революционных боев, как это имело место в России,

а с прочно укоренившимися традициями мирной парламентской борьбы.

Этим и объясняется то обстоятельство, что немедленно после революции власть перешла в руки реформистов. Социал-демократия с первых же дней прихода к власти сделала все, чтобы задушить революцию и сохранить в Германии капиталистический строй.

Несмотря на ряд пролетарских восстаний, прокатившихся по Германии в период между 1918 и 1923 гг., буржуазии удалось при помощи социал-демократов отдалить момент победы пролетарской революции.

Непосредственным результатом войны явился ряд революционных восстаний и в других странах Европы. В некоторых из них, как например, в Венгрии, Латвии, и т. д., некоторое время даже продержалась советская власть.

В Венгрии положение было несколько иное, чем в Германии, хотя и здесь решающую роль сыграла слабость коммунистической партии и предательское поведение социал-демократии. Там после развала Австро-Венгерской монархии власть перешла к Венгерскому национальному совету, в котором крайнее левое крыло составляли социал-демократы.

Непосредственной причиной передачи старым аппаратом всей власти Национальному совету явились революционные выступления солдат и рабочих, захвативших важнейшие учреждения и посты.

Переход власти к мелкобуржуазному совету не остановил начавшегося революционного движения масс, особенно, мощного крестьянского движения. Советы рабочих и солдатских депутатов, при относительной слабости правительства и отсутствии у него твердой линии, приобретали все большее значение. Основанная в конце ноября 1918 г. коммунистическая партия быстро расширяла свое влияние на массы. Возглавляемое графом Карольи мелкобуржуазное правительство пыталось побороть революцию репрессиями, но революционное движение росло в городе и в деревне. Под напором масс правительство добровольно уступило власть социал-демократам, которые в свою очередь пошли на объединение с коммунистами. 20 марта 1919 г. между представителями обеих партий было подписано соглашение о слиянии, о провозглашении в Венгрии Советской власти и отмене ранее на-

значенных выборов в учредительное собрание и об организации Красной армии.

Такое скоропалительное слияние старой социал-демократической партии с недавно образованной коммунистической, не имевшей ни прочной организации, ни глубоких традиций, не могло, разумеется, обеспечить необходимое для диктатуры пролетариата твердое и вместе с тем дальновидное и гибкое руководство. Когда диктатура встала перед серьезными затруднениями, «единая» партия раскололась— социал-демократы предлагали отказаться от власти. Социалдемократическое руководство Красной армией чрезвычайно ослабляло ее боеспособность. Вместо того, чтобы поддерживать и укреплять решимость к борьбе против посылаемых Антантой румынских войск, социал-демократы в правительстве и в армии пропагандировали соглашение с Антантой. При общем тяжелом материальном положении страны эта пропаганда немало содействовала развалу Красной армии. 1 августа 1919 г. совет народных комиссаров вынужден был передать власть буржуазно-демократическому временному правительству.

На ряду с этими наиболее яркими и полными проявлениями пролетарской революции следует отметить еще ряд массовых выступлений в Италии, закончившиеся неудачей попытки пролетариата захватить власть в Финляндии, Болгарии, Эстонии. Весьма характерным для этой эпохи является резкое усиление стачечного движения во всех крупнейших странах Западной Европы. В первые годы после войны стачечная волна достигла небывалых размеров. Это можно видеть из следующих данных о количестве рабочих, участвовавших в стачках по отдельным годам (данные в тыс. чел.):

	Англия	Франция	Италия	Германия
1913 г.	664	221	465	311
1919 г.	2 591	1 161	1 554	1 937
1920 г.	1 932	1 293	2 314	1 430

Характерным для эпохи, далее, является рост аграрного и национально-революционного движения.

В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» В. И. говорит:

«...думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без рево-

люционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,—думать так, значит *отрекаться от социальной революции*. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое, и скажет: «мы за империализм», и это будет социальная революция.

«Кто ждет чистой социальной революции, тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции». (Собрание сочинений, т. XIII, стр. 431).

Послевоенная эпоха принесла с собою не только ряд мощных крестьянских движений в разных странах, но и сильное революционизирование городской мелкой буржуазии, которая была экспроприирована во время инфляции и выбита из ряда важных экономических позиций крупным капиталом.

Наконец, одной из существеннейших черт эпохи является рост национально-революционных движений. Так, империалистическая Англия, которая в силу своей гигантской экономической мощи легче других воюющих стран в Европе перенесла все тяготы 1914—1918 гг., после войны встала перед опасностью потери таких важных колоний, как Ирландия и Индия.

В Ирландии неудавшееся дублинское восстание 1916 г. и последующая зверская расправа английского правительства с повстанцами в сильной степени содействовали усилению национально-освободительного движения. В последние годы войны английские войска вели себя в Ирландии исключительно нагло, так, как европейские колонизаторы вели себя в африканских или азиатских колониях. Военный террор, расстрелы без суда, убийства арестованных «при попытке к бегству», полное запрещение ирландской печати, разгон митингов, массовые обыски и аресты—вот чем проявляла себя в Ирландии свободолюбивая, либеральная Англия.

Однако, и новые репрессии не подавили движения, которое с окончанием войны стало принимать все более активные формы. В 1919 г. образован был самостоятельный ирландский парламент, который провозгласил независимую

ирландскую республику. Это вызвало ряд организованных карательных экспедиций со стороны английского правительства и оккупацию Ирландии усиленными гарнизонами. В 1919 и 1920 гг. вся Ирландия была охвачена гражданской войной. Не будучи в состоянии бороться с английскими войсками в открытом бою, ирландцы пользовались системой непрерывных партизанских набегов и налетов на казармы и правительственные учреждения, террористических актов против представителей власти. Английское правительство в конце-концов увидело себя вынужденным пойти на значительные уступки. В 1921 г. Ирландии предоставлены были права доминиона.

Имущие классы Ирландии (прежде всего крестьянские собственники) пошли на этот компромисс, и, получив большинство в ирландском парламенте, энергично подавили сопротивление левого крыла в ирландском национальном движении, требовавшего полного отделения от Англии и провозглашения республики в Ирландии. В то же время примирение ирландской буржуазии с английским правительством дало ей возможность усилить борьбу со своим же, с ирландским пролетариатом. Единый фронт национального движения, создавшийся в последние годы войны, с образованием «свободного ирландского государства» был ликвидирован.

Национально-революционное движение в Индии, которое достигло особой силы в 1919 г., явилось непосредственным результатом войны 1914—1918 гг. Период войны отмечен быстрым развитием индийской промышленности, не только легкой, но и тяжелой, которая в отличие от довоенного времени всячески поощрялась англичанами, поскольку Индия являлась наиболее близкой базой для снабжения английских войск на Ближнем Востоке. Промышленное развитие усилило влияние индийской буржуазии, которая до того стояла во главе национального движения в Индии. Одновременно росли и численность и солидарность индийского пролетариата.

Индийскому крестьянству, которое в своем большинстве и ранее жило в самых тяжелых материальных условиях, толчок к выступлению дал принудительный набор в армию, сопровождавшийся самыми жестокими насилиями со стороны англичан, а также голод 1917—1918 гг. и жестокие эпидемии чумы и гриппа в эти годы.

Национальное движение в его наиболее чистом виде приняло форму бойкота всего английского—английских фабрикатов, английских учреждений, английских учебных заведений (возглавляемое Ганди движение несотрудничества). Оно подкреплялось еще специально-религиозным движением—противобританским движением среди мусульманского населения Индии в защиту низложенного англичанами главы всех мусульман—турецкого султана. По мере того, как движение захватывало более широкие слои, в нем стали занимать существенное место более активные формы борьбы, чем те, какие допускались толстовским учением Ганди—избиения и убийства английских чиновников, разрушения путей сообщения и средств связи, нападения на европейские кварталы. Наибольшего развития эти активные методы борьбы достигли в Амритсаре, где 10 апреля 1919 г. вспыхнул мятеж.

Аграрное движение, которым вся Индия была охвачена в 1919 г., было направлено одновременно против отечественных эксплоататоров и английских поработителей. Рабочее движение в важнейших промышленных центрах приняло форму массовых стачек, по масштабу и организации представлявших собою невиданное явление в Индии.

Английское правительство подавляло все массовые движения с обычной для английского империализма жестокостью. В Амритсаре 13 апреля 1919 г. английскими войсками была расстреляна безоружная толпа. Для борьбы против мирного населения использованы были наиболее современные средства истребления, как аэропланы, бронепоезда и т. д.

Широкое движение рабочих и крестьянских масс толкнуло имущие классы и мелкобуржуазную индийскую интеллигенцию в объятия английского правительства. Реформ Монтегю-Челмсфорда, суть которых заключалась в обеспечении за индийцами права занимать ряд высоких должностей, в расширении участия имущих классов в центральном и провинциальных законодательных собраниях, оказалось достаточно, чтоб удовлетворить имущие классы Индии и обеспечить их отход от оппозиции. С их помощью национальное движение 1919 г. было подавлено.

Все эти революционные восстания, явившиеся непосредственным результатом огромнейших социальных сдвигов, происшедших во время войны, потерпели неудачу. Только в

Советском Союзе победоносный пролетариат в союзе с основными массами крестьянства смог не только отбить все наскоки врагов, но и перейти к реконструкции всего народного хозяйства на новых социалистических началах.

Война 1914—1918 гг. произвела большие сдвиги в рядах пролетариата и значительных масс крестьянства, особенно колониальных. Война революционизировала огромные народные массы, но одних революционных настроений недостаточно для победоносной революции. Одной из важнейших предпосылок революционной победы должно было быть существование крепкой большевистской пролетарской партии, объединившей вокруг себя подавляющие массы пролетариата. Такими партиями европейский пролетариат к концу войны еще не обладал. Европейский пролетариат, пытавшийся штурмовать капиталистические твердыни, не имел еще крепкого руководящего штаба.

Последующие годы позволили пролетариату выковать крепкие большевистские партии, ведущие самую решительную борьбу за высвобождение пролетариата из плена реформистских иллюзий.

Существование коммунистической партии и Коминтерна ставит уже более конкретную проблему взаимоотношений грядущей войны и пролетарской революции.

В начале прошлой мировой войны лозунги Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую были подхвачены лишь небольшими группами рабочих. В новой мировой войне лозунги Ленина явятся мощным антивоенным орудием значительных масс пролетариата и колониальных народов. Мир стоит на пороге новой империалистической войны, направленной в первую очередь против СССР. Такая война—классовая война империализма против Советского Союза—отечества пролетариев всего мира, делает лозунги Ленина особенно конкретными и понятными каждому пролетарию. Новая война, будет ли она направлена против СССР или явится она войной внутри империалистического сектора—неизбежно перерастет ряд гражданских войн в пролетарскую революцию.

На 8 Всероссийском съезде советов Ленин говорил:

«...История учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались иначе, как в ряде войн... Надо

быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому... Вопрос стоит именно так,— долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй».

Мы должны готовиться к новой полосе войн, которые решат судьбу революций. Эта новая полоса войн сейчас, в так называемый третий период, явственней, реальнее, чем когда-либо. Если эта война вспыхнет, она неизбежно перерастет в пролетарскую революцию. Но было бы совершеннейшим абсурдом предполагать, что новая революция невозможна без войны. В 1916 г. Ленин писал:

«Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса или Цабернского инцидента или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенных наций и т. п.». (Собрание сочинений, том XIX, стр. 170. Изд. I).

Меньшевики пытаются приписать Коминтерну теорию, что новая пролетарская революция возможна лишь в результате новой войны, а отсюда и логический вывод, что большевики всячески разжигают новую войну, форсируют ее наступление.

Установка Коминтерна ничего общего с этим не имеет. На 6 конгрессе Коминтерна очень много говорилось о грядущей мировой войне, как актуальнейшем вопросе современности. Но из этого вовсе не делали вывода, что новый революционный взрыв не может предупредить новой войны. Наоборот, одним из составных элементов революционной борьбы коммунистов является антивоенная работа. Вокруг конкретных лозунгов борьбы с войной объединяют коммунисты широчайшие массы пролетариата и крестьянства, разоблачая военные планы буржуазии и показывая, что борьба с военной опасностью не отделима от борьбы со всем капиталистическим строем.

«Все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вче-

рашней войны и о надвигающейся западной войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистической войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада *иначе как большевистской борьбой и большевистской революцией»*. (В. И. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции).

Цена 1 руб.

